

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ТУВИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Б. Ч. Ооржак

ВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2014

УДК 811.512
ББК 81.2Тув-2
О 59

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда фундаментальных лингвистических исследований
проект № В-21

Утверждено к печати Ученым советом Института филологии
СО РАН и Научно-техническим советом ФГБОУ ВПО
«Тувинский государственный университет»

Работа выполнена в соответствии с тематическим планом научно-исследовательских работ ФГБОУ ВПО «Тувинский государственный университет», проводимых по заданию Министерства образования и науки РФ (регистрационный номер — No 2014/390)

Научный редактор д. филол. н. *Н. Н. Широбокова*
Рецензенты: д. филол. н. *Л. А. Шамина*,
д. филол. н. *И. В. Шенцова*, д. филол. н. *А. Д. Каксин*

Ооржак Б. Ч.

О 59 Временная система тувинского языка. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 184 с.

ISBN 978-5-94456-212-7

В монографии представлены результаты первого целостного исследования временной системы тувинского языка в динамике ее развития. Описывается структурно-семантическая организация временных полей тувинского языка с учетом прагматических особенностей ряда временных форм. Рассматриваются общие форманты, сходство и различие их семантики и их место в глагольной парадигме в тувинском и в исторически связанном с ним древнеуйгурском языке, а также во входящих в один ареал с тувинским южносибирских тюркских языках.

Проведенный анализ временной системы тувинского языка, материалы, выводы и обобщения, приводимые в работе, могут быть использованы для уточнения данных описательной грамматики, создания учебников по тувинскому языку. Исследование представляет интерес для тувинистов, а также тюркологов и типологов, работающих над проблемами грамматики.

УДК 811.512

ББК 81.2Тув-2

В оформлении переплета использованы фотографии
Э. В. Пекшиной, О. Ш. Ооржака.

ISBN 978-5-94457-212-7

© Б. Ч. Ооржак, 2014

© Языки славянской культуры, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА I. Теоретические проблемы, связанные с определением категориального статуса форм, передающих значения времени, модальности, аспекта и эвиденциальности в тувинском языке.....	13
1.1. Краткая история изучения вопроса.....	13
1.2. Теоретические проблемы, связанные с выделением временной парадигмы тувинского языка.....	17
1.3. Время в общем и тюркском языкознании.....	21
1.4. Понятие аспекта в общем и тюркском языкознании.....	25
1.5. Категории модальности и наклонения в общем и тюркском языкознании.....	33
1.6. Эвиденциальность.....	38
ГЛАВА II. Временная система тувинского языка.....	45
2.1. Общие тенденции развития временных систем в тюркских языках Сибири.....	45
2.2. Система прошедшего времени.....	57
2.2.1. Форма прошедшего времени на <i>-ды</i>	58
2.2.2. Форма прошедшего времени на <i>-ган</i>	68
2.2.3. Форма прошедшего времени на <i>-чык</i>	77
2.2.4. Форма прошедшего-настоящего времени на <i>-бышаан</i>	83
2.2.5. Форма прошедшего времени на <i>-п-тыр</i>	87
Выводы.....	95
2.3. Система настоящего времени.....	98
2.3.1. Форма настоящего времени на $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$	101
2.3.2. Форма настоящего времени на $T_v-n V_{(бытия)}-ap$	107
2.3.3. Форма настоящего времени на <i>-а-дыр</i>	113
Выводы.....	122

2.4. Система будущего времени.....	125
2.4.1. Форма будущего времени на <i>-р</i>	125
2.4.2. Форма будущего времени на <i>-галак</i>	134
Выводы.....	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	151
Литература	159
Приложение 1. Сведения об информантах.....	175
Приложение 2. Сокращения и символические обозначения.....	178

*Посвящаю моим родителям
Чаиш-оолу Санааевичу и
Зое Тырышпайевне Ооржак*

ВВЕДЕНИЕ

В работе представлены результаты первого целостного исследования временной системы тувинского языка в динамике ее развития. Описывается структурно-семантическая организация временных полей тувинского языка с учетом прагматических особенностей ряда временных форм. Также рассматриваются общие форманты и их место в глагольной системе в тувинском, исторически связанном с ним древнеуйгурском языке и южно-сибирских тюркских языках, входящих в один ареал с тувинским.

Тувинский язык — язык тувинцев, тюркоязычного этноса, компактно проживающего в Республике Тыва Российской Федерации. Также тувинцы небольшими группами проживают на юге Красноярского края, в приграничных с Тувой аймаках Монголии и в Синьцзянь-Уйгурском автономном округе Китая. По данным переписи населения 2010 г., в Российской Федерации говорят на тувинском языке 253 673 человека.

Территория Тувы входит в ареал распространения древних рунических памятников, оставленных племенами, входившими в объединения орхонских, уйгурских, кыргызских племен. В этот ареал также входят Хакасия, Монголия, Алтай, Бурятия и др. Это свидетельствует о сложных исторических и политических процессах, происходивших на данной территории и оставивших свои следы в формировании языков народов, населяющих данные регионы [Убрятова 1980; Широбокова 2005].

Отношение современных тюркских языков Южной Сибири к древним тюркским языкам, носители которых проживали на данной территории, устанавливаются на основании языковых, исторических и географических факторов. По классификации Н. А. Баскакова, сибирские тюркские языки, кроме южных диалектов алтайского, входят вместе с древнетюркским и древнеуйгурским в уйгуро-огузскую группу тюркских языков [Баскаков 1960: 62].

По мнению А. М. Щербака, сибирские тюркские языки относятся к разным группам: большинство сибирских языков — северные диалекты алтайского языка, хакасский, чулымский, шорский вместе с сарыг-югурским — входит в смешанную группу; южные диалекты алтайского языка и барабинский вместе с киргизским, казахским, башкирским, татарским и др. составляют кыпчакскую группу; якутский и долганский образуют отдельную группу; в урянхайскую группу объединены тувинский, тофский и уйгуро-урянхайский языки [Щербак 1994: 34—41].

Ступенчатая реконструкция, основанная на лингвогеографическом подходе, разводит сибирские тюркские языки по следующим группам: алтайский язык входит в кыпчакскую; хакасский, шорский, чулымский — в киргизскую; отдельную группу, якутскую, составляют якутский и долганский языки; тувинский язык вместе с тофским и языком туха (цатанов) (Северо-Западная Монголия), а также центральным (Западная Монголия) и языком мончаков (Северо-Западный Китай) составляет отдельную группу, называемую тобасской. Авторы этой концепции исходят из того, что в общем пратюркском языке в хронологически разные периоды формируются региональные (или зональные) различия, приведшие к образованию региональных тюркских праязыков, которые дали начало современным тюркским языкам [СИГТЯ 2002: 4].

В соответствии с предлагаемой реконструкцией региональных праязыков авторы [СИГТЯ 2002] представляют уточненную классификацию тюркских языков с помощью морфологической лингвостатистики с привлечением метода глоттохронологии на основе данных современных языков и языков памятников. Согласно данной классификации, сибирские тюркские языки «отошли» от общего праязыка примерно в 50-е гг. н. э. Распад сибирской языковой общности начался в 400-е гг. н. э. отделением якутско-тувинской ветви, которая, в свою очередь, разделилась в 680-е гг.

на тобасскую и якутскую группы. Киргизская группа отделилась примерно в 790 г.; киргизский язык — в 1070 г., диалекты алтайского языка — в 1210 г. [СИГТЯ 2002: 733, 734, 737].

Таким образом, племена, населявшие Южную Сибирь, сохраняя следы общего праязыка, приобрели свои особые черты в ходе своего исторического развития. Здесь сыграла

роль и последовательность смены правящих государствообразующих тюркских племен ... и, следовательно, изменение роли разных этносов, менялось также распространение и степень влияния языков. Орхонских тюрков сменяли уйгуры, уйгуров — киргизы, киргизов разбили монголоязычные кидани [Широбокова 2002: 223].

Современные тюркские языки Южной Сибири в разной степени отражают ту или иную степень близости к древним тюркским языкам на разных уровнях языка (лексическом, грамматическом). В одних языках преобладают черты языка орхонских памятников, в других — древнеуйгурского, в третьих — древнекиргизского. Поскольку взаимодействие языков происходило в разное время, черты более поздних влияний перекрывают более ранние.

По системе глагола современные южносибирские тюркские языки относятся к кыпчакским языкам. Это проявляется в ряде черт, присущих языкам кыпчакского типа, а именно в семантической широте и функциональной активности формы на *-ган* и ее производных, а также во временных формах, образованных при участии вспомогательных глаголов *тур-*, *олур-*, *чор-*, *чит-*. Кыпчакизация тюркских языков Южной Сибири произошла под влиянием древнекиргизского языка, который был на данной территории доминирующим после разгрома кыргызами Уйгурского каганата в 840 г. Во взаимодействии с ним южносибирские тюркские языки сформировали вторичные причастия (*-галак*, *-ооччу*) [Убрятова 1985: 32, 55]. Древнекиргизский слой является более поздним в южносибирских тюркских языках.

Общие черты в области лексики и грамматики кыпчакских (киргизского, южных диалектов алтайского), южносибирских («кыпчакизированных южносибирских») языков — северных диалектов алтайского языка, хакасского, шорского и чулымского; «саянских» — тувинского и тофского) и «северо-восточносибирских» (якутского и долганского) языков проанализи-

рованы К. Шёнигом [Schönig 1991; 2006]. К числу общих форм в глагольном словоизменении он относит форму на *-GAn*¹; аналитические формы настоящего времени на *-A turur* и *-yata turur* в киргизском и кыпчакизированных южносибирских тюркских языках, а также киргизско-якутскую форму на *-V äläk / -V ilik* вместе с южносибирской формой на *-GAlAk* и «фу-юйско-тюркской» формой на *-GAlAG* [Schönig 2006: 42, 50, 52].

Уйгуры оставили на территории Центральной Азии немногочисленные письменные памятники [СУЯ 1989: 9]. Предположительно древний уйгурский язык, существовавший на территории Центральной Азии и Южной Сибири, был языком огузского типа (наличие формы на *-мыш*), но имел и специфические черты, которые определяются как уйгурские. Это — активное использование форм на *-гу* и *-йук*, а также более широкое функционирование формы на *-мыш* и др.

Уйгурские черты, одни из которых зафиксированы в памятниках, а другие, свойственные современным уйгурским диалектам, прослеживаются также в области фонетики и грамматики южносибирских тюркских языков, особенно тувинского и тофского языков.

В области фонетики: сохранение конечного *-з* (тув., тоф., хак., чул., шор.); наличие нейтрального *i* и связанное с ним нарушение гармонии гласных (хак.); нарушение гармонии гласных под влиянием *i*: *тутпейн дыр мен < тутпайн дыр мен* ‘я не держу’ (тоф.), *аний < анай* ‘козленок’ (диал. тув.). В области грамматики обнаруживаются: аналитическое выражение показателя лица *мен чыдыр мен* ‘я лежу’ (тув., тоф.); аналитическое употребление древних форм на *-тег*, *-биле* (тоф., тув.). В системе глагола современных тюркских языков Сибири остались следы древнеуйгурских причастных форм *-гу* и *-йуг*: *-гу дег* (тоф., тув., шор., хак., тел., алт.), *-чык* (тув., тоф., хак.) [Убрятова 1985: 25, 26].

Сохранение в современном тувинском языке древнеуйгурского прошедшего времени на *-йук* отмечают Д. М. Насилов [Насилов Д. М. 1966] и Ч. М. Доржу [Доржу 1984].

И последний, самый ранний слой — язык древних памятников р. Орхон с главными признаками: глагольными формами на *-мыш* и *-дук*. Следы этих языков на территории Сибири наиболее ярко проявляются в якутском и долганском, а в южносибирских тюрк-

¹ К. Шёниг называет зону распространения формы на *-GAn*, в которую входят не только кыпчакские и южносибирские языки, но и туркменский, саларский и чувашский, как «*-GAn-türkische Areal*» [Schönig 2006: 57].

ских языках почти незаметны [Убрятова 1985: 24]. Было обнаружено функционирование формы на *-мыш* на периферии глагольной системы в зарубежном диалекте тувинского языка, ценгельском (Западная Монголия) [Хийс 2009]. Н. Н. Широбокова отмечает, что древние причастные формы *-диq* и *-juq* характеризуются как этнически маркированные: первая форма связана с древними орхонскими памятниками, вторая — с уйгурскими [Широбокова 2005: 199].

Система глагола в исторических исследованиях представлена наиболее полно. С одной стороны, именно система глагола имеет тенденцию наиболее быстрого развития, с другой — в ней сохраняются древнейшие классификационно значимые формы. Следовательно, система глагола дает возможность проследить развитие языка на разных исторических этапах.

Для большинства сибирских тюркских языков выявлены не все функционирующие категориальные оппозиции в системе глагола. Объектом нашего исследования является временная система тувинского языка, пути и тенденции ее развития.

Актуальность данного исследования определяется тем, что тувинские временные формы как целостная система еще не подвергались специальному изучению. Данные по глагольным системам древних и современных тюркских языков Южной Сибири позволяют представить динамику развития временной системы тувинского языка.

Предметом исследования являются финитные временные формы тувинского языка. Это пять простых форм прошедшего времени на *-ды*, *-ган*, *-чык*, *-п-тыр*, *-бышаан*. План будущего времени формируется двумя синтетическими формами на *-ар*, *-галак*. В настоящем времени выделяются три формы: на *-а-дыр* и две аналитические формы, представляющие собой сочетание смыслового глагола с так называемыми бытийными² вспомогательными глаголами, — $T_v-n V_{(бытия)}$ -Ø, $T_v-n V_{(бытия)}$ -ар.

² В группу «бытийных» вспомогательных глаголов («бытия») в сибирских тюркских языках относят вспомогательные глаголы, восходящие к глаголам позиции / способа нахождения в пространстве *тур* 'стоять', *олур* 'сидеть', *чыт* 'лежать' и глаголу движения / перемещения в пространстве *чор* 'идти, быть в движении', которые в составе аналитических форм грамматикализуются, подвергаясь лексической десемантизации и приобретая значения 'быть', 'пребывать', 'находиться', 'существовать'. Указанные ЛСГ глаголов «принадлежат к числу очень распространенных в языках мира диахронических источников грамматических показателей» [Майсак 2005: 15, 17].

Целью данного исследования является построение временной системы тувинского языка, выявление системообразующих значений, релевантных в развитии тувинской временной системы. В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

1. Выделение временных форм в тувинском языке.
2. Установление грамматических значений, структурирующих сферы прошедшего, настоящего, будущего времени.
3. Построение парадигмы временной системы тувинского языка.
4. Рассмотрение функционирования временных форм в синхронии.
5. Определение тенденции развития системы времени в тувинском языке в соотношении с данными древних тюркских языков, с которыми исторически связаны южносибирские тюркские языки.

Предлагаемое исследование было проведено на основе теоретических разработок в общей лингвистике и тюркологии, а также в рамках современных концепций в типологии. Теоретической базой послужили работы по проблемам темпоральности (времени), модальности, аспектуальности, эвиденциальности в тюркологии, русистике и общем языкознании; а также сравнительно-исторические, сравнительно-сопоставительные исследования тюркских языков и типологические исследования.

Материалом исследования послужила выборка из художественной литературы на тувинском языке и примеры, полученные от информантов, общим объемом около 3500 единиц.

Автор приносит благодарность рецензентам, гл. н. с. Сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (г. Новосибирск), д. филол. н. Л. А. Шаминой, проф. НФИ Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк), д. филол. н. И. В. Шенцовой и вед. н. с. ИСАТ и ВЯ Хакасского госуниверситета д. филол. н. А. Д. Каксину (г. Абакан), проанализировавших работу и внесших свои предложения по улучшению ее качества.

Также автор искренне благодарен вед. н. с. Тувинского ИГИ (г. Кызыл) к. филол. н. Д. А. Монгушу; научным сотрудникам Сектора языков народов Сибири и Лаборатории экспериментальных фонетических исследований ИФ СО РАН (г. Новосибирск) гл. н. с.,

д. филол. н. Н. Б. Кошкаревой, гл. н. с., д. филол. н. И. Я. Селютиной; вед. н. с., к. филол. н. А. А. Мальцевой, с. н. с., к. филол. н. А. В. Байыроол; проф. Тувинского государственного университета (г. Кызыл), к. филол. н. М. В. Бавуу-Сюрюн за их ценные советы и поддержку.

Автор очень признателен с. н. с. Тувинского государственного университета (г. Кызыл), к. филол. н. А. Б. Хертек и с. н. с. ХакНИИЯЛИ (г. Абакан), к. филол. н. И. М. Чебочаковой, оказавших помощь в корректуре и технической правке при подготовке рукописи к печати.

Особую благодарность автор выражает своему научному руководителю, д. филол. н. Н. Н. Широковой, без многолетнего и неустанного участия которой не состоялось бы данное исследование.

Издание монографии произведено благодаря финансовой поддержке Фонда «Развитие фундаментальных лингвистических исследований» (г. Москва).

Кызыл, август 2014 г.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ КАТЕГОРИАЛЬНОГО СТАТУСА ФОРМ, ПЕРЕДАЮЩИХ ЗНАЧЕНИЯ ВРЕМЕНИ, МОДАЛЬНОСТИ, АСПЕКТА И ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. Краткая история изучения вопроса

Научное исследование тувинского языка было начато выдающимися востоковедами В. В. Радловым (Вильгельм Фридрих Радлов) и его учеником Н. Ф. Катановым. В. В. Радлов впервые посетил район Кара-Холя в 1861 г. с целью изучения тувинского фольклора. Тогда он записал две сказки и четыре песни, которые были впоследствии опубликованы [Радлов 1907]. Особенности тувинского языка по сравнению с другими сибирскими тюркскими языками, алтайским и хакасским, он изложил в своем известном труде по фонетике тюркских языков Сибири [Радлов 1899].

Н. Ф. Катанов является основоположником тувинского языкознания. Ему принадлежит первое научное грамматическое описание тувинского языка — «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» [Катанов 1903], которое было написано на основе собранного им фактического материала во время экспедиции в центральной и западной Туве в 1889 г. Эта работа явилась основой для дальнейшего научного изучения тувинского языка. Собранный им языковой материал был опубликован В. В. Радловым [Радлов 1907].

С середины 20-х гг. XX в. в Москве и Ленинграде началась работа по подготовке к созданию тувинской письменности. В это время тувинцами использовался монгольский алфавит,

поскольку официальным языком в Туве служил монгольский язык, которым владело духовенство и чиновничество. 28 июня 1930 г. была введена письменность на основе латинского алфавита, в ее разработке принимали участие Е. Д. Поливанов, Н. Н. Поппе, А. М. Сухотин, Н. Ф. Яковлев, А. А. Пальмбах, а также геше-лама Верхнечаданского хурээ Монгуш Лопсан-Чимит. Письменностью на основе латиницы пользовались 11 лет. В это время параллельно разрабатывалась письменность на основе кириллицы. И в 1941 г. было принято решение о переводе тувинской письменности на кириллицу.

После вхождения Тувы в состав СССР (1944 г.) активизировалась работа по изучению тувинского языка. В изучение тувинского языка и подготовку тувинских лингвистических кадров большой вклад внесли С. Е. Малов, В. М. Надеяев, Е. И. Убрятова, Н. А. Баскаков, А. Н. Кононов, Г. Ф. Бабушкин, Е. В. Севортьян, Э. Р. Тенишев, И. А. Батманов, А. А. Пальмбах, Ф. Г. Исхаков и др. Системное исследование и изучение тувинского языка было начато с открытия Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы, истории (ТНИИЯЛИ) в 1945 г.

Вопросы изучения грамматического времени в тувинском языке получили освещение в работах исследователей тувинского языка, начиная с Н. Ф. Катанова. В «Опыте исследования тувинского языка...» грамматическое время представлено пятью формами: 1) форма прошедшего совершенного времени на *-ды/-дi* (*алды* ‘взял’); 2) форма прошедшего несовершенного времени на *-кан/-кән* (*корткан-бән* ‘я боялся’); 3) форма настоящего времени «для обозначения однократности действия», образованная от деепричастия на *-н* и вспомогательного глагола *тур* (*тин-тур-бән* ‘говорю’); 4) форма настоящего времени «для обозначения многократного действия», образованная от деепричастия на *-а* и вспомогательного глагола *тур* (*көшә-тур-бән* ‘кочую, имею обыкновение кочевать’); 5) форма будущего времени на *-ар/-әр* (*кiрiр-бән* ‘войду’) [Катанов 1903: 667—669, 718—720, 722—725].

Впервые форму на *-н-тыр* определили как «прошедшее повествовательное время» в [Биче-оол, Исхаков 1952: 167].

Ш. Ч. Сат в кратком грамматическом очерке «Тувинский язык», приложении к «Тувинско-русскому словарю», рассматривает 9 форм времени. В плане прошедшего времени: 1) прошедшее

неопределенное на *-ган*, 2) прошедшее определенное на T_v -*n* V (*чит-, тур-, олур-, чор-*)*-ган*, 3) прошедшее достоверное (категорическое) на *-ды*, 4) прошедшее на *-чык*, 5) прошедшее-настоящее на *-бышаан*. В плане настоящего времени: 1) настоящее достоверное на T_v -*n* V (*чит-, тур-, олур-, чор-*) $\emptyset$, 2) настояще-будущее на T_v -*n* V (*чит-, тур-, олур-, чор-*)*-ар*. В плане будущего времени: 1) будущее ожидаемое на *-галак*, 2) будущее неопределенное на *-ар* [Сат 1955: 686—694]. Здесь впервые отмечена как временная форма на *-бышаан*. В системе изъявительного наклонения автором не выделяются формы на *-n-тыр* и *-а-дыр*. Позднее в учебном пособии «Амгы тыва литературлуг дыл» данные формы характеризуются как временные [Сат, Салзынмаа 1980: 193, 198].

Авторы «Грамматики тувинского языка» Ф. Г. Исаков и А. А. Пальмбах выделяют также 9 форм времени [ГТЯ 1961]. Но набор выделяемых форм отличается от системы Ш. Ч. Сата, в которой представлены аналитические формы прошедшего определенного времени на T_v -*n* V (*чит-, тур-, олур-, чор-*)*-ган* и настояще-будущего времени на T_v -*n* V (*чит-, тур-, олур-, чор-*)*-ар* [Сат 1955]. В ГТЯ данные формы не отмечаются. План прошедшего времени представлен здесь пятью формами: 1) прошедшее категорическое на *-ды*, 2) прошедшее неопределенное на *-ган*, 3) прошедшее повествовательное на *-n-тыр*, 4) прошедшее риторическое на *-чык*, 5) прошедшее-настоящее на *-бышаан*. В плане настоящего времени имеются две формы: 1) настоящее конкретное на T_v -*n* V (*чит-, тур-, олур-, чор-*) $\emptyset$, 2) настоящее заглазное на *-а-дыр*. В плане будущего времени — две формы: 1) будущее-настоящее на *-ар*, 2) будущее ожидаемое на *-галак* [ГТЯ 1961: 365—391].

Специальному анализу форм прошедшего времени посвящена монография Д. А. Монгуша «Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке». Здесь подробно рассматриваются значения пяти форм прошедшего времени: *-ды*, *-ган*, *-ыт-тыр*, *-чык*, *-бышаан*. Д. А. Монгуш указывает на связанность выражения временных и модальных значений некоторых из данных форм с категорией персональности. Кроме вышеперечисленных временных форм, автор приводит усложненные, созданные на их базе, формы и дает описание их значений. Монография богата сравнительным материалом из других тюркских языков, на фоне которого выявляются специфические

для тувинского языка формы и значения [Монгуш 1963]. Кроме того, Д. А. Монгуш исследовал значения отдельных временных форм: настоящего заглазного времени на *-а-дыр* [Монгуш 1958]; будущего ожидаемого времени на *-галак* — и особо тщательно проанализировал аналитические формы, образованные на базе формы на *-ган* [Монгуш 1959].

Вопросы описания временной системы в тюркских языках связаны с выделением и разграничением форм наклонений и описанием их семантики. Теоретические вопросы соотношения времени / наклонения в тюркских языках и методики их изучения разработаны Н. А. Баскаковым [Баскаков 1968, 1971, 1979, 1981], Н. З. Гаджиевой [Гаджиева 1968, 1980] и др. Системам времен в алтайских и тюркских языках посвящены работы И. В. Кормушина [Кормушин 1984, 1988, 1991, 2008].

Сравнительно-сопоставительные и сравнительно-исторические описания тюркских языков дают ориентир в описании грамматических форм отдельных тюркских языков. Основными работами в этом направлении для нас послужили исследования: [Дмитриев 1962; Рассадин 1978; Гаджиева 1979; 1980; 1986; Серебренников 1979; 1986; Грунина 1966; 1991; 1996; 2000; Щербак 1981; 1994; Гузев 1990; Широбокова 2005]. Последняя работа, основные положения которой послужили для нас в качестве базовых, нами детально проработана.

Описание семантики отдельных временных форм, временных полей и систем времен в древних тюркских языках приводится в работах [Баскаков 1965; 1975; Кононов 1980а; 1980б; Насилов Д. М. 1963; 1966; 1976; 2005; Серебренников 1974]. Об историческом развитии тюркских глагольных временных форм см. в [Серебренников, Бирюкович 1981; 1984]. Свой взгляд на динамику развития системы времени в тюркских языках представил В. Г. Кондратьев [Кондратьев 1985].

Теоретические положения по выделению видовых значений и форм их грамматического выражения в тюркских языках были разработаны Д. М. Насиловым [Насилов Д. М. 1986; 1989]. Взгляд на систему индикатива как на особую видо-временную (аспекто-темпоральную) систему в глаголе тюркских языков представлен в следующих работах: [Johanson 1971; 1975; 1994; 1996; 2000а; 2000б; 2001; Buder 1989; Мехмет 2000; Габдрахманова 2009].

Принимая в качестве базовых традиционно сложившиеся описания значений временных (видо-временных) систем в тюркских языках, мы привлекаем для анализа семантики исследуемых форм времени в тувинском языке также современные достижения исследований по теории общей грамматики. Вопросы рассмотрения граммем времени, аспекта, эвиденциальности и модальности в свете современных концепций описания универсальных грамматических категорий освещаются в типологических и сравнительно-сопоставительных работах. Это работы [Comrie 1976; 2000; Козинцева 1994; 2007; Мельчук 1998; Кузнецова 2004; Плунгян 1998; 2000; 2001; 2011; Татевосов 2004; 2005; Майсак 2005].

Таким образом, для целостного описания временной системы тувинского языка с точки зрения комплексного устройства семантики каждого члена данной парадигмы, сформированной в ходе исторического развития тувинского языка, привлекаются современные достижения в области изучения теории лингвистики, а также в области сравнительно-исторических и сравнительно-сопоставительных исследований тюркских языков, материалы по грамматике древних тюркских и сибирских тюркских языков, имевших исторические и ареальные связи с тувинским языком.

1.2. Теоретические проблемы, связанные с выделением временной парадигмы тувинского языка

Ощущение времени для каждого человека является субъективным, а восприятие времени множества людей, принадлежащих к одной культурно-коммуникативной группе, каковой является отдельный исторически сложившийся этнос, находит свое отражение в языке. Поэтому временные представления в различных этнических общностях формируются по-разному. Как следствие этого, в языках мира существуют различные по содержанию и составу временные значения, выраженные в морфемах, лексемах, фразеологических единицах, синтаксемах.

Идея времени в своей «высшей концентрации» реализуется в мельчайших значимых единицах языка, морфемах — грамматических формах времени, составляющих вместе особую для каждого языка временную систему. Поэтому в каждом конкретном языке временная система имеет свою специфическую структуру и

особые взаимоотношения между самими значениями временных форм, с одной стороны, а также отношения значений этих форм с формами и значениями других языковых категорий — с другой.

Временные системы тюркских языков характеризуются большим количеством показателей. Наиболее богато представлено поле прошедшего времени. В современных тюркских языках насчитывается от двух до шести форм прошедшего времени. Особенность тюркской временной формы как элемента системы времени состоит в том, что она является полисемантической — совмещает в себе наряду с собственно временным значением аспектуальные, эвиденциальные, иногда и модальные значения. Категориальная принадлежность тюркской формы к системе времени определяется преобладанием значения времени в комплексной семантике данной формы. Поэтому существует ряд проблем разграничения данных значений в тюркских языках:

- выбор форм со значением времени, которые будут описываться;
- отграничение временных значений между собой;
- разграничение временных и модальных значений;
- разграничение модальных значений между собой;
- разграничение модальных и эвиденциальных значений;
- выделение аспектуальных значений, с учетом различий в понимании вида и аспекта.

Таким образом, временная система в современном тувинском языке представляет собой сложную организацию взаимодействующих функциональных (структурно-семантических) полей, единицы которых связаны между собой также внутренними семантическими взаимоотношениями. Единица функционального поля времени — финитная глагольная форма, включающая в себя комплекс значений времени, эвиденциальности, аспектуальности, модальности, где категориально определяющим значением является временное значение. Центр функционального поля времени составляют глагольные финитные формы с преобладающим значением времени, отличающиеся высокой частотностью употребления и нейтральные в отношении стилистического употребления в современном тувинском языке.

В системе времени в тувинском языке мы выделяем десять форм: в поле прошедшего времени — формы на *-ды*, *-ган*, *-чык*, *-п-тыр*, *-бышаан*; настоящего времени — формы на T_v -*n*

$V_{(тур-, олур-, чор-, чыдыр)}$ - $\emptyset$, T_v - n $V_{(тур-, олур-, чор-, чыдыр)}$ - ap , $-a-dыр$; будущего времени — формы на $-ap$, $-галак$. Данные формы все без исключения, помимо собственно временных значений, имеют дополнительные граммы и обладают сложными комплексами значений и различаются сферой употребления.

Первая проблема связана с определением категориального статуса формы. Отнесение форм к той или иной категории (времени, модальности, аспектуальности, эвиденциальности) определяется преобладанием соответствующего признака в семантическом содержании формы с опорой на языковое чутье исследователя. Такое достаточно субъективное определение порождает выделение разного количества временных форм и косвенных наклонений в трудах разных авторов.

Именно относительное преобладание временной семантики выделяет категорию времени в тюркских языках. В этом отношении наиболее обоснованы позиции прошедшего и настоящего времени, будущее время занимает промежуточное положение между индикативом и косвенными наклонениями.

Форма на $-р$ в одних тюркских языках занимает позицию настоящего-будущего времени, в других — является формой будущего времени, в третьих — осложнена модальным значением предположительности (в огузских языках). Форма на $-гай$ в большинстве тюркских языков уже не употребляется как форма будущего времени, вышла за рамки индикатива и функционирует как форма косвенных наклонений. Как временная форма она определяется только в тофском языке [Рассадин 1978].

Форма прошедшего времени на $-чык$ в тувинском языке осложнена модальным значением подчеркнутой утвердительности. Временные, модальные и эвиденциальные компоненты значений взаимодействуют со значением персональности. Так, относительно свободная от каких-либо модальных, аспектуальных и эвиденциальных оттенков значений форма на $-р$ во 2-м лице выражает побуждение. Форма на $-ды$ в значении будущего времени, которое возможно только во 2-м лице субъекта, выражает модальное значение предостережения (прохибитива). Такая взаимосвязь значений форм индикатива и косвенных наклонений объясняется генетическим родством форм, их происхождением из древних полисемантических неличных форм.

В современных тюркских языках наблюдается тенденция к смешению значений косвенных наклонений, и нередко вариативность значения связана с лицом исполнителя действия. В тувинском языке, например, собственно повелительное значение передается нулевой формой во 2-м лице *кел* 'приходи', тогда как *келийн* 'приду-ка я' выражает скорее желание, нежели повеление, а в 3-м лице — *келзин* 'пусть придет' может трактоваться и как позволение, и как повеление. Тем не менее эти три формы входят в одну парадигму повелительного наклонения, как и в других тюркских языках.

Значения косвенных наклонений в тюркских языках, выражающих семантику эпистемической модальности, нередко пересекаются. Это объясняется отчасти родственностью и взаимной логической выводимостью данных значений — это тот случай, когда они описываются в рамках одного наклонения (*келийн*, *кел*, *келзин* в повелительном). Но также допускается обратное — общетюркская форма на *-гай* в разных тюркских языках выступает как форма желательного, сослагательного, повелительно-желательного, позволительного, повелительно-желательного, нерешительного наклонений или характеризуется как форма «опасения», «согласия» [ЯМ 1997]. Это говорит о некогда существовавшем большом семантическом объеме данной формы, которая в современных тюркских языках специализировалась для передачи некоторых из них отдельно в каждом языке.

Таким образом, проницаемость границ между самими косвенными наклонениями, с одной стороны, и формами будущего времени и других косвенных наклонений — с другой, позволяет им переходить из одной категории в другую.

Модальная и эвиденциальная компоненты значений форм связаны также с типами текста (историческое повествование, описание и др.). От типа повествования во многом зависит употребление той или иной формы или реализация определенного значения из комплекса ее значений. В тувинском языке форма на *-п-тыр* употребляется преимущественно как повествовательная форма в фольклорных текстах. В речи реализуется миративное (адмиративное) значение этой формы. Форме на *-галак* в современном тувинском языке присуща описательная функция.

Исследователи тюркских языков выделяли в некоторых формах значение «заглазости» (в тув.: *-а-дыр* в [Монгуш 1958]) и долгое время относили данное значение в разряд модальных или же с оговорками рассматривали данные формы в системе времени. Сейчас это значение можно определить как эвиденциальное.

Отсутствие единого общепринятого принципа в описании значений аспекта в тюркском языкознании также является большим препятствием в определении статуса глагольных форм. В выделяемой в тувинском языке форме на *-галак* наряду с временным значением проявляются и другие значения. Исследователями приписывается этой форме модальное значение ожидания совершения действия. Мы считаем, что значение формы на *-галак* связано не столько со значением модальности, сколько с аспектуальным значением проспектива.

Таким образом, значения форм, входящих во временную систему тувинского языка, являются комплексными, совмещающими в той или иной степени и временные, и аспектуальные, и модальные, и эвиденциальные значения. В таких случаях в связи с описанием системы времени в тувинском языке важно определиться с тем, что считать временем, модальностью, аспектуальностью и эвиденциальностью.

1.3. Время в общем и тюркском языкознании

Время — грамматическая категория глагола, являющаяся специфическим языковым отражением объективного времени и служащая для темпоральной (временной) локализации события или состояния, о котором говорится в предложении [ЛЭС 1990: 89].

Действие, событие, состояние может быть соотнесено с моментом речи (МР) или другой точкой отсчета, соответственно выделяются категории абсолютного и относительного времени. Выражение абсолютного времени связано с ориентацией времени действия на МР («сейчас»). Ориентация времени ситуации относительно МР называется в лингвистической литературе «временной дейксис». Соотношение времени деятельности с МР выражается в выделении глагольных времен — настоящего, прошедшего и будущего. При относительной временной ориентации, когда точкой отсчета является другое действие,

указывается на одновременность, предшествование или следование [Мельчук 1998: 62].

МР в лингвистике обычно воспринимается как точка, расположенная на оси времени, от которой отходят два прямых вектора — в прошедшее (налево) и в будущее (направо). МР как точка «сейчас» попадает в сферу настоящего времени, которая, в свою очередь, обладает некоторой длительностью. Для МР характерно то, что он все время смещается вправо, в сторону будущего времени.

Таким образом, в идеальном случае категория абсолютного времени включает три значения: настоящее, прошедшее, будущее — в трехчленных временных системах, но в конкретных языках встречаются и двучленные системы типа «не-будущее / будущее»; «прошедшее / не-прошедшее», «настоящее / не-настоящее».

В реконструкциях праязыкового состояния древних тюркских языков большинство исследователей придерживаются мнения об изначально двучленном типе временных систем «прошедшее / не-прошедшее». Сфера прошедшего времени представляется наиболее наполненной при недифференцированности настоящего и будущего времени [Серебренников, Гаджиева 1979: 204, 205; Кормушин 1988: 368—423; СИГТЯ 2006: 249]. Разделение сфер настоящего и будущего времен в тюркских языках является относительно поздним явлением. В древних тюркских языках в значениях и настоящего, и будущего времени функционировала одна полисемантическая форма на *-ap*. Наряду с ней могли употребляться в значении будущего времени модально окрашенные формы на *-gaj*, *-tachy*, *-gu* [Насилов Д. М. 1963; Кононов 1980а].

Временные системы современных тюркских языков трехчленны и представляют собой сложную структуру, состоящую из более или менее синтезированных форм, в семантической основе которых лежит общая семантика отражения временной последовательности по отношению к МР.

В определении граммем временных полей абсолютного времени, отнесении их к определенному полю времени (прошедшему, настоящему или будущему) встречаются определенные трудности, исходящие из семантики самих временных форм, а также их употребления в том или ином контексте. Остановимся на

некоторых из них, встречающихся при описании временной системы в тувинском языке:

1. Для тюркских языков одной из проблем является наличие так называемых *вневременных* форм, которые исследователи либо относят к плану широкого настоящего времени, либо признают как нелокализованные во времени. В том случае, когда они признаются формой времени, на временной оси они занимают некоторый отрезок прошлого, включают план настоящего и МР, а также некоторый отрезок будущего. Если же они характеризуются как не имеющие временной локализации (вневременные), то это значит, что они не вступают во временные отношения ни с МР, ни с каким-либо другим моментом на временной оси.

2. Существует трудность определения временного значения форм, описывающих ситуации, а также действия, которые начались до МР и в МР продолжаются. В зависимости от того, какое значение является преобладающим, здесь возможны два решения: первое — признать такие формы формами прошедшего времени; второе — отнести их в план настоящего. Семантика таких форм, как правило, осложнена аспектуальным значением длительности. Тут появляется следующий вопрос: в каком соотношении находятся временные и аспектуальные значения в семантике данных форм?

3. Проблема определения значения, проявляющегося в ситуации, когда в МР имеются предпосылки предстоящего события. Выражая такое состояние субъекта, данные значения связывают настоящее и будущее. Указанные грамматикализованные значения относятся к аспектуальным, определяемым как проспектив. Трудность здесь состоит в определении того, являются ли они формами аспекта или времени. Если они выражают временное значение, то какого именно плана — настоящего или будущего?

4. Вопрос о статусе будущего времени. Поскольку значение будущего времени расположено очень близко к семантической зоне ирреальности и выражает пусть даже достоверные, но все же гипотетические значения, формы будущего времени часто осложнены дополнительной семантикой ирреальной модальности. Отнесение таких форм к временным или модальным составляет особую трудность в грамматическом описании темпоральной системы в тюркских языках.

5. Показатели прошедшего и будущего времени дополнительно различают степени отдаленности от МР. В языкознании выделяются следующие основные грамлеммы временной дистанции: «ближайшая» («иммедиантная»); «близкая» («сегодняшняя»); «умеренно близкая» (ситуация отделена от МР одним днем); «отдаленная» (ситуация отделена от МР несколькими неделями, месяцами, годами); «сверхотдаленная» (ситуация отделена от МР многими годами, столетиями) (см. [Плунгян 2011: 364]).

6. Поскольку употребление некоторых временных форм обусловлено речевыми стилями и типами текста (иногда типами высказывания), возникает проблема отнесения данных форм к дейксису или нарративу (повествованию). Иными словами, существует проблема соотношения временных значений форм, преимущественно употребляющихся в повествовании. В ситуации нарратива «соотношение события с МР отсутствует, поскольку нарративный текст вообще исключает “сейчас” [Плунгян 2011: 347].

Временную систему тувинского языка составляют синтетические аналитические и частично синтезированные грамматические формы. *Синтетические формы* — формы, синхронно неразложимые на компоненты, имеющие довольно простое выражение, часто односложные, фонетически гармонирующие с основой. Таково большинство описываемых нами форм: *-ды, -чык, -ган, -ар, -галак*.

Аналитические формы — формы, представленные несколькими раздельнооформленными словами. Первый (первые) компонент(ы) данного сочетания оформляется показателем деепричастия (причастия), а последний компонент — вспомогательный глагол, принимает временной показатель, в том числе и нулевой. К числу таких относятся рассматриваемые нами формы $T_v-n V_{(тур-, олур-, чор-, чыдыр)}-Ø$, $T_v-n V_{(тур-, олур-, чор-, чыдыр)}-ар$, восходящие к деепричастным аналитическим конструкциям.

Частично синтезированные формы — формы, которые, в отличие от аналитических форм, могут подчиняться гармонии гласных, но не превратились еще в аффиксы, поэтому они морфологически легко разложимы на компоненты. Таковы, например, формы на *-а-дыр, -н-тыр* и форма на *-бышаан*, вторая часть которой (*-шаан*) никогда не подчиняется закону сингармонизма.

В функциональном отношении в систему времени тувинского языка входят: монофункциональные, собственно временные формы на *-ды*, *-чык*, *-п-тыр*, T_v - n V (тур-, олур-, чор-, чыдыр) *-Ø*, *-а-дыр* и полифункциональные формы на *-ган*, *-ар*, *-галак*, T_v - n V (тур-, олур-, чор-, чыд-) *-ар*, выполняющие также атрибутивные функции и функции зависимого предиката, а также форма на *-бышаан*, которая выполняет деепричастные функции.

Личные предикативные показатели в тувинском языке (кроме личных форм в спряжении формы на *-ды*) представлены постпозитивными частицами и сохранили внешнее сходство с личными местоимениями: *мен* 'я', *сен* 'ты', *бис* 'мы', *силер* 'вы'. Форма 3-го лица в основном не оформляется, иногда для передачи мн. ч. используется показатель мн. ч. *-лар*.

1.4. Понятие аспекта в общем и тюркском языкознании

Вопрос о выделении вида (аспекта) в тюркском глаголе является одним из самых сложных в теоретическом плане, дискутируемых и разрабатываемых до настоящего времени. Проецирование категории славянского вида как противопоставление совершенного и несовершенного видов на тюркские языки оказалось не совсем удачным. Это привело к поиску морфологического выражения данных значений (временной границы — предельности и неопределенности, законченности и незаконченности) в формах глагола тюркских языков. «В некоторых случаях действительно находились такие формы с искомыми значениями, но они не образовывали бинарную оппозицию, как в русском языке» [Ганиев 1963: 74—95]. Кроме того, в тюркских языках вне поля зрения оставались другие значения семантической зоны аспектуальности и способы их выражения — морфологизированные синтетические и аналитические формы и другие неморфологизированные (лексические и синтаксические) средства.

В лингвистике одновременно существуют термины *вид*, *аспект*, *акционсарт*, *совершаемость*, *видовые значения*, *способ действия*.

Изначально термин *аспект* в западной славистике начала XX в. употреблялся для обозначения славянского вида; для других

словообразовательных значений, выражаемых глагольными префиксами, в языковедческой литературе употреблялся термин, *акционсарт* (совершаемость, видовые значения, способ действия). В современном представлении аспект представляет собой более широкую семантическую категорию, включающую вид как частное значение, а также другие значения, входящие в данную семантическую зону. Поэтому по отношению к тюркским языкам целесообразнее использовать термин *аспект*.

А. В. Бондарко разводит понятия *вид* и *аспект* в зависимости от способа выражения их значений и относит их к разным языковым категориям: вид (так же как и время, наклонение) характеризуется как морфологическая категория; аспектуальность (так же как и темпоральность, модальность) — как функционально-семантическая. В плане содержания морфологические категории и функционально-семантические категории, например вид и аспектуальность, аналогичны и относятся к одной и той же семантической зоне. В плане же выражения они различаются: вид, как морфологическая категория, представлен грамматическими средствами выражения; аспектуальность — языковыми средствами, относящимися к разным уровням: морфологическими, синтаксическими, словообразовательными и лексическими [Бондарко 2005: 225].

Для тюркских языков употребление термина *аспект*, с одной стороны, позволяет избежать прямого переноса славянского вида на тюркские языки и всевозможных заблуждений по этому поводу; с другой — семантическая широта этого понятия позволяет в него включить те значения, которые определяют ситуацию с точки зрения характера ее протекания во времени (длительность, ограниченность, результативность и т. д.) и выражаются в тюркских языках многочисленными неоднородными средствами (аналитическими и синтетическими формами глагола, лексическими средствами — глаголами определенных семантических групп).

Как известно, важнейшим условием существования любой грамматической категории является ее морфологическая выраженность и тотальный характер распространения. В тюркских языках имеются морфологические средства выражения разнообразных аспектуальных значений: и пока немногочисленные синтетические, и целый ряд аналитических форм со значением способов глагольного действия, что говорит в пользу того, что это

сравнительно молодая категория. Поэтому «аспект в тюркских языках как самостоятельная категория еще окончательно не сложился и находится в процессе развертывания» [Серебрянников 1960: 25].

С момента составления первых (и, к сожалению, в большинстве своем пока единственных по каждому языку) грамматик сибирских тюркских языков, где описывались те или значения по аналогии со значениями русских видов, прошло немало времени. Появился ряд исследований по тюркской аспектологии, дающих основание выделять аспект как отдельную категорию со своими, хотя и разнородными средствами выражения.

В тувинском языке аспект специальному изучению пока не подвергался. Проблема аспектуальности, акциональных значений в тувинском языке исследователями затрагивалась лишь попутно при описании аналитических конструкций глагола в работах [Монгуш 1989; 1995; Шамина 1995а; 1995б; 1996а; 1996б; 1998; Ондар 1996; 1999; Шамина, Ондар 2003]. Аспектуальные значения глагольных аналитических конструкций были рассмотрены в [Шамина 2010].

Изучение аспектологических проблем по отношению к тюркским языкам была связана, в первую очередь, с необходимостью интерпретировать семантику и определять грамматический статус аналитических глагольных сочетаний. На настоящий момент в тюркских языках именно акциональные формы являются наиболее изученными в этом плане в работах [Маманов 1949; Ганиев 1963; Оралбаева 1971; Насилов Д. М. 1971; 1976; 1978; 1984; 1989; Бирюкович 1980; Тумашева 1986; Гузев 1988; 1990; Курпешко, Широбокова 1991; Шенцова 1988; 1997; 1998; 1999]. На материале алтайского языка аналитические (бивербальные) глагольные формы на базе вспомогательных бытийных глаголов, одним из выражаемых значений которых является аспектуальное, исследованы в [Тазранова 2005].

Синтетические показатели аспектуальности в тюркских языках изучены в меньшей степени. Это объясняется отчасти и их пока небольшим количеством в этих языках. Сравнительно больше они представлены в якутском языке [Харитонов 1960]. Лексическая акциональность и семантические группы глаголов в шорском языке описаны в [Шенцова 1997].

Значительный вклад в решение теоретических проблем тюркской аспектологии внесен Д. М. Насиловым [Насилов Д. М. 1971; 1976; 1978; 1984; 1989]. Он вводит новые понятия, определяет семантические зоны акциональности и аспектуальности. В тюркологии термин «аспектуальное значение» относится к обозначению грамматической семантики видо-временных (аспекто-темпоральных) форм глагола. В видо-временных формах *аспектуальные значения* вносят дополнительную характеристику процесса (длительность, кратность, завершенность, направленность на предел, результативность).

По отношению к категории аспекта употребляется термин *внутреннее время*, обозначающий способность выражать время как внутреннее свойство действия (обозначения длительности или мгновенности, наличия или отсутствия внутреннего предела) [Маслов 1978: 11]. Внутреннее время включает качественную и количественную характеристику: *качественная аспектуальность* — динамика / статика, *предельность* / *непредельность*, достижение *предела* / направленность на предел; *количественная аспектуальность* характеризует действия и состояния по кратности (прерывности / непрерывности), по степени длительности, по степени интенсивности [Там же].

Аспект как грамматическая категория тесно связан с семантикой исходной глагольной основы. Например, «если ситуация по своей природе не обладает длительностью, ее нельзя представить как длящуюся; если ситуация по самой своей природе не имеет результата, то в ней невозможно выделить результативную фазу и т.п. Это связано с “индивидуализмом” лексики и “всеобщностью” грамматики» [Плунгян 2011: 380]. Существуют также трудности, связанные с взаимодействием грамматической семантики аспектуальных показателей и лексической семантики глагола. Поэтому вопрос о выделении аспектуальных граммем аспектуальности остается одним из самых спорных и сложных.

Выделяют следующие типы аспектуальности: *грамматическая (морфологическая)* аспектуальность, *лексическая глагольная* аспектуальность, *неглагольная* и *контекстно-синтаксическая* аспектуальность [Маслов 1978: 22].

Грамматическая аспектуальность в славянских языках выражается прежде всего приставками. В тюркских языках — множественными формами способов глагольного действия и некото-

рыми временными формами, включающими в свои значения и аспектуальную семантику [Насилов Д. М. 1986: 56].

Лексическая аспектуальность содержится в значении лексем. В описании семантических функций аналитических и аффиксальных форм глагола употребляется термин *способы глагольного действия*, или акциональность. *Способы действия* — это область взаимодействия грамматических и лексических значений, поэтому их образование «определяется в значительной мере семантическим типом исходной основы» [Там же: 57].

Граммемы способов глагольного действия составляют центр поля аспектуальности в «безвидовых» языках. Исследователи тюркских языков к способам глагольного действия относят значения начинательности, направленности, длительности, многократности, внезапности, частичного развития действия, результативности, завершенности; разграничивают характер действия и способ действия; динамичность / статичность, фазовость, предельность / неопредельность, процессность / целостность, кратность, интенсивность [Шенцова 1997: 6—22].

Л. Йохансон описал видо-временную систему турецкого языка с опорой на теорию описания соответствующих категорий в скандинавских языках. Он представляет видо-временные формы турецкого глагола как систему бинарных оппозиций по четырем основным признакам: *интратерминальность* (обозначение фаз действия); *прегнация* (актуализация, фокус отображаемого действия); *посттерминальность* (особенности представления результата предшествующего действия); *определенность* (обозначение актуализированных событий повествования). Данные признаки, являющиеся средствами аспектной интерпретации передаваемого действия, могут между собой комбинироваться. Аспект (*Aspekt*) определяется как категория субъективного представления действия, выражающая то, как представляет себе его протекание говорящий. Способ действия (*Aktion-sart*) определяется им как объективная категория, отражающая конкретный способ действия, передающийся глагольной лексемой совместно с другими конкретизаторами особенностей развертывания действия. При главенствующей роли аспектуальных составляющих в видо-временных формах Л. Йохансон оперирует темпоральными понятиями *tunc* ‘теперь’ и *tunc* ‘тогда’ [Johanson

1971]. Концепцию Л. Йохансона подробно анализирует в своем труде Д. М. Насилов [Насилов Д. М. 1989: 25—27]. Традицию Л. Йохансона продолжают и другие зарубежные тюркологи ([Schönig 1984; Karakoç 2005; Rentzsch 2005; Ragagnin 2011]).

Нам представляется интересным рассмотрение аспектуальных компонентов значений форм тувинской временной системы с точки зрения универсальных аспектуальных граммем, выделяемых в исследованиях по грамматической типологии³. Результаты изучения аспектуальных значений в языках разных типов показывают дальнейшее, еще более тонкое структурирование поля аспектуальности в языках мира.

Подобно тому, как в целях определения временных значений вводится понятие момента речи, В. Клейном вводится понятие *окно наблюдения* для определения аспектуальных значений. Совмещение окна наблюдения с фрагментами ситуации дает возможность представить одну и ту же ситуацию по-разному, выделить те или иные ее стадии, важные для говорящего [Плунгян 2011: 377].

Выделяются две базовые функции аспектуальных граммем в языках мира: «соотнесение окна наблюдения с произвольным фрагментом ситуации» — *первичный* (линейный) аспект; «изменение акциональной характеристики лексемы» — *вторичный* аспект. Значения первичного аспекта являются центральными. «В чистом виде» значения данных базовых элементов аспектуальной зоны в естественных языках встречаются редко. Чаще встречается аспектуальная полисемия, которая проявляется в нескольких устойчивых типах универсальных аспектуальных значений — аспектуальных кластерах [Там же: 381, 382].

В первичный (линейный) аспект включаются пять фрагментов ситуации: *подготовительная фаза* (или *проспектив*) — такое состояние, при котором имеются признаки начала ситуации; *начало* — момент перехода от состояния ‘ситуация не имеет места’ к состоянию ‘ситуация имеет место’; *середина* (*прогрессив*) — промежуток между началом и финалом; *пунктив* — любая из двух мгновенных стадий, т. е. начало и конец, а также ситуация в целом, если она представляет собой мгновенное действие; *результати-*

---

³ Определение аспектуальных значений временных форм в тувинском языке производится в соответствии с точкой зрения, изложенной в [Плунгян 2011].

рующая стадия (или *результатив*) — состояние, наступающее после финала ситуации [Плунгян 2011: 385].

Не каждая ситуация может характеризоваться всеми пятью стадиями. В зависимости от семантики глагольной формы и лексической семантики основы глагола в «окно наблюдения» может попасть одна (две) из перечисленных выше стадий. Например, ситуации, характеризующиеся как *мгновенные (пунктив)*, не могут иметь срединной фазы — начало и финал в таких случаях совпадают. Непредельные процессы не могут иметь финала и результирующей стадии [Там же: 384, 385].

Под термином *проспектив* (подробнее см. в [Comrie 1976: 64, 65]) понимается некоторое состояние субъекта, по которому видны предпосылки предстоящего события (действия). Такие грамматикализованные значения встречаются в языках мира значительно реже, чем остальные показатели линейной аспектуальности. Оставаясь аспектуальной граммемой и выражая состояние субъекта, предшествующего будущему действию (состоянию), проспектив связан со значениями настоящего времени, а также — с планом будущего времени, обозначая ситуацию, предшествующую будущей ситуации, и показывая движение развития ситуации по направлению к ней. Показатели проспектива, грамматикализуясь, развивают значение будущего времени и, даже оставаясь аспектуальной граммемой, смешиваются с будущим временем. Будучи связанным со значениями прошедшего времени, проспектив обозначает «особый тип развития ситуации, при котором существовали предпосылки для ее совершения, но тем не менее ситуация не была реализована (значения ‘чуть было не’))» [Плунгян 2011: 386].

В некоторых языках выделяются такие типы проспективных значений, как «интенциональный» и «провиденциальный».

Интенциональный проспектив связан «с намерением субъекта совершить действие»; провиденциальный — «с существованием *внешних* по отношению к субъекту *обстоятельств*», делающих наступление соответствующей ситуации... высоковероятным или даже неизбежным [Там же: 385, 386].

Аспектуальные показатели срединной фазы связаны с обозначениями ситуаций, обладающими длительностью, — состояний и процессов. Процесс по своей природе отличается от состояния своим динамизмом, качественно неоднородным развитием.

Поэтому нужно различать «динамическую длительность», которая называется *прогрессивом*, и *дуратив*, обозначающий срединную фазу у ситуаций любого типа. Прогрессив имеет свойство эволюционировать в дуратив [Плунгян 2011: 394].

Некоторые способы выражения перспективного значения в тюркских языках описаны в современных тюркологических исследованиях [Nevskaya 2005: 111—123; 2006; Ооржак 2013: 93—96; Байыр-оол 2014: 16—19; Шамина 2014].

«Показатели *результатива* описывают естественный результат предельного процесса», связаны с лексической семантикой глагольных основ и проявляются у глаголов, в значении которых уже имеется идея достижения финальной точки развития. Расширение сочетаемости результативных показателей с глаголами других акциональных классов влечет за собой развитие значения перфекта и далее — переход в показатели прошедшего времени, модальных и эвиденциальных значений. В отличие от результатива, выражающего «результат, наступающий после достижения предельным процессом своей конечной точки», перфект выражает предшествующую моменту речи ситуацию, «последствия которой (не обязательно естественный результат!) существуют в момент речи» [Плунгян 2011: 387—389].

Граммемы вторичного аспекта обеспечивают переход глаголов из одного аспектуального класса в другой. Наиболее распространенные типы вторичного аспекта — *хабитуалис*, *мультипликатив*, *перфективатор*.

Хабитуалис предполагает «стативацию динамических ситуаций» — регулярно повторяющиеся процессы или события рассматриваются как постоянное свойство субъекта или объекта. Различают итеративный *хабитуалис* — «регулярное воспроизведение ситуации»; генерический *хабитуалис* — «способность совершить данное действие является неотъемлемым свойством субъекта». Во многих языках мира зафиксирована *хабитуально-футуральная полисемия* [Там же: 398—400].

Мультипликатив — «единый множественный акт, состоящий из отдельных повторяющихся мгновенных квантов», где единичный квант выражается *семельфактивом* [Там же: 221].

Рассматриваемые в данной работе финитные формы, включающиеся во временную систему тувинского языка, кроме

собственно временных значений, обладают также аспектуальными компонентами значений. Исходя из того, что в тувинском языке (так же как и во всех тюркских языках) категория аспекта находится на стадии формирования и характер средств передачи аспектуальных и акциональных значений в тувинском языке системно не описан и в теоретическом плане не разработан, в данной работе под аспектуальными значениями (как компонентами значений временных форм) мы объединяем собственно аспектуальные значения и многообразные акциональные значения (значения способов глагольного действия). Таким образом, наше понимание аспектуальности на данном этапе является широким. Дальнейшее исследование проблем аспектуальности в тувинском языкознании должно внести ясность в квалификации данных значений и средств их выражения.

1.5. Категории модальности и наклонения в общем и тюркском языкознании

Языковая модальность представляет собой широкую категорию, как по своему значению, так и по разнообразию средств выражения. Многообразие модальных значений и их связанность друг с другом в постепенных переходах, выводимых друг из друга, делает ее описание особенно сложным. По В. Г. Гаку, модальность включает в себя все значения, отражающие действительность / проблематичность события и субъективное отношение к нему:

1) «целенаправленность высказывания»: повествовательность (реальность), вопросительность, побудительность (проблематичность);

2) «истинность», т. е. утверждение (действительность) / отрицание (недействительность);

3) «отношение говорящего или субъекта к высказыванию», его оценка отношения сообщаемого к действительности (действительность, необходимость, возможность, желательность);

4) «экспрессивные оттенки высказывания», выражение различных чувств (надежды, ожидания, изумления, неудовлетворения) [Гак 1986: 113].

В грамматике русского языка различаются три типа модальности: отношение сообщаемого к действительности, выраженное,

в первую очередь, наклонением глагола; отношение говорящего к сообщаемому, выраженное вводными словами; отношение между субъектом и его действием, выраженное модальными глаголами [Гак 1986: 116].

Из сказанного выше следует, что в модальности выражается субъективный момент высказывания и преломление объективной действительности через сознание говорящего. Соответственно, модальность следует считать «двухполюсной» категорией, и внутри зоны модальности выявляются два центра: первый — «отношение говорящего к ситуации (или *оценка*)»; второй — «статус ситуации по отношению к реальному миру (или *ирреальность*)» [Плунгян 2011: 423].

Оценочная модальность — это своеобразное субъективное представление говорящего о мире, т. е. мир, пропущенный через сознание говорящего. Оценка включает в себя степень интенсивности (сильно / слабо); этическую оценку (хорошо / плохо) и т. д. Однако главным оценочным значением является *эпистемическая оценка* или *эпистемическая модальность*. Эта оценка имеет отношение к сфере истинности, степени правдоподобности или степени вероятности, достоверности ситуации с точки зрения говорящего [Там же: 426].

Оценка вероятности ситуации говорящим возможна в двух случаях: во-первых, если у него нет достоверных сведений о наличии некоторой ситуации, ситуация может быть маловероятной, возможной, высоковероятной и т. п. — это называется *эпистемической гипотезой*. Во-вторых, говорящему достоверно известно об истинности и наличии некоторой ситуации, в этом случае говорящий сообщает о том, соответствует ли наступление ситуации его ожиданиям по этому поводу. Такое эпистемическое ожидание может квалифицировать ситуацию как маловероятную, возможную или высоковероятную. Наиболее часто проявляются показатели низкой вероятности, неожиданности, для которых был принят термин *адмиратив* или *миратив* [Там же: 426].

Ирреальная модальность описывает ситуации, которые не имеют, не могут или не должны иметь места в реальном мире. Основными модальными значениями такого плана являются значения *необходимости* и *возможности*. Возможность отличается от необходимости существованием альтернативы: «если возможно Р, то возможно и не-Р», но «если

Р необходимо, то не-Р невозможно». Таким образом, необходимость представляется комбинацией возможности и отрицания [Плунгян 2011: 427].

Различают внутреннюю и внешнюю возможность; внутреннюю и внешнюю необходимость. Внутренняя семантика возникает в силу внутренних свойств: способность, умение, физическая возможность — внутренняя возможность; потребности субъекта — внутренняя необходимость. Внешняя является следствием внешних обстоятельств, не зависящих от самого субъекта. Внешняя возможность есть «отсутствие препятствий для реализации Р», в частности «разрешение некоторого лица А лицу В совершить действие Р». Внешняя необходимость является навязываемой субъекту некоторого поведения в связи с устоявшимся социальными и нравственными нормами [Там же: 427; ТФГ 1990: 131].

Внутренняя возможность может быть приобретенной (мочь, уметь) и неприобетенной (в силах, в состоянии, способен, мочь). В отношении внешней возможности выделяются деонтическая и недеонтическая возможности. Под деонтической возможностью (греч. *необходимое, должное*) понимают возможность обусловленную: а) социально-нравственными, юридическими, служебными нормами; б) волеизъявлением говорящего. Недеонтическая возможность обусловлена внешними обстоятельствами несоциального характера — ситуацией, объективными законами развития. Актуальная и узуальная возможности выделяются в пределах как внутренней, так и внешней возможности. Актуальная возможность обозначает непостоянную, временную связь между субъектом и признаком; узуальная возможность имеет место тогда, когда потенциальная возможность осуществления указанной связи существует постоянно или в течение достаточно длительного времени [ТФГ 1990: 131—133].

Значения оценочной и ирреальной модальности отличаются друг от друга тем, что оценка производится говорящим, тогда как необходимость и возможность характеризуют субъекта ситуации. С другой стороны, значения оценки и ирреальности объединяются в зоне желания. В отличие от необходимости и возможности, желание способно приписываться как субъекту, так и говорящему.

К значению желания близко значение намерения или «активного желания» — «Х хочет Р и предпринимает усилия, чтобы сделать Р». Это значение называется также интенциональной модальностью. Оно, так же как и желание, занимает промежуточное положение между оценкой и ирреальностью [Плунгян 2000: 316].

Таким образом, сфера ирреальности делится на сферу возможности / необходимости и сферу желания (намерения), обладающие значительной семантической самостоятельностью и не сводимые друг к другу [Там же: 316].

Модальность выражается главным образом в наклонении, а также другими лексическими, грамматическими, контекстуальными средствами. Ирреальная модальность и оценка выражаются в целом ряде косвенных наклонений, которые противопоставляются индикативу (прямому / изъявительному наклонению), описывающему реальную и / или достоверную ситуацию. Поэтому наклонение называют «грамматикализованной модальностью» [Плунгян 2011].

Наклонение — это грамматическая категория модальности, содержанием которой является оценка характера связи между действием и субъектом с точки зрения говорящего лица или воля говорящего к осуществлению или же отрицанию этой связи. Иными словами, содержание наклонения — оценка говорящим отношения действия к действительности [Виноградов 1947: 581].

Действия, относящиеся к реальной действительности, характеризуются как произошедшие, происходящие или предстоящие и выражаются временными формами индикатива. Некоторые исследователи не считают необходимым выделять индикатив как отдельное наклонение, ссылаясь на то, что индикатив не имеет собственных формальных средств выражения. Такого мнения придерживаются К. М. Мусаев [Мусаев 1964: 271] и В. И. Рассадин [Рассадин 1978: 200].

На базе показателей ирреалиса, возможности и необходимости выделяются эпистемические наклонения (возможности, долженствования), выражающие различные виды эпистемической оценки. Дезидеративные наклонения — оптатив, императив — возникают на базе показателей желания.

Императив совмещает в себе выражение желания и побуждения адресата к совершению и несомнению (прохибитив) действия. Виды побуждения различаются по степени категоричности в

зависимости от того, высказывает ли говорящий просьбу, совет, предложение, требование или разрешение выполнить действие. Также побуждение может различаться в зависимости от того, к какому участнику речевой ситуации оно обращено (прямое побуждение при субъекте 2-го лица; приглашение к совместному действию — 1-е лицо мн. ч.; косвенное побуждение, при котором на непосредственного адресата возлагается задача воздействовать на реального исполнителя 3-го лица). Особой разновидностью прохобитива является адмонитив, выражающий предостережение адресату относительно возможных негативных последствий совершения действия [Плунгян 2011].

Материалы каждого языка представляют самую разнообразную картину модальных и родственных им значений, а также всевозможные средства их передачи, вследствие чего у лингвистов нет единства в понимании модальности и разграничении модальных значений. Разница в количестве наклонений даже в близких языках настолько велика, что в тюркских языках выделяют от трех до десяти наклонений. Количество выделяемых наклонений в одном языке также неодинаково.

В [ГТЯ 1961] выделяют пять наклонений: изъявительное, повелительное, условное, согласительное, предельное. У Ш. Ч. Сата находим восемь наклонений: изъявительное, желательное-повелительное, позволительное, предельное, долженствовательное, желательное, уступительное, условно-сослагательное [Сат 1955: 686]. Рассматривая алтайский материал, М. И. Черемисина и А. Т. Тыбыкова приходят к выводу, что поскольку форма условного наклонения *-за / -са* по своей основной роли является формой зависимого, а не конечного сказуемого, то можно считать ее спрягаемым деепричастием [Черемисина, Тыбыкова 1988: 4]. Та же точка зрения ранее выражалась в [Убрятова 1976; Кононов 1980а: 132]. Таким образом, к деепричастиям можно отнести и формы предельного (*-гыже*), уступительного (*-са-даа*) и условного (*-са*) наклонений в тувинском языке.

Помимо признанных форм наклонений, тюркские языки располагают большим количеством форм, выражающих модальные значения и оттенки значений, не нашедшие определенного «грамматического места» в традиционных грамматиках, в том числе и модальные глаголы, и модальные неглагольные предикаты,

и модальные частицы, и грамматикализованные сочетания форм основного и вспомогательного глаголов, и лексические, и другие синтаксические средства. Исследователи по-разному подходят к этому вопросу. А. А. Юлдашев, В. И. Рассадин выделяют особый разряд глагольных форм — модальные формы, куда входят и синтетические, и аналитические формы с разнообразными модальными значениями [Юлдашев 1965; Рассадин 1978: 164].

Не получил всестороннего освещения и такой вопрос, как функционирование модальных форм и наклонений в тексте, где они могут комбинироваться друг с другом, перекрещиваться, взаимодействовать с другими формами глагола. Это ставит задачу изучения соотношенности модальных форм с категориями наклонения, времени и лица [Тумашева 1990: 4]. Кроме того, при описании временных систем тюркских языков необходимо остановиться на семантических компонентах значений временных форм, выражающих те или иные значения ирреальной модальности.

1.6. Эвиденциальность

При изучении и описании языков американских индейцев западные лингвисты обнаружили особые языковые грамматикализованные значения, отражающие указание на *источники информации о сообщаемой ситуации*. Эти значения позднее были названы эвиденциальными⁴.

Значения, относящиеся к эвиденциальным, описывались в лингвистике давно, но рассматривались в качестве дополнительной характеристики глагольных временных форм или же как формы косвенных наклонений. В отечественной лингвистике известны термины «настоящее заглазное время», «прошедшее очевидное время», «прошедшее неочевидное время» и т. д.

Интенсивное изучение эвиденциальных значений в языках мира началось в конце 80-х гг. XX в. Результаты исследований показали, что изначальное представление о том, что грамматикализованная эвиденциальность есть редкое явление, встречающееся в «экзотических» языках, было заблуждением. Оказалось, что грамматически маркированная эвиденциальность

⁴ Термин «эвиденциальность» (англ. *evidentiality*) был введен в 1911 г. Ф. Боасом [Плунгян 2011: 458].

характерна для многих языков мира, а ее отсутствие в большинстве языков Западной и Центральной Европы — «это нетривиальная лингвистическая особенность данного ареала» [Плунгян 2011: 452].

Определенные результаты достигнуты благодаря типологическим исследованиям. На настоящий момент типологами выявлены и разграничены типы эвиденциальных значений, осмыслены их внутренние взаимоотношения и семантические отношения с другими языковыми категориями (лица, модальности), предложена типология эвиденциальных систем в языках мира.

Существует две точки зрения на категориальный статус эвиденциальности. Согласно первой, эвиденциальность является «нижней сферой эпистемической модальности», связанной с понятиями веры и знания [Johanson 2000a; Баджанлы 2005]. То есть эвиденциальность относится к модальным значениям. Согласно второй, эвиденциальность признается самостоятельной категорией, имеющей полевую структуру и связанной с категориями модальности, персональности, темпоральности [Плунгян 2011; Григоренко 2011]. Также адмиратив (миратив) интерпретируется одними исследователями как граммема эпистемической модальности [Плунгян 2011], другие относят его к эвиденциальным значениям [Баджанлы 2005]. Вторая точка зрения объясняется тем, что граммы косвенной эвиденциальности и адмиративности тесно взаимосвязаны и логически выводимы друг из друга и в тюркских языках нередко выражаются одними и теми же показателями. Таким образом, полное осмысление эвиденциальных значений, средств их передачи и самой эвиденциальности как особой категории, ее места в языковой системе в современном языкознании еще не завершилось. Остаются все еще нерешенными вопросы в отношении общей теории эвиденциальных значений и систем, реализации этих значений в конкретных языках.

Граммемы эвиденциальности составляют оппозиции, различающие типы *получения и доступа к информации*. Первый уровень представлен бинарной оппозицией прямого и непрямого доступа — прямая эвиденциальность и косвенная эвиденциальность [Козинцева 1994; 2007].

Прямой доступ к информации — это «способ получения информации, который предполагает непосредственное восприятие

говорящим ситуации» и/или непосредственное его участие в нем [Плунгян 2011: 463]. К такому типу восприятия информации относятся зрительное (визуальное), слуховое (сенсорное) восприятие ситуации, а также перцептивные ощущения говорящего (эндофорическое) [Мельчук 1998; Плунгян 2011].

Способы восприятия информации могут быть охарактеризованы как личный и неличный.

Личный доступ к информации предполагает, что говорящий знает о ситуации на основе тех данных, которые он получил лично сам, тогда как неличный доступ к информации обозначает, что знания говорящего были получены им от другого лица или лиц, при этом источник пересказываемого утверждения может быть говорящему как известен, так и не известен [Плунгян 2011: 464].

Визуальный тип восприятия информации, зрительное наблюдение ситуации говорящим, может маркировать значения в зависимости от того, наблюдал ли говорящий за ситуацией издалека или в непосредственной близости. Маркированность доступа к информации посредством слуха (сенсорное) в лингвистической литературе обозначается также термином *аудитив*. Эндофорические показатели обозначают внутренние чувства и ощущения (чувства боли, голода, душевных переживаний и т. п.) и ментальное состояние говорящего, осознание которого доступно только ему самому.

Непрямой доступ к информации обозначает, «что сведения о ситуации получены каким-то иным способом: говорящий не воспринимал ситуацию непосредственно и не был ее участником» [Там же: 463].

Непрямой и неличный доступ обозначает, что говорящий, описывая факт, основывается на чужих сообщениях, не принимая на себя ответственности. В этом случае в лингвистике используются термины *репортатив*, *ренарратив*, *цитатив*.

Возможно и третье сочетание — «непрямой и личный доступ к ситуации»: говорящий получает информацию сам, но саму ситуацию не наблюдает, его наблюдению доступны какие-либо последствия, следы ситуации, на основании которых он делает вывод о том, что некая ситуация имела место быть. Такие источники информации называются *инферентив* (говорящий пришел к логическому заключению относительно события на основании

своих наблюдений), *презумптив* (говорящий предполагает, что событие имеет место, на основании не конкретных наблюдаемых результатов, а своих знаний причинно-следственных связей в мире) [Мельчук 1998; Плунгян 2000; 2011].

Для выражения непрямого доступа к информации во многих языках используется показатель (*медиатив* или *индиректив*) со значением уточнения, к какому типу относятся источники косвенной информации (вводятся контекстом или прагматическими обстоятельствами).

В языках мира эвиденциальность выражается либо специализированными средствами, либо совмещенно с другими значениями. Среди специализированных средств можно выделить морфологические (наклонения) и лексико-синтаксические (сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным; союзы; модальные слова; вводный оборот; обстоятельства, указывающие на косвенный источник информации; частицы, восходящие к глаголам сообщения) [Козинцева 1994: 96, 97].

Вопрос о наличии в тюркских языках специализированных грамматических средств выражения эвиденциальности в настоящее время изучается [Там же; Невская 2001: 56, 57; Nevskaya 2002: 307—323; Баджанлы 2005; Исхакова и др. 2007: 469—519]. В работах анализируются отдельные формы и конструкции, выражающие значения зоны эвиденциальности, но системного описания они еще не получили.

Описаны глагольные и неглагольные средства выражения эвиденциальности в якутском языке. Утверждается, что косвенная эвиденциальность передается: аналитическими глагольными конструкциями с перфектной формой на *-быт*; аналитическими глагольными формами с эвиденциальными частицами; лексико-синтаксическими средствами (изъяснительными конструкциями со сказуемыми, выраженными глаголами восприятия и глаголами речи; вводными конструкциями). Прямая эвиденциальность выражается совмещенно со значениями временных форм наклонений, лексическими (глаголами оперирования информацией, зрительного восприятия) и синтаксическими средствами (подробнее см. в [Данилова и др. 2013: 72—177]).

На материале алтайского языка описаны грамматические средства выражения значений эвиденциальности. В их число

входят синтетические формы прошедшего времени на *-ды* и *-нтыр*, настоящего времени на *-адыр*, а также другие именные и глагольные аналитические конструкции (АК). Установлено, что прямая эвиденциальность передается временными формами на *-ды* и *-адыр*, а также специализированными АК с грамматическим компонентом *эди*; пересказывательность передается АК с участием служебного глагола *де-* ‘говорить’, формой на *-нтыр* и АК с частицами *эмтир* и *болтыр* [Skribnik, Ozonova 2000; Скрибник, Озонова 2005].

Сравнительному анализу средств выражения эвиденциальности в турецком и алтайском языках посвящена работа Э. Баджанлы. В ней указывается наличие специализированных показателей пересказывательности (тур. *-miş* и *-îmiş*; алт. *-un-тир*, *-эмтир*, *-болтыр*); адмиратива (алт. *-турбай*, *-туру ине*). Указывается, что формы *-miş*, *-îmiş*; *-un-тир*, *-эмтир*, *-болтыр* также могут передавать значения адмиратива как компоненты своих значений. Анализ показал, что формы на *-miş*, *-un-тир*, *-болтыр*, передающие значения эвиденциальности и адмиратива, обладают также временными значениями [Баджанлы 2005].

То, что формы прошедшего времени на *-di* и *-miş* маркированы по признаку эвиденциальности, было тюркологами замечено ранее. Форма определенного прошедшего на *-di* получает значение прямой засвидетельствованности,

... вместе с этим (или благодаря этому) прошедшее неопределенное на *-miş* (первоначально перфект) преобразовалось в немаркированное прошедшее, контекстуальным вариантом значения которого выступает косвенная эвиденциальность [Козинцева 1994: 97].

Т. Текин отмечал, что форме на *-miş* было присуще значение пересказывательности в языке древних орхонских памятников: «...as a past tense expressing past aktions known from hearsay» [Tekin 1968: 192]. Но бинарная оппозиция форм на *-di* и *-miş* как средства передачи прямой / непрямой эвиденциальности в тюркских языках требует уточнений для каждого языка, т. к. данные значения в них проявляются не всегда последовательно.

Некоторые грамматические формы, включающие в свое значение эвиденциальные оттенки, были описаны и в тувинском языке в [Монгуш 1958; ГТЯ 1961; Монгуш 1963; Ооржак 1999; 2002]. Это, в первую очередь, временные формы со значением

прямого наблюдения на *-ды* [ГТЯ 1961; Монгуш 1963] и *-а-дыр* [Монгуш 1958; Ооржак 2012; Oorzhak 2012]. А также форма прошедшего времени на *-п-тыр*, характеризующаяся как «прошедшее мотивированное» — сообщение о действии основывается на сообщениях других лиц [Сат 1961; Монгуш 1963].

Значения эвиденциальности, выражаемые причастными и деепричастными АК, были выделены Ч. С. Ондар [Ондар 1999], Л. А. Шаминой [Шамина 2005: 146—158]. Кроме того, была предпринята попытка выделить систему форм, образованных при участии частицы *-тыр*, передающих значение косвенной эвиденциальности [Ооржак 2002; 2004].

Некоторые из полисемантических временных форм, рассматриваемых нами, маркированы дополнительными эвиденциальными значениями. Мы рассматриваем их как дополнительные семантические компоненты значений временных форм и описываем их типы на основе современных теоретических разработок московской типологической школы.

ГЛАВА II

ВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

2.1. Общие тенденции развития временных систем в тюркских языках Сибири

Система индикатива в современных тюркских языках состоит из довольно большого количества временных форм, состав которых в каждом отдельном языке различен. В сфере прошедшего времени форм больше, чем во временных планах настоящего и будущего, которые обычно представлены одной или двумя, реже тремя формами.

Существует мнение о том, что «в тюркских языках система индикатива усложняется» [Кондратьев 1985: 41]. Мы рассматриваем это как последовательную смену форм — расширение и упрощение системы — и считаем, что система изъявительного наклонения в тюркских языках усложняется до какого-то предела, а затем вытесняет наиболее эмоционально и модально окрашенные формы, оставляя в сфере времени формы, выражающие в наибольшей степени идею времени и наиболее употребительные на конкретном этапе развития языка. А усложнение следует рассматривать как определенный этап развития, который влечет за собой неизбежное упрощение, а затем и пополнение новыми формами.

Временные системы древних тюркских языков на первый взгляд очень просты: имеется небольшое количество форм, существует лишь двойная оппозиция прошедшего и непрошедшего временных планов. Сложность состоит в том, что эти древние формы, как правило, всегда многозначны. Дальнейшее развитие такой системы происходит следующим образом. Сфера времени

расширяется за счет специализации и дифференциации общих значений и образования новых форм. В процессе развития новых форм происходили сужение семантики древних многозначных форм и закрепление того или иного значения, явившегося наиболее важным для языка, за каждой конкретной формой. Другие же значения, выражение которых оказалось нерелевантным, постепенно утратились, и вместо них могли развиваться новые значения. Таким образом, это развитие включает два аспекта — семантический и формальный.

Если в древних языках одна и та же полисемантическая временная форма в зависимости от контекста и семантики глагола могла принимать разные значения, то в современных тюркских языках эти же значения передаются разными формами. Новые формы времени образовывались во многих тюркских языках на основе аналитических форм с акциональными значениями. Существует мнение об участии в образовании временных форм также лексических средств⁵.

Процесс специализации на пути развития временной системы был сложным и разнонаправленным. Поэтому в разных современных тюркских языках значения форм, имеющих одну «форму-предка», совпадают далеко не полностью. Наша задача состоит в том, чтобы выявить принцип построения временной системы в тувинском языке, выяснить, какие именно значения грамматикализовались, оказавшись релевантными для тувинского языка, а также определить зависимость употребления временных форм от речевых стилей, типа текста и высказывания.

Так, например, временная система в древнейуйгурском языке, с которым связаны южносибирские тюркские языки, состоит из простых по своей структуре форм: *-dī*, *-mīṣ*, *-ar*, *-yaj* [Насилов В. М. 1963;

⁵Считается, что слово *шаг / чаг* 'время' участвовало в образовании временных форм на *-бышаан* и *-бышаанга* в тувинском и тофском языках (тув. *-бышаан* < *-мыш* + *шаг-ы-н*; тоф. *-бышаанга* < *-мыш* + *шаг-ын-га*) [Сат 1960: 64; Рассадин 1978: 76], а также в образовании формы определенного будущего времени в огузских языках на *-аджак / -еджек* < *-а / -е* + *џақ*. Мнение о развитии агглютинативных показателей из самостоятельных слов хотя и имеет своих противников [Ахундов 1961: 70], поддерживается А. Н. Кононовым [1954: 273], А. М. Щербаком [1957: 19], М. А. Черкасским [1965: 57], Б. Ч. Чарыяровым [1977: 18].

Кондратьев 1985: 34; Тугушева 1997: 60]⁶. В. М. Насилов называет форму на *-dī* прошедшим объективным, *-miş* — прошедшим повествовательным, *-ar* — настоящим-будущим, *-yaj* — будущим долженствовательным. Л. Ю. Тугушева же называет форму на *-dī* прошедшим категорическим временем, *-miş* — прошедшим результативным временем, *-ar* — настоящим-будущим временем и *-yaj* — будущим временем. Сами названия данных форм отражают их семантическую сложность, включающую помимо собственно временных значений дополнительные семантические компоненты, указывающие на специфику каждой из них.

Кроме того, утверждается наличие в индикативе древнеуйгурского языка модально окрашенной формы прошедшего времени на *-juk* [Насилов Д. М. 1966: 96] и аналитических форм настоящего времени *-a turur*, прошедшего в настоящем *-p turur*, восходящих к формам аспектуального типа [Насилов В. М. 1974: 77, 88]. Также фиксируется ряд аналитических форм, образованных при участии глагола *er-*: *-ur -er*, *-miş erti*, *-yaj erdi*, *-dī erdi*, которые в современных сибирских тюркских языках не сохранились, за исключением формы на *-yaj erdi*.

Форма на *-dī* является единственной изначально финитной в составе временных форм во всех тюркских языках. Отмечается, что форма прошедшего времени на *-dī* в древних тюркских языках была формой претерита, не маркированного эвиденциальным значением [Erdal 2004: 265], или формой перфекта [Tekin 1968: 188; Насилов В. М. 1963: 72]. В большинстве современных тюркских языков она выражает значение прошедшего очевидного или недавнопрошедшего времени.

Форма на *-miş* в древнеуйгурском «служила для передачи событий и фактов, являющихся внешними для излагающего их лица, в историческо-повествовательном аспекте» [Насилов В. М. 1963: 72].

В современных тюркских языках форма на *-мыш* наряду с формой на *-ган* функционирует как перфектная форма или форма прошедшего неопределенного времени.

---

⁶ М. Эрдал выделяет древнюю видо-временную систему на материале трех групп источников — Орхонских надписей, Уйгурской тантрической литературы и Кутадгу Билиг. По его мнению, следует выделить пять простых видо-временных форм: перфект на *-mİş / -mAdOk*, «vivid past» на *-yOk*, форма будущего времени на *-dAċI / -mAċI* (или *-gAy* в древнеуйгурском) и «imminent future» на *-gAllr* [Erdal 2004: 272].

Форма на *-мыш* сохранилась в якутском и огузских языках, за исключением туркменского. В большинстве тюркских языков кыпчакской, карлукско-уйгурской групп, а также в тюркских языках Сибири (за исключением якутского) функции перфекта и прошедшего неопределенного времени выполняет форма на *-ган*, в основе которой лежит причастие прошедшего (прошедшего-настоящего) времени на *-ган*. Еще в древнеуйгурском языке форма на *-ган* выступала как глагольное имя, которое в своей семантической сущности было нейтральным в отношении значения времени. Ее временное значение обуславливалось контекстом [Насилов В. М. 1974: 64]. Поэтому форма на *-ган* втянулась в систему времени позже.

Формы на *-мыш* и на *-ган* считаются ареально распределенными [СИГТЯ 1988: 420]. Но это распределение не абсолютно, т.к. в языках огузской группы обнаруживаются следы формы на *-ган* (форма на *-ан*), а в языках кыпчакской, карлукско-уйгурской групп в виде обособившегося морфологического образования выступает причастие на *-мыш*. Есть случаи, когда в одном и том же языке обе формы используются с разными, но близкими значениями. В тувинском и тофском языках в сфере времени функционируют и *-ган*, и формы на *-бышаан* (тув.), *-бышаанга* (тоф.), в которых обнаруживается формант *-мыш* (*-мыш* // *-быш*).

Это обстоятельство позволяет предположить, что в процессе развития тюркских языков происходила неравномерная активизация этих форм, в одних — формы на *-мыш*, в других — формы на *-ган*. Активизация функций и значений одной формы не приводила к исключению другой из употребления, а вытесняла ее на периферию временной системы. Например, обнаруживаемые в тувинском языке огузские элементы (*-бышаан* < *-мыш*) принесены древними языками, возможно орхонским или древнеуйгурским. Впоследствии форма на *-бышаан* была вытеснена кыпчакской формой на *-ган* и, в отличие от своего «предка» (*-мыш*), занимает в современном тувинском языке периферийное место и сравнительно менее используется, что обусловлено особенностями ее семантики. Она выражает незаконченное действие, начавшееся в прошлом и продолжающееся в МР, поэтому некоторые исследователи ее называют прошедшим-настоящим временем. Лишь значение перфекта, которое обе формы (на *-мыш* и *-ган*) выражали, осталось в тувинском языке у формы на *-ган*.

Так, значение перфекта способно развивать на своей базе значения адмиратива и непрямой эвиденциальности (предположение, пересказывательность). В тюркских языках эти значения редко совмещает в себе одна форма *-ган* или *-мыш*, в большинстве языков появились другие средства выражения этих значений.

В тувинском языке значение косвенной эвиденциальности и адмиратива передается формой прошедшего времени на *-п-тыр*, которая сформировалась на базе показателя на *-п* и частицы *-тыр*. Более употребимым и частотным оказалось в речи сочетание формы на *-ган* с той же частицей *-тыр* (*-ган-дыр*), которое в отличие от формы на *-п-тыр*, кроме значений неочевидности, пересказывательности и адмиратива, способно передавать значение предположения, логического допущения существования того или иного действия до МР по наличным признакам в МР [Ооржак 2004].

Кроме того, в тувинском языке в плане прошедшего времени выделяется форма на *-чык*. Исходя из близости передаваемых значений, употребления и места в системе глагола, а также возможности фонетического преобразования *-juk* в *-чык*, ее можно рассматривать как восходящую к форме на *-juk*, выделяемую в древнеуйгурском индикативе Д. М. Насиловым [Насилов Д. М. 1966]. Форма на *-чык* выражает достоверность в высшей степени — подчеркнутое утверждение или подтверждение, напоминание о прошедшем действии, и используется в современном тувинском языке [Монгуш 1963].

В сфере непрошедшего времени основной формой в древнеуйгурском языке была форма на *-ar*, выражавшая значение настоящего неотносительного или настоящего общего времени, которая в зависимости от контекста могла принимать значения настоящего актуального, будущего и т. д. Кроме нее были еще модально окрашенная форма будущего должностовательного на *-гай* и форма на *-дачы*. М. Эрдал считает, что для выражения будущего времени в языке памятников орхонского письма использовалась форма на *-dAčI*, в других же древних тюркских источниках функционировала форма на *-gAy* [Erdal 2004: 263, 270]. В тувинском глагольном словоизменении нет формы, восходящей к древней форме на *-dAčI*, есть модально окрашенная форма на *-гай*.

Полисемантическая форма на *-ar* перешла в большинстве современных тюркских языков в сферу будущего времени, значения настоящего стали передаваться другими формами, которые содержат в себе более конкретную детализацию значений настоящего времени. В сибирских тюркских языках, в том числе и в тувинском, план настоящего времени получил развитие на базе аналитических образований, выражающих способы глагольного действия, в основе которых лежало сочетание «деепричастие + вспомогательный глагол» (формы на *-а-дыр*, $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$, $T_v-n V_{(бытия)}-ap$). Таким образом, происходит разделение сферы непрошедшего времени на настоящее и будущее.

Форма $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$ выражает действие в настоящем времени, которое наблюдается говорящим в МР. Формой на $T_v-n V_{(бытия)}-ap$ передается значение настоящего расширенного действия, а также значение неочевидного действия в МР. Формой на *-а-дыр* обозначают особую разновидность очевидности — действия, воспринимаемые сенсорно, визуально, а также перцептивные ощущения говорящего.

Древняя форма на *-уaj* выражала и временное значение, и модальные значения долженствования, желательности, императива. В большинстве тюркских языков она выделилась как особая форма косвенных наклонений. В тофском языке она функционирует в пределах индикатива и выражает будущее предположительное время [Рассадин 1978]. В тувинском языке форма на *-гай* традиционно считается формой согласительного наклонения [ГТЯ 1961: 399]. По нашему мнению, она передает значение подчеркнутого утверждения обязательного совершения действия в будущем. А значение согласительности передается сочетанием *-гай aан*, где *aан* является усилительной частицей.

Модально окрашенная древняя форма будущего времени на *-уи* в современных южносибирских тюркских языках функционирует в составе форм на *-гы дег* в тувинском и тофском, в алтайском — *-гадый*, шорском — *-гадыг*, хакасском — *-гадаг*, которые представляет собой слияние формы *-гу* и сравнительного аффикса (частицы) *дег/дый*. В алтайском, шорском, тувинском языках указанные формы являются формами причастия возможного действия [Дыренкова 1940: 151; Есипова 1993: 18; Сат 1959: 83]; в хакасском языке выделяется как отдельное наклонение возможности [ГХЯ

1975: 237], в тофском — является модальной формой [Рассадин 1978]. Таким образом, формы, образованные на основе древней формы будущего времени на *-уи*, в современных сибирских языках функционируют в большинстве своем за пределами индикатива.

Имеющаяся в системе времени в современных сибирских и киргизском языках форма на *-галак / -калак / -халах / -а илик / -а елек* [ЯМ 1997; Коркина 1970: 258], по мнению некоторых исследователей, также образована на базе причастия на *-гу* в южносибирских языках (в якутском и киргизском языках — деепричастия на *-а*) [Щербак 1981]. Для хакасского и шорского языков оказалось релевантным грамматическое выражение значения еще не совершившегося действия, поэтому форма на *-галак / -калак / -халах* является формой прошедшего времени со значением еще не совершившегося действия; в тувинском — формой будущего ожидаемого времени, т. к. в она выражает здесь еще не совершившееся, но ожидаемое действие или значение близкого неизбежного действия / наступления определенного состояния природного объекта и требует настолько специфического контекста что в современном языке выходит из активного употребления.

Индикатив, являясь по сути своей выразителем реального, достоверного, в самом общем смысле, значения, вытесняет за свои рамки (в сферу модальности, эвиденциальности) формы со значением недостоверности и нереальности. «Освободившиеся» места занимают другие, новые или прежние, уже имевшиеся в системе формы, которые расширили свои старые значения или приобрели новые. Новые формы возникают также и на месте тех форм, которые уже утеряны и перестали использоваться. Появившиеся новые важные для языка значения получают грамматическое выражение, что приводит, в конечном счете, к синтетизации отдельных служебных слов.

Таким образом, во временной системе тувинского языка обнаруживается десять форм, которые выражают значения времени, совмещенно с другими значениями (аспектуальными, модальными, эвиденциальными), которые, с одной стороны, иногда конкурируют с временными. С другой стороны, выражаемые временными формами данные семантические комплексы являются настолько сложными и требующими специфического контекста, что некоторые из них имеют редкое употребление в речи и текстах

(*-а-дыр, -галак*). В-третьих, некоторые из временных форм функционально привязаны к определенному типу текстов или речевому стилю, что также ограничивает их функционирование (*-п-тыр, -чык*). Поэтому среди десяти форм во временной системе тувинского языка наблюдается активность функционирования одних форм и меньшая употребительность других в речи современных носителей тувинского языка.

Замечено, что активными являются формы, выражающие в большей степени временное значение, менее осложненное другими сопутствующими семантическими компонентами. Таковыми являются формы на *-ды, -ган, -ар, T_v-n V_(бытия)-Ø, T_v-n V_(бытия)-ар*. При необходимости уточнения их семантики модальными и аспектуальными смыслами в сочетании с ними дополнительно используются лексические средства, наречия и частицы.

Функционирование тех или иных лингвистических реалий в языке, их живое использование в речи отражают тенденции развития языковой системы. Для важных, с точки зрения носителей языка, значений формируются специализированные грамматические средства их передачи. Другие же значения передаются лексическими или другими не регулярными комбинированными средствами.

Таким образом, наиболее важные значения, грамматикализуясь, занимают прочную позицию в системе языка, тогда как некоторые значения, оказавшиеся нерелевантными на данном этапе, постепенно отходят на периферию языковой системы и выходят из употребления. Это происходит в соответствии с внутренними законами развития языка, на которые влияют и экстралингвистические факторы (изменения в традиционном укладе жизни, повлекшие за собой изменения и во временной ориентации, переоценку ценностей, изменения в образе жизни и психологическая перестройка носителей того или иного языка; влияние второго (русского) языка и т. д.). Сказанное позволяет предположить, что на данном этапе развития тувинского языка имеется тенденция к упрощению временной системы. Выходят из активного употребления такие формы, как *-а-дыр, -галак*, имеет ограниченное употребление форма на *-чык*. Прочное место во временной систем имеют формы на *-ды, -ган, -ар* и аналитические формы времен на базе *T_v-n V-*. Такое положение дел имеется и

в некоторых тюркских языках. Например, в чулымском языке замечено, что активная позиция в системе прошедшего времени отмечается всего у одной формы на *-ган* [Бирюкович 1981: 62].

По составу временных форм система времени в тувинском языке имеет общие черты и различия по сравнению с временными системами в других сибирских тюркских языках и древнем уйгурском языке. В этих параллелях просматриваются исторические, а также ареальные связи этих языков. Рассматриваемые временные системы различаются набором форм, в то же время в них имеются общие формы, а также некоторые из них относятся к разным грамматическим категориям в системе глагольного словоизменения.

Преставленные в таблице 1⁷ временные формы в рассматриваемых языках можно объединить в следующие группы форм:

- формы, которые приобрели разные категориальные значения — времени или наклонения;
- формы, общие для рассматриваемых языков, совпадающие во временной отнесенности;
- формы в рамках индикатива, попадающие в разные временные планы.

В зависимости от различия выражаемых значений и субъективных теоретических установок исследователей формы, восходящие к одной исходной форме, в современных сибирских языках разводятся по разным языковым категориям. Это относится прежде всего к общетюркской форме на *-гай*: в тофском языке она является формой будущего времени (как и в древнеуйгурском), но в то же время выделяется и форма желательного наклонения на *-гай*. В других языках южносибирского ареала (хак., шор., алт.) данная форма выделяется в отдельное наклонение (желательное, желательно-повелительное). В тувинском языке форма на *-гай* обладает модальным значением подчеркнутой утвердительности и выделена в отдельное наклонение.

В тофском языке относят и ко времени, и к косвенному наклонению общетюркскую форму на *-ды*: по первому значению она выражает прошедшее время (как и в других тюркских языках), по

---

⁷ Таблица выполнена на базе следующих источников: по древнеуйгурскому языку [Насилов Д. М. 1963], тофскому языку [Рассадин, 1978], хакасскому [ГХЯ 1975], шорскому и алтайскому [ЯМ 1997; Дырленкова 1940].

второму — значение прохибитива позволяет выделить ее в особое опасительное наклонение. Значение прохибитива присуще и тувинской форме на *-ды*, но оно не является ее основным значением.

Таблица 1. Распространение исследуемых форм в древнеуйгурском и тюркских языках Южной Сибири

Языки	Время			Другие категории		
	Прош.	Наст.	Буд.	Косв. накл.	Мод. формы	Прич.
Др.-уйг.	<i>-di;</i> <i>-miŕ;</i> <i>-juk</i>	-ar		—	—	—
		<i>-p turur</i> (<i>-a turur</i>) ⁸	<i>-yaj;</i> <i>-taŕi;</i> <i>-yi</i>			
Тув.	<i>-ды;</i> <i>-ган;</i> <i>-чык;</i> <i>-бышаан;</i> <i>-п-тыр</i>	<i>T_v-n V_(бытия)-Ø;</i> <i>T_v^v-n V_(бытия)-ar;</i> <i>-a-дыр</i>	<i>-p;</i> <i>-галак</i>	<i>-гай;</i> <i>-гы дег</i>	—	—
Тоф.	<i>-ды;</i> <i>-ган;</i> <i>-чык</i>	<i>-a-дыр(ы);</i> <i>-n тур (чор, олур,</i> <i>чыгът)-Ø</i>	<i>-ar;</i> <i>-гай</i>	<i>-гай</i> (жел.); <i>-ды</i> (опас.)	<i>-гы дег</i> (возм.)	—
	<i>-бышаанга</i>					
Хак.	<i>-ды;</i> <i>-ган;</i> <i>-чап;</i> <i>-чатхан;</i> <i>-тыр;</i> <i>-галак;</i> <i>-чых</i>	<i>-п ча- / -чадыр</i> (<i>-ча-тыр</i>); <i>-a-дыр;</i> <i>-ир;</i> <i>-п одыр</i> (<i>тур, чор</i>)-Ø	<i>-ar;</i> <i>-чап;</i> <i>пол</i> <i>-ar;</i> <i>-мас</i> <i>пол-ar</i>	<i>-гай</i> (жел.); <i>-гадаг</i> (пред-пол.)	—	—
Шор.	<i>-ды;</i> <i>-ган;</i> <i>-чап;</i> <i>-чыткан;</i> <i>-п-тыр;</i> <i>-галак</i>	<i>-ча;</i> <i>-a-дыр;</i> <i>-чат-тыр</i>	<i>-ar</i>	<i>-гай</i> (жел.)	—	<i>-гадаг</i> (пред-пол.)
Алт.	<i>-ды;</i> <i>-ган;</i> <i>-ып јат-ты;</i> <i>-ып турды;</i> <i>-ып тур;</i> <i>-ган эди</i>	<i>-п јадыр;</i> <i>-a-дыр / -аат</i>	<i>-ar;</i> <i>-ат;</i> <i>-атан</i>	<i>-гай</i> (жел.-побуд.)	—	<i>-галак;</i> <i>-гадый</i>

⁸ Форма на *-a turur* выделяется в поздних памятниках древнеуйгурского письма в [Насилов В. М. 1974].

Сибирско-киргизская форма на *-галак*, с одной стороны, является формой причастия, с другой — временной. Временная отнесенность этой формы также различна: она входит или в сферу будущего (тув.), или в сферу прошедшего (хак., шор.).

Общетюркская форма на *-р* в древнеуйгурском выступает как общая форма настоящего-будущего времени. В одних современных языках она сохранила свою широкую семантику, в других, в том числе и сибирских, перешла в план будущего.

Различна временная отнесенность тувинско-тофской формы *-бышаан* / *-бышаанга*: в тофском языке она представляет прошедшее-настоящее, в тувинском — прошедшее.

Таким образом, во временной системе тувинского языка отразилась сложная история его формирования. В ней представлены общетюркские формы (*-ды, -р*), древние огузские реликты (*-бышаан* < *-мыш* + *шаг-ын*), древнеуйгурские формы (*-чык*), а также формы кыпчакского типа (*-ган, -н-тыр, -а-дыр, T_v-n V_(бытия)-Ø, T_v-n V_(бытия)-ар*), формы, не находящие параллелей за пределами сибирского ареала и связанного с ними киргизского языка (*-галак*).

Прослеживается общность черт тувинской временной системы с южносибирскими тюркскими и древнеуйгурским языками (см. таблицу 2). Здесь обнаруживаются следующие формы:

- общие для кыпчакских языков;
- общие для сибирских языков;
- общие для отдельных сибирских языков;
- присущие отдельным языкам;
- общие для древнеуйгурского и сибирских языков.

Все южносибирские тюркские языки по системе глагола имеют целый ряд кыпчакских глагольных форм, поэтому синхронно их глагольные системы сближаются с кыпчакскими языками (см. в таблице 2 формы на *-ган*, аналитические и восходящие к аналитическим формы, состоящие из формы *дееприч.* + *всп. глагол «бытия»*).

Отличие этих языков в употреблении форм настоящего времени, образованных на базе формы деепричастия и бытийных вспомогательных глаголов (см. таблицу 2). В алтайском, хакасском и шорском наиболее активен вспомогательный глагол *чат-* (хак., шор.) / *јат-* (алт.) (<‘лежать’), который формирует особую форму настоящего времени, в отличие от остальных бытийных вспомогательных глаголов.

Таблица 2. Временные формы тувинского языка, их общность с древними и современными тюркскими языками

Языки, группы языков	Формы
Общетюркские, древнеуйгурский язык	-ды; -ар
Тув., тоф. языки	-бышаан
Тув., тоф., хак., др.-уйг. языки	-чык
южно-сибирские, кыпчакские и кыпчакизированные языки	-ган; -п-тыр; -а-дыр; T_v -п $V_{(бытия)}$ -Ø; T_v -п $V_{(бытия)}$ -ар
южно-сибирские языки, киргизский язык	-галак

Форма на *-галак* роднит сибирские языки с киргизским. Форма на *-чык* / *-чых* объединяет с древнеуйгурским тувинский, тофский и хакасский языки. Тувинский и тофский языки сближает наличие только в этих языках форм *-бышаан* / *-бышаанга*. Хакасский и шорский языки объединяют стяженные формы на *-ча* / *-чат* и на *чаң*; *-чатхан* (см. таблицу 1).

Наличие таких разнотипных форм в тувинской системе времени говорит о процессах смешения языков, входящих в разные классификационные группы. Древнетюркские элементы принесены в тувинский язык и древним языком орхонского типа, и древнеуйгурским языком. В тувинском языке формы, которые связывают его с орхонским языковым типом (*-бышаан*) сохраняются на периферии глагольной системы. Форма на *-чык* отражает явный признак взаимодействия южносибирских тюркских языков с древним уйгурским (*-juk*), она функционирует в тувинском, тофском и хакасском языках и является активной. Сказанное позволяет заключить, что по временным показателям из тюркских языков Южной Сибири ближе всех к древнеуйгурскому стоят тувинский, тофский и хакасский языки.

Данные по временным системам (см. таблицы 1, 2) южно-сибирских тюркских языков подтверждают ареальную близость этих языков и то, что их дистанцирование происходило в разное время. Предок алтайского языка отделился от языка-предка, общего для сибирских тюркских языков, сравнительно рано, но долго входил в общий ареал с киргизским, вероятно в то время, когда часть киргизов проживала в Джунгарии. Хакасский и шорский имеют такое количество общих черт, которое говорит об

их длительных контактах. Тувинский и тофский отражают более тесную связь с древнеуйгурским.

2.2. Система прошедшего времени

В истории исследования тувинского языка план прошедшего времени был представлен несколькими финитными формами. В первом научном описании тувинского языка «Опыт исследования урянхайского языка» Н. Ф. Катанов отметил две формы прошедшего времени: прошедшего совершенного времени на *-ды / -дi* (*алды* ‘взял’), прошедшего несовершенного времени на *-кан / -кән* (*корткан-бән* ‘я боялся’) [Катанов 1903: 667—669, 722—724].

М. Д. Биче-оол и Ф. Г. Исаков выделяют три формы прошедшего времени: недавнопрошедшее на *-ды*, давнопрошедшее на *-ган* и прошедшее повествовательное на *-п-тыр* [Биче-оол, Исаков 1952: 167—176].

В грамматическом приложении к «Тувинско-русскому словарю» Ш. Ч. Сата представлены пять форм прошедшего времени: прошедшее достоверное время на *-ды*; прошедшее неопределенное время на *-ган*; аналитическая форма прошедшего определенного времени, образованная на базе деепричастия на *-п* и вспомогательных глаголов *тур-*, *олур-*, *чор-*, *чыт-* в форме на *-ган*; прошедшее время на *-чык*; прошедшее-настоящее время на *-бышаан*. Форма на *-п-тыр* здесь не выделяется в качестве временной. При описании значения деепричастной формы на *-п* указывается, что сочетание деепричастия на *-п* с частицей *-тыр* выражает действие с модальным оттенком заочного совершения: *келип-тир* ‘оказывается, пришел’ [Сат 1955: 680—690].

В ГТЯ выделяются пять форм прошедшего времени: прошедшее категорическое время на *-ды*, прошедшее неопределенное время на *-ган*, прошедшее повествовательное время на *-ып-тыр*, прошедшее риторическое время на *-чык*, прошедшее-настоящее время на *-нышаан* [ГТЯ 1961: 365—380].

Д. А. Монгуш подробно рассматривает значения пяти форм прошедшего времени (*-ды*, *-ган*, *-ып-тыр*, *-чык*, *-бышаан*) и показывает различия собственно временных и модальных значений некоторых форм, а также особенности употребления временных форм в зависимости от лица субъекта действия и сферы употребления в различных речевых стилях. Кроме самих вышеперечисленных

простых синтетических форм, автор рассматривает усложненные на их базе аналитические формы [Монгуш 1963]. Учитывая ценность информации в этой работе, при описании системы форм прошедшего времени мы неоднократно будем обращаться к ней.

В нашей работе анализируются значения пяти форм прошедшего времени (*-ды*, *-ган*, *-чык*, *-бышаан*, *-п-тыр*), определяются релевантные значения, формирующие поле прошедшего времени в современном тувинском языке, указываются особенности их употребления, предпринимается попытка выявить принцип системного устройства поля прошедшего времени в тувинском языке.

2.2.1. Форма прошедшего времени на *-ды*

Исследования показывают, что в древних тюркских языках функционировала финитная форма на *-ti* / *-di* (*ölti-öldi* ‘умер~умерли’ от *öl* ‘умирать’) со значением объективно констатированного прошедшего времени [ДТС 1969: 664]. В памятниках древнеуйгурского письма форма на *-ды* была основной формой прошедшего времени и выражала значение общего прошедшего времени. Главной функцией для формы на *-ды* является, по мнению Д. М. Насилова, повествовательная:

... время на *-ды*... в связанном контексте изображало действия, идущие последовательно друг за другом, передавало постепенное и равномерное развёртывание действий повествования [Насилов Д. М 1963: 5].

Форма на *-ды* функционирует почти во всех современных тюркских языках. Кроме временного, она выражает ряд дополнительных значений, поэтому в различных тюркских языках и даже в пределах одного и того же языка называется по-разному: «прошедшим», «прошедшим категорическим», «прошедшим определенным», «недавнепрошедшим» [ЯМ 1997: 166, 225, 246, 271, 291, 350, 376, 416].

Исследователи придерживаются разных мнений относительно основного значения этой формы в тувинском языке и называют: «прошедшим совершенным временем» [Катанов 1903: 862], «прошедшим категорическим временем» [ГТЯ 1961: 365], «прошедшим достоверным (категорическим) временем» [Сат 1955: 688], «недавнепрошедшим временем» [Сат, Салзынмаа 1980: 191].

В данной работе мы рассматриваем комплекс значений формы на *-ды* и будем называть ее, так же как и Д. А. Монгуш [Монгуш 1963: 70], «прошедшим временем на *-ды*».

Значения и употребление формы на *-ды*

Форма прошедшего времени на *-ды* (*-ди, -ду, -дү, -ты, -ти, -ту, -тү*) является монофункциональной финитной формой. Отрицательная форма от нее образуется при помощи отрицания на *-ба* (*-бе, -ва, -ве, -па, -пе, -ма, -ме*):

(1) *Солун ном номчудум*

солун	ном-Ø ⁹	ном-чу-ду-м
интересный	книга-NOM	книга-VBLZ-PAST ₁ -1Sg

‘Я читал интересную книгу’.

(2) *Солун ном номчувадым*

солун	ном-Ø	ном-чу-ва-ды-м
интересный	книга-NOM	книга-VBLZ-NEG-PAST ₁ -1Sg

‘Я не читал интересную книгу’.

Форма на *-ды* является полисемантической, обладает комплексной семантикой, включающей временные, эвиденциальные, аспектуальные компоненты, а также дополнительные модальные оттенки значений. Данные значения и оттенки значений в одном случае могут, взаимно обуславливаясь, переплетаться друг с другом, в других случаях являются логически выводимыми друг из друга.

1. Основное значение формы на *-ды* — обозначение засвидетельствованной законченности некоторого одноразового действия или засвидетельствованного достижения предела (завершения)

⁹ Вопрос, связанный с трактовкой «основного» / «неопределенного» падежа, является одним из спорных в тюркологии. На этот счет имеется две точки зрения. Согласно первой, в падежной системе тюркских языков выделяется материально не выраженный именительный падеж с функцией подлежащего; а когда формально не представлены родительный, винительный и направительный падежи, используются понятия *неоформленного родительного*, *неоформленного винительного* и *неоформленного направительного* падежей [ГТЯ 1961]. Согласно второй, в тюркских языках утверждается наличие полифункционального, не имеющего показателя, основного падежа, который может выступать также в функции родительного, винительного, направительного падежей и сочетаться с послелогами [Кононов 1960: 93; ГСБЛЯ 1981: 135—137 и др.]. В данной работе автор придерживается последней точки зрения. Полифункциональный основной падеж без показателя в глоссировании обозначается значком «Ø» и указывается как «NOM».

некоторого динамического процесса, предшествующего МР. В «окно наблюдения» попадает завершающий момент действия. Значение близкой временной дистанции данной формы выводимо из основного значения, которые вместе представляют сложное комплексное значение.

- (3) *Мөге адын Кудерек бадыткады*
 мөге-Ø   ад-ы-н   Кудерек-Ø
 борец-NOM   имя-POSS/3Sg-ACC   Кудерек-NOM
 бадытка-ды-Ø
 подтвердить-PAST₁-3Sg
 ‘Кудерек подтвердил свое имя борца (я был свидетелем, я это видел)’ [ИБ: 34].

В примере (3) действие *бадытка-ды* ‘подтвердил’ передает значение законченности многократного (одноразового) действия, свидетелем которого был говорящий.

- (4) *Буян, көрөм, бир кушкаш ыяжывыста хонупту*
 Буян көр-өм   бир   кушкаш-Ø
 Буян смотреть-IMP/2Sg/PTCL   одна   птичка-NOM
 ыяж-ывыс-та   хон-уп-ту-Ø
 дерево-POSS/1Pl-LOC   садиться-PFV-PAST₁-3Sg
 ‘Буян, смотри, какая-то птичка села на наше дерево’ [ЕБМ: 49].

В примере (4) действие *хонуп-ту* ‘села’ представляет собой достижение предела процессуального действия «садиться, приземляться». В этой ситуации говорящий является наблюдателем завершения действия, которое буквально только что достигло своего предела. Иначе говоря, употребление формы на *-ды* в описании данной ситуации показывает комплекс значений прошедшего времени, предельности, прямого (визуального) доступа к информации и близкой временной дистанции.

В силу указанного комплекса значений форма на *-ды* употребляется в прямой речи, в художественной литературе автобиографического и повествовательного жанров. Д. А. Монгуш отмечает:

...когда повествование ведется от первого лица (от автора), форма на *-ды* используется в качестве художественного приема, позволяющего представить события так, словно они произошли перед глазами и недавно. Это придает образность и живость повествованию [Монгуш 1963: 38].

Томбаш-Ø   боду-нун   чадыр-ын-че
Томбаш-NOM   сам-GEN   чум-POSS/3Sg-LAT
баз-ып-ты-Ø
шагать-PFV-PAST₁-3Sg
‘Люди разошлись. Томбаш, сказав нам: «Идите сюда, мои дети»,
пошел к своему чуму’ [АС: 14].

С целью установить, до какой временной дистанции (отдаленности во времени) может употребляться форма на *-ды*, мы проверили функционирование форм прошедшего времени на *-ды* и *-ган* в 1-м и 2-м лице в следующих фразах (см. таблицу 3).

Таблица 3. Определение временной дистанции в употреблении форм прошедшего времени на *-ды* и *-ган* в 1-м и 2-м лице

Обозначение временной дистанции	Употребление формы прошедшего времени на <i>-ды</i>	Употребление формы прошедшего времени на <i>-ган</i>
<i>ам чаа</i> ‘только что’	<i>Ам чаа кел-ди-м / -ң</i> ‘Я / ты приехал только что’.	—
<i>бир шак</i> <i>бурунгаар</i> ‘час назад’	<i>Бир шак бурунгаар</i> <i>кел-ди-м / -ң</i> ‘Я / ты приехал час назад’.	<i>Бир шак бурунгаар</i> <i>кел-ген мен / сен</i> ‘Я / ты приехал час назад’.
<i>дүүн</i> ‘вчера’	<i>Дүүн кел-ди-м / -ң</i> ‘Я / ты приехал вчера’.	<i>Дүүн кел-ген мен / сен</i> ‘Я / ты приехал вчера’.
<i>неделя</i> <i>бурунгаар</i> ‘неделю назад’	<i>Неделя бурунгаар</i> <i>кел-ди-м / -ң</i> ‘Я / ты приехал неделю назад’.	<i>Неделя бурунгаар</i> <i>кел-ген мен / сен</i> ‘Я / ты приехал неделю назад’.
<i>бир чыл</i> <i>бурунгаар</i> ‘год назад’	<i>Бир чыл бурунгаар</i> <i>кел-ди-м / -ң</i> ‘Я / ты приехал год назад’.	<i>Бир чыл бурунгаар</i> <i>кел-ген мен / сен</i> ‘Я / ты приехал год назад’.
<i>беш чыл</i> <i>бурунгаар</i> ‘пять лет назад’	<i>Беш чыл бурунгаар</i> <i>кел-ди-м / -ң</i> ‘Я / ты приехал пять лет назад’.	<i>Беш чыл бурунгаар</i> <i>кел-ген мен / сен</i> ‘Я / ты приехал пять лет назад’.
<i>бежен чыл</i> <i>бурунгаар</i> ‘пятьдесят лет назад’	<i>Бежен чыл бурунгаар</i> <i>кел-ди-м / -ң</i> ‘Я / ты приехал пятьдесят лет назад’.	<i>Бежен чыл бурунгаар</i> <i>кел-ген мен / сен</i> ‘Я / ты приехал пятьдесят лет назад’.

Как видно из примеров в приведенной таблице, форма на *-ды* является маркированной в отношении ближайшей временной

дистанции от МР при употреблении в 1-м и 2-м лице. В более отдаленных от МР указаниях временной дистанции формы на *-ды* и *-ган* могут употребляться обе, различие будет состоять в контекстуальном окружении и стилистической характеристике. Форма на *-ды* более отражает диалогическую речь, и представленные в таблице фразы являются вариантами ответов на вопрос «Когда ты приехал?». Употребление формы на *-ды* в данном контексте «как будто бы приближает» действия к МР («сейчас») и подчеркивает непосредственное *совершение действия* говорящим и *засвидетельствованность действия*. При употреблении же в 3-м лице незанятая позиция при субъектах в 1-м и 2-м лице будет заполнена, т.е. можно сказать *Ол ам чаа кел-ген*. В этом случае констатируется *факт* недавнего совершения действия.

Таким образом, форма на *-ган*, выражая лишь факт совершения действия, как будто бы отстраняет говорящего от самого факта действия временной дистанцией. Способность выражать действия, произошедшие только что или незадолго до момента речи, формой на *-ды* объясняется особенностью этой формы обозначать само действие, а не результат. Именно в силу того, что форма на *-ды* сосредотачивает внимание говорящего на самом действии, она «может фиксировать действие сразу же, как только оно произойдет, когда еще рано судить о его результате» [Монгуш 1963: 52].

Однако, как было выше указано, при употреблении формы на *-ды* в 3-м лице на первый план выходит семантика засвидетельствованности действия, а временная дистанция не актуализируется. Поэтому в значении ближайшей временной дистанции может употребляться как форма на *-ды*, так и форма на *-ган*. Рассмотрим примеры употребления данных форм в 3-м лице:

Пример с формой на *-ды*:

- (9) ...акым бодунуң чажыдын ам чаа сөгледі...
 акы-м-Ø боду-нуң
 старший брат-POSS/1Sg-NOM сам-GEN
 чажыд-ы-н **ам чаа** сөгле-ди-Ø
 секрет-POSS/3Sg-ACC **только что** говорить-PAST₁-3Sg
 ‘Старший брат только сейчас раскрыл свой секрет’ [АТ: 313].

Пример с формой на *-ган*:

- (10) *Ада-ие хуралы ам чаа төнген*
 ада-ие-Ø хурал-ы-Ø
 родители-NOM собрание-POSS/3Sg-NOM
ам чаа төн-ген-Ø
только что закончилось-PAST₂-3Sg
 ‘Родительское собрание только что закончилось’.

В примерах (9) и (10) представлены действия, произошедшие в близком предшествовании МР. Их различие состоит в эвиденциальных компонентах значений. В примере (7) форма на *-ды* обладает значением прямой засвидетельствованности — прямого доступа к информации — «говорящий был участником или свидетелем действия». Тогда как форма на *-ган* по данному признаку является нейтральной.

Прошедшее время на *-ды* в тувинском языке может быть использовано в значении других времен — настоящего и будущего, о чем исследователями говорилось ранее [ГТЯ 1961: 369; Монгуш 1963: 50].

2. Форма на *-ды* употребляется в значении настоящего времени в сочетании с глаголами лексико-семантических групп (ЛСГ), выражающих просьбу, желание, радость, волеизъявление и т. п. В отличие от настоящего актуального времени, имеющего аналитическую форму в тувинском языке на T_v - n $V_{(бытия)}$ -Ø, форма на *-ды* в данном случае передает действия, лишённые длительности [Монгуш 1963: 50].

- (11) *Сөс-домаам аргажок чевен кижси мен, буруудады бербезиңерни диледим*
 сөс-дома-ам-Ø аргажок чевен кижси мен
 речь-POSS/1Sg-NOM совсем неумелый человек я
 [бурууда-д-ы бер-без-иңер-ни]¹⁰
 [винить-CAUS-CV₁ V-NEG/PF₁-POSS/2Pl-ACC]
диле-ди-м
просить-PAST₁-1Sg
 ‘Я совсем не искусен в речах, прошу вас не винить меня’ [BM2: 39].

- (12) *Каң-кадык, аас-кежиктиг болуруңну кузедивис*
 каң-кадык аас-кежик-тиг бол-ур-уң-ну
 здоровый счастье-POSSV быть-PF₁-POSS/2Sg-ACC

¹⁰ Здесь и далее при глоссировании «квадратными скобками» обозначены границы глагольных АК и границы сложных глаголов.

күзе-ди-вис

желать-**PAST₁-1PI**

‘Желаем быть тебе здоровым, счастливым’.

Прошедшее время на *-ды* в речи часто употребляется в значении будущего времени:

1) ближайшего будущего времени (примеры 13, 14, 15);

2) предупредительного будущего времени (прохибитива), а при выражении предостережения адресату относительно возможных негативных последствий совершения действия форма на *-ды* является показателем адмонитива, разновидности прохибитива (примеры 16, 17, 18);

3) будущего предположительного времени (примеры 19, 20).

3. Значение ближайшего будущего времени — «вот-вот наступит или произойдет...» — у формы на *-ды* проявляется контекстуально и выделяется интонационно. В данном значении она употребляется в 1-м и 3-м лице.

(13) *Чай төндү. А сен сигениң ам-даа белеткевээн сен*
 чай-Ø   төн-дү-Ø   а сен-Ø
 лето-NOM   кончатся-**PAST₁-3Sg**   а ты-NOM
 сиген-иң-Ø   ам-даа   белетке-вэ-эн   сен
 сено-POSS/2Sg-NOM   еще   готовить-NEG-PAST₂   2Sg
 ‘Лето вот-вот закончится. А ты еще не подготовил сено’.

(14) *Сүт ажыр хайынды. Дүрген эс!*
 сүт-Ø   [ажыр хайын-ды-Ø]   дүрген
 молоко-NOM   [через кипеть-**PAST₁-3Sg**]   быстро
 эс-Ø
 снимать с огня-IMP/2Sg
 ‘Молоко вот-вот убежит. Быстро сними с огня!’

(15) *Кээп дүштүм, тудуңар!*
 [кэ-эп   дүш-тү-м]   туд-унар
 [приходить-CV₂   падать-**PAST₁-1Sg**]   держать-IMP/2PI
 ‘Я падаю, держите!’

4. С указанным значением ближайшего будущего времени семантически связано значение прохибитива (адмонитива), регулярно проявляющееся при употреблении формы на *-ды* во 2-м лице единственного и множественного числа. Говорящий предупреждает о возможном неблагоприятном, нежелательном и даже опасном исходе ситуации (совершение ошибки, быть

обманутым; падение; получение жизненно опасных различных травм и увечий и т. д.). На наличие у формы на *-ды* этого значения указывают и авторы ГТЯ: «глагол в форме на *-ды* выражает предостережение и может сопровождаться междометием *халак* ‘ой, ох, ах’» [ГТЯ 1961: 369].

(16) *Эки шыгаап ал, чазыптың (халак)*

эки [шыгаа-п ал-Ø]
хорошо [прицелиться-CV₂ V-IMP/2Sg]
чаз-ып-ты-ң
промахиваться-PFV-PAST₁-2Sg
‘Хорошенько прицелься, ох, смотри не промахнись’.

(17) *Даштын соок. Чылыдыр кеттиниңер. Доңдуңар!*

даштын соок чылыдыр кет-тин-инер
снаружи холодно теплее одеваться-RFL-IMP/2Pl
доң-ду-ңар
мерзнуть-PAST₁-2Pl
‘На улице холодно. Теплее одевайтесь. Смотрите, как бы не замерзнуть вам!’

(18) *Оваарымчалыг чоруур сен. Оруктан астың*

оваарымчалыг чору-ур сен орук-тан
осторожно ехать-FUT1 2Sg дорога-ABL
ас-ты-ң
заблудиться-PAST₁-2Sg
‘Езжай осторожно. Смотри не заблудись’.

5. В значении будущего предположительного времени форма на *-ды* употребляется при планировании, обдумывании действий в будущем времени.

(19) *Хоорай кыдыынга черни садып алдым, херимнеп алдым, аңаа бажың тудуп алдым, чырык киирер деп улуг айтырыг тургустунуп келир...*

хоорай-Ø кыды-ын-га чер-ни
город-NOM край-POSS/3Sg-DAT земля-ACC
[сад-ып ал-ды-м] [херим-не-п
[покупать-CV₂ V-PAST₁-1Sg] [забор-VBLZ-CV₂
ал-ды-м] аңаа бажың-Ø [туд-уп
V-PAST₁-1Sg] там дом-NOM [строить-CV₂
ал-ды-м] чырык-Ø киир-ер де-п
V-PAST₁-1Sg] свет-NOM вводить-PF₁ называть-CV₂

улуҕ айтырыҕ-Ø [тур-гус-тун-уп
 большой вопрос-NOM [стоять-CAUS-RFL-CV₂
 кел-ир-Ø]
 V-FUT-3Sg]

‘Допустим, куплю за городом землю, поставлю забор, построю там дом, встанет большой вопрос о вводе электричества...’ [А].

Данное значение отмечается также Д. А. Монгушем и описывается следующим образом:

В значении будущего времени данная форма употребляется и тогда, когда говорящий (про себя или вслух) рассуждает о тех действиях, которые он намеревается сам совершать или которые, по его мнению, собирается совершать другое лицо [Монгуш 1963: 66].

Он приводит пример продумывания шахматных ходов игроками при игре в шахматы:

(20) *Ынаар көшүтүм, оолду алды; ша дидим, олче дести...*

ынаар	көш-тү-м	оол-ду	ал-ды-Ø
туда	пойти-PAST ₁ -1Sg	пешка-ACC	брать-PAST ₁ -3Sg
ша	ди-ди-м	ол-че	дес-ти-Ø
ша	сказать-PAST ₁ -1Sg	тот-LAT	убегать-PAST ₁ -3Sg

‘Я пойду туда, он возьмет пешку, я ему объявлю шах, он отойдет туда...’ [Там же].

Таким образом, форма прошедшего времени на *-ды* в тувинском языке обладает следующими компонентами значений: 1) предшествование MP; 2) прямая засвидетельствованность действия или прямой доступ к информации; 3) законченность некоторого одноразового действия или достижения предела или завершение некоторого динамического процесса; 4) маркирование временной дистанции, выражение ближайшего к MP предшествования. Форма на *-ды* характерна для разговорной (прямой) речи, а также используется в повествовании. Дополнительными значениями являются: 1) выражение настоящего времени; 2) выражение ближайшего будущего времени (в 1-м и 3-м лице); 3) выражение будущего предупредительного времени — прохитива (адмонитива) (во 2-м лице); 3) выражение будущего предположительного времени.

2.2.2. Форма прошедшего времени на *-ган*

Форма прошедшего времени на *-ган* в тувинском языке является также многозначной. Исследователи тувинского языка придерживаются разных точек зрения по поводу основного значения этой формы. В зависимости от того, какое значение ими выделяется как основное, данная форма называется «прошедшим несовершенным временем», «прошедшим неопределенным временем», «давнопрошедшим временем» [Сат 1955: 686; ГТЯ 1961: 369], «прошедшим временем на *-ган*» [Монгуш 1963: 71].

Н. К. Дмитриев и Б. А. Серебренников считали исконным и главным значением формы на *-ган* в башкирском и татарском языках значение перфекта [Дмитриев 1948: 157—159; Серебренников 1963: 21].

Значение перфекта на *-ган* — это значение действия, совершившегося в прошлом, которое ощущается или не ощущается в настоящем как результат этого действия, как факт, как состояние. Таким образом, здесь существует связь прошедшего и настоящего — именно с точки зрения настоящего трактуется прошедшее действие субъекта. Это и позволяет называть форму на *-ган* прошедшим-настоящим временем, или перфектом. В других языках такое значение называется *perfectum*, или *perfectum logiscum* [Дмитриев 1948: 157—159].

При описании значения формы на *-ды* мы касались некоторых семантических составляющих значения формы на *-ган*. Проведенный семантический и функциональный анализ по данной форме выявляет специфику выражаемого ею комплексного значения и особенностей употребления в зависимости от речевых стилей и типов текста. Вслед за Д. А. Монгушем [Монгуш 1963: 70], мы называем форму на *-ган* «прошедшим временем на *-ган*».

Значения и употребление формы на *-ган*

Форма на *-ган* (*-ген*, *-кан*, *-кен*) в тувинском языке является базовой формой прошедшего времени. Отрицательная форма от нее образуется при помощи формы отрицания *-ба* (*-бе*, *-ва*, *-ве*, *-па*, *-пе*, *-ма*, *-ме*):

(21) *Хем доңган*

хем-Ø

доң-ган-Ø

река-NOM

мерзнуть-PAST₂-3Sg

‘Река замерзла’.

(22) *Хем доңмаан*

хем-Ø   доң-**ма-ан**-Ø
 река-NOM   мерзнуть-NEG-PAST₂-3Sg
 ‘Река не замерзла’.

Форма на *-ган* выражает следующие значения:

1. Значение немаркированного прошедшего времени — простое указание на действие, предшествовавшее МР. Данное значение мы считаем основным для этой формы в тувинском языке.

(23) *Автобус доктаар черге келиримге, каш борбак кижжи турган*

автобус-Ø   докта-ар   чер-ге
 автобус-NOM   оставливаться-PF₁   место-DAT
 кел-ир-им-ге   каш борбак   кижжи-Ø
 приходить-PF₁-POSS/1Sg-DAT   всего несколько   человек-NOM
 тур-**ган**-Ø
 стоять-PAST₂-3PI
 ‘Когда я подошел к остановке автобуса, (там) стояло всего несколько человек’ [BM2: 71].

(24) *Бригадир улуг үүле-херектиң дүрген буткенинге аажок өөрэн*

бригадир-Ø   улуг   үүле-херек-тиң   дүрген
 бригадир-NOM   большой   дело-GEN   скоро
 бүт-кен-ин-ге   аажок   өөрэ-**эн**-Ø
 совершаться-PP-POSS/3Sg-DAT   очень   радоваться-PAST₂-3Sg
 ‘Бригадир очень обрадовался тому, что так скоро свершилось большое дело’ [MT: 65].

(25) *Бир катап Тар-Узук деп черге кара өгге келген мен*

бир   катап   Тар-Узук   де-п   чер-ге
 один   раз   Тар-Узук   называть-CV₂   место-DAT
 кара   өг-ге   кел-**ген**   мен
 черный юрта-DAT   приезжать-PAST₂   1Sg
 ‘Однажды я приехал в черную юрту в местечке Тар-Узук’ [ББ: 103].

Указанное значение формы на *-ган* определяет ее употребление в разговорной, официальной и деловой речи, языке деловых бумаг, прессе, научной литературе, в которых требуется описание и перечисление фактов.

В некоторых тюркских языках форма на *-ган* приобрела значение показателя неочевидного действия [Серебренников, Бирюкович 1981: 7]. Что касается тувинской формы на *-ган*, то

ее способность передавать семы косвенной эвиденциальности в тувинском языке весьма опосредована — связана с выражением временной дистанции и понятием физического пространства:

1) действие может быть неочевидным в силу давности (временной дистанции) произошедшего действия, выражаемого формой на *-ган*. В этом случае данные действия носят характер неопровержимых, достоверных, общепризнанных фактов.

(26) *1941 чылдың алды айның 22-де Ада-чурттун Улуг дайыны эгелээн*

бир	муң	тос	чүс	дөргөн	бир	чыл-дың
одна	тысяча	девять	сто	сорок	один	год-GEN
алды	ай-ның		чээрби	ийи-де		Ада-чурт-тун
шесть	месяц-GEN		двадцать	два-LOC		Родина-GEN
Улуг	дайын-ы-Ø				эгелэ-эн-Ø	
Великий	Война-POSS/3Sg-NOM				начаться-PAST ₂ -3Sg	

‘22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война’ [ИЗ].

(27) *Кырган-авам шаанда дөрт чыл школазын дооскаш, өске улусту бижикке өөредип турган*

кырган-ава-м-Ø		шаанда	дөрт	чыл-Ø
бабушка-POSS/1Sg-NOM		давным-давно	четыре	год-NOM
школа-зы-н		доос-каш	өске	улус-ту
школа-POSS/3Sg-ACC		заканчивать-CV ₃	другой	люди-ACC
бижик-ке	[өөред-ип	тур-ган-Ø]		
письмо-DAT	[учить-CV ₂	V-PAST ₂ -3Sg]		

‘Давным-давно моя бабушка, закончив четырехлетнюю школу, учила других людей грамоте’ [И4].

2) действие, выражаемое формой на *-ган*, может быть неочевидным в силу отдаленности говорящего и субъекта действия в физическом пространстве, и это не позволяет говорящему наблюдать за совершением действия. Речь идет о достоверных для говорящего фактах, основанных на знаниях говорящего.

(28) *Алдынай бо чылын школары дооскан. Дүүн ооң институтче бир дугаар экзамены болган*

Алдынай-Ø	бо	чылын	школа-ны
Алдынай-NOM	это	год	школа-ACC
доос-кан-Ø	дүүн	о-оң	институт-че
закончить-PAST ₂ -3Sg	вчера	она-GEN	институт-LAT

бир дугаар экзамен-и-Ø бол-ган-Ø
 один номер экзамен-POSS/3Sg-NOM быть-PAST₂-3Sg
 ‘Алдынай в этом году закончила школу. Вчера у нее был первый экзамен в институт’ [И1].

(29) *Дуьште ийи шакта суурдан автобус үнүпкен*

дуьш-те ийи шак-та суур-дан автобус-Ø
 обед-LOC два час-LOC село-ABL автобус-NOM
 үн-үп-кен-Ø
 выходить-PFV-PAST₂-3Sg
 ‘Сегодня в два часа дня из села выехал автобус’ [А].

Когда форма на *-ган* передает очевидные действия (или действия с участием говорящего), то эти действия характеризуются как произошедшие давно, с точки зрения говорящего.

(30) *Эрткен чылын мен инек бүрүзүндөн ийи муң ажыг литр сүт сагган мен*

эрт-кен чылын мен-Ø инек-Ø
 проходить-PP год я-NOM корова-NOM
 бүрү-зүн-ден ийи муң ажыг литр
 каждый-POSS/3Sg-ABL два тысяча свыше литр
 сүт-Ø саг-ган мен
 молоко-NOM доить-PAST₂ 1Sg
 ‘В прошлом году я получила с каждой коровы свыше двух тысяч литров молока’ [ТА: 212].

(31) *Өөвүс даайым суг-биле кожа турган. Бичимде оларнын улуг огу-биле төрөөн алышкылар дег турган бис... Балыктап база ол мени өөрөткен*

өө-вүс-Ø даай-ым суг-биле кожа
 юрта-POSS/1Pl-NOM дядя-POSS/1Sg другие-INSTR рядом
 тур-ган-Ø бичии-м-де о-лар-ның
 стоять-PAST₂-3Sg маленький-POSS/1Sg-LOC о-PL-GEN
 улуг огу-биле төрөөн алышкы-лар
 старший сын-POSS/3Sg-INSTR родной братья-PL
 дег тур-ган бис балык-та-п база
 как стоять-PAST₂ 1Sg рыба-VRBLZ-CV₂ тоже
 ол-Ø мен-и өөрөт-кен-Ø
 он-NOM я-ACC учить-PAST₂-3Sg
 ‘Наша юрта стояла рядом с юртой моего дяди. Когда был я маленьким, мы с их старшим сыном были как родные братья... Он также научил меня рыбачить’ [И1].

(32) *Бо хоорайга шаанда база чурттап турган мен. Эге школы маңаа дооскан мен*

бо	хоорай-га	шаанда	база	[чуртта-п	
это	город-DAT	давно	также	[жить-CV ₂	
тур-ган]	мен	эге		школа-ны	маңаа
V-PAST ₂]	1Sg	начальный		школа-ACC	здесь
доос-кан		мен			
заканчивать-PAST ₂		1Sg			

‘В этом городе я и раньше жил. Начальную школу я закончил здесь’ [ТК: 76].

В рассмотренных выше примерах, когда говорящий рассказывает об этих действиях в МР, он как бы «отстраняется» от действия, субъектом (участником, наблюдателем) которых он был сам, и он как бы представляет эти действия, как это бывает, например, когда говорящий рассказывает о происходивших действиях, которые засняты на видеопленку. Это похоже на значение формы на *-miš* в древнеуйгурском языке, которая использовалась «для передачи событий и фактов, являющихся внешними для излагающего их лица, в историческо-повествовательном аспекте» [Насилов Д. М. 1963]. Поэтому форма на *-ган* используется в повествованиях, воспоминаниях, художественных произведениях. Эта форма является основным средством описания, когда рассказ ведется не от первого лица:

(33) *Өгнүң өрегезин дуй тыртып каан-даа болза, ооң кыдыгларын-дан чаашкын суу арыкталып бадып турган. Дээвириден оон-моон база дамдылап эгелээн. Өдекте мал шип-ле шимээн, дооза мозур хаялар баарында бөкперлежип турупкан. Хенертен бидиткайнып чоруй, дээр көскенген. Аңаа улаштыр даштын чырыш кылынгаиш, чыжыр-чажыр дээн соонда, дарс-тог диген. Чаңнык!*

өг-нүң	өреге-зи-н	[ду-й	тырт-ып
юрта-GEN	дымоход-POSS/3Sg-ACC	[закрывать-CV ₁	V-CV ₂
ка-ан-даа	бол-за]	о-оң	
V-PAST ₂ /3Sg-PTCL	V-COND]	он-POSS/3Sg	
кыдыг-лар-ын-дан		чаашкын-Ø	
край-PL-POSS/3Sg-ABL		дождь-NOM	
су-у-Ø	[арык-та-л-ып	бад-ып	
вода-POSS/3Sg-NOM	[ручей-VBLZ-PASS-CV ₂	падать-CV ₂	
тур-ган-Ø]	дээвири-ин-ден	оон-моон	
V-PAST ₂ -3Sg]	верх-POSS/3Sg-ABL	оттуда-отсюда	

база [дамды-ла-п эгелэ-эн-Ø] өдөк-ге
 тоже [капля-VBLZ-CV₂ V-PAST₂-3Sg] окрестность-LOC
 мал-Ø шип-ле шимээн дооза мозур хая-лар-Ø
 скот-NOM тихо все крутой скала-PL-NOM
 баар-ын-да [бөкперлеж-ип тур-уп-кан-Ø]
 перед-POSS/3Sg-LOC [сбиваться-CV₂ V-PFV-PAST₂-3Sg]
 хенертен [бидиткайн-ып чор-уй] дээр-Ø
 вдруг [капать-CV₂ V-CV₁] небо-NOM
 көскөн-ген-Ø аңа-а улаштыр даштын
 светлеть-PAST₂-3Sg он-DAT вслед снаружи
 [чырыш кыл-ын-гаш] [чыжыр-чажыр дэ-эн-Ø]
 [свернуть-RFL-CV₃] [греть-PAST₂-3Sg]
 со-он-да [дарс-тог ди-ген-Ø] чаңнык-Ø
 после-POSS/3Sg-LOC [взрываться-PAST₂-3Sg] молния-NOM
 ‘Хотя и закрыли дымоход юрты, с его краев бежала ручьем
 дождевая вода. С верха юрты тоже начало капать. Скот в окрест-
 ностях притих, весь в кучку сбился у крутых скал. Вдруг,
 капая, небо посветлело. Вслед за этим, вспыхнув снаружи, как
 загремело, взорвалось. Молния!’ [TK: 285].

Когда же в описаниях давнопрошедших событий используется форма на *-ды*, говорящий, наоборот, «включает» себя, как бы заново переживая события, участником которых он был.

- (34) *Уругну аъткаргаш, таалыңны ыяк артынгаш, ооң дынындан чет-пишаан, орук баштап арыгдан үнүп чоруптувус. Арыгдан-даа үнүп, аалдан-даа ажыт кирип, бир ак черге үнүп келдивис. Аңаа элээн хөрөк хозадыр тынып, аяр сүмележип чугаалаштывыс...*

уруг-ну аът-кар-гаш таалың-ны ыяк
 девушка-ACC конь-CAUS-CV₃ переметная сума-ACC надежно
 артын-гаш о-оң дын-ын-дан
 прикреплять-CV₃ он-GEN поводья-POSS/3Sg-ABL
 чет-пишаан орук-Ø баш-та-п
 водить-CV₅ дорога-NOM начинать-VBLZ-CV₂
 арыг-дан [үн-үп чор-уп-ту-вус]
 лес-ABL [выходить-CV₂ V-PFV-PAST₁-1Pl]
 арыг-дан-даа үн-үп аал-дан-даа
 лес-ABL-PTCL выходить-CV₂ аал-ABL-PTCL
 [ажыт кир-ип] бир ак чер-ге
 [скрываться-CV₂] один светлый местность-DAT
 [үн-үп кел-ди-вис] аңаа элээн
 [выходить-CV₂ V-PAST₁-1Pl] там довольно

хөрөк-Ø   хозадыр   тын-ып   аяр
 грудь-NOM   свободно   дышать-CV₂   тихо
 [сүме-ле-ж-ип   чугаа-ла-ш-ты-выс]
 [совет-VBLZ-REC-CV₂   разговор-VBLZ-REC-PAST₁-1PI]
 ‘Посадив девушку на коня, надежно прикрепив переметную суму, взяв за поводья, по дороге пошли из леса. Выйдя из леса, скрывшись из виду от аала (так, чтобы не было видно нас из аала), вышли на какую-то светлую местность. Там свободно отдышавшись вволю, мы тихо посоветовались...’ [АТ: 239].

Таким образом, мы считаем, что главное значение формы *-ган* — немаркированное прошедшее время, простая констатация факта действия до МР. Такой точки зрения придерживается и Д. А. Монгуш [Монгуш 1963: 86]. Способность данной формы передавать семы косвенной эвиденциальности опосредованно связана с выражением временной дистанции и понятием физического пространства, что не является релевантной семантической составляющей.

Обозначение формой на *-ган* значения давнопрошедшего времени и выражение действия, несколько отстоящего от «здесь и сейчас», по сравнению с формой на *-ды*, видимо, является следствием перфектного значения формы на *-ган*. О результате действия можно судить по прошествии некоторого времени, в отличие от формы на *-ды*, которая может выражать действие очень близкое к МР, действие, произошедшее почти в МР [Там же].

2. Вторым значением формы на *-ган* является перфектное значение, которое проявляется в сочетании с глаголами определенных ЛСГ, по своей внутренней семантике не противоречащих идее результата действия.

- (35) Чаа бажынның тудуу доозулган
 чаа   бажың-ның   туду-у-Ø
 новый   дом-GEN   стройка-POSS/3Sg-NOM
 дооз-ул-ган-Ø
 заканчиваться-PASS-PAST₂-3Sg
 ‘Стройка нового дома закончилась’ [И2].

- (36) Студент номун чидирген
 студент-Ø   ном-у-н   чидир-ген-Ø
 студент-NOM   книга-POSS/3Sg-ACC   терять-PAST₂-3Sg
 ‘Студент потерял книгу’ [И4].

- (37) *Айдыстың ада-иези хеймер оглунга чүнү-даа харамнанмаан*
 Айдыс-тың ада-ие-зи-Ø хеймер огл-ун-га
 Айдыс-GEN родители-POSS/3Sg-NOM младший сын-POSS/3Sg-DAT
 чүнү-даа **харам-на-н-ма-ан-Ø**
 ничего **жадный-VBLZ-RFL-NEG-PAST₂-3PI**
 ‘Родители Айдыс ничего не пожалели для своего младшего сына’ [BM2: 66].

В примерах (35) — (37) представлены действия, закончившиеся до МР и результат которых как состояние объекта / субъекта или некоторое положение дел наличествует в МР. Поэтому внимание говорящего сосредоточено на результате действия.

На базе перфекта могут появиться значения неочевидности, адмиратива и предположения. Когда налицо имеется результат, некое состояние субъекта или объекта как следствие какого-то действия, то само действие может характеризоваться как неочевидное, отсюда, соответственно, возникает значение неочевидности; результат может характеризоваться как неожиданно обнаруженный (адмиратив). Далее, по наличному результату можно предположить о существовании в прошлом некоторого действия (значение предположения). Значение неочевидности, в свою очередь, тянет за собой пересказывательность: поскольку действие неочевидно, то о наличии в прошлом этого действия может сообщать другой источник. Эти значения логически тесно связаны с перфектным значением и логически выводимы из него. Однако тувинской форме на *-ган* не присущи перечисленные значения. Для их передачи используются другие формы (*-п-тыр* как средство пересказывательности и передачи адмиратива; *-ган-дыр* как форма неочевидности, пересказывательности, адмиратива и предположения).

3. Форма на *-ган* передает значение *вневременного действия* в описаниях состояний природных объектов. Субъектом выступают конкретные природные объекты (реки, горы, растения и т. д.), действия или состояния которых, с точки зрения говорящего, являются их постоянными свойствами, неограниченными во времени.

Способность формы на *-ган* обозначать вневременное действие есть не что иное, как следы ее причастного происхождения. Обозначение вневременного действия характерно для форм на T_v -*н*

$V_{(бытия)}$ -ар и -ар, связанных по происхождению с причастием на -ар. Каждая из этих форм в выражении значения вневременности обладает семантическими нюансами (см. п. 2.3.2; 2.4.1).

- (38) *Хая баарында, хунге дөгеленчек черде кезек чодураалар үнген*
 хая-Ø   баар-ын-да   хун-ге
 скала-ACC   перед-POSS/3Sg-LOC   солнце-DAT
 дөге-лен-чек   чер-де   кезек
 подставлять солнцу-RFL-ADJ   место-LOC   несколько
 чодураа-лар-Ø   үн-ген-Ø
 черемуха-PL-NOM   расти-PAST₂-3PI
 ‘У подножия скалы, на солнечной стороне, растет несколько кустов черемухи’.

- (39) *Улуг-Хем Соңгу чүкче аккан*
 Улуг-Хем-Ø   соңгу   чүк-че   ак-кан-Ø
 Енисей-NOM   север   сторона-LAT   течь-PAST₂-3Sg
 ‘Енисей течет на север’.

- (40) *Таңды-Уула Тываның Мурнуу-Чөөн чүгүнде, Саян даглары Соңгу талазында шөйлүп чоруткан*
 Таңды-Уула-Ø   Тыва-ның   Мурнуу-Чөөн
 Танну-Ола-NOM   Тува-GEN   юго-восток
 чүг-үн-де   Саян-Ø
 сторона-POSS/3Sg-LOC   Саян-NOM
 даг-лар-ы-Ø   Соңгу   тала-зын-да
 гора-PL-POSS/3PI-NOM   Север   сторона-POSS/3Sg-LOC
 [шөй-л-үп   чор-ут-кан-Ø]
 [протягивать-PASS-CV₂   V-PFV-PAST₂-3Sg]
 ‘Хребет Танну-Ола находится на юго-востоке Тувы, Саяны протянулись на севере’.

Таким образом, форма на -ган выражает: 1) немаркированное прошедшее время как констатацию факта совершения действия, предшествовавшего MP; 2) перфектное (результативное) значение — констатацию результата некоторого действия; 3) значение вневременного действия, также связанное с констатацией факта. По параметрам модальности и эвиденциальности эта форма нейтральна. Эвиденциальные значения могут проявляться лишь опосредованно в сочетании с выражением временной дистанции (очевидные и давнопрошедшие действия; неочевидные давнопрошедшие и недавнопрошедшие), поэтому они не являются

основными. По сфере употребления форма на *-ган* характерна для разговорной речи, официальной речи, языку деловых бумаг и прессы, научной литературы. Кроме того, она является основным средством описания в художественной литературе и используется в фольклоре.

2.2.3. Форма прошедшего времени на *-чык*

В современном тувинском языке функционирует модально окрашенная форма прошедшего времени на *-чык*, выполняющая только финитную функцию и употребляющаяся только в прямой речи. Из других тюркских языков она отмечена только в тофском (*-чык*) и хакасском (*-чых*) языках. В тофском языке форма на *-чык* — это «форма прошедшего субъективного времени с модальным оттенком категоричности, очевидности и достоверности» [Рассадин 1978: 212, 213]. Ареальное распространение этой формы в указанных языках объединяет их с древним уйгурским языком.

Д. М. Насилов возводит форму на *-чык* к древней уйгурской форме прошедшего времени на *-juk*, которая употреблялась исключительно в прямой речи в эмоционально окрашенных, экспрессивных высказываниях. Глаголы, которые она оформляла, по своему лексическому содержанию выражают либо психическое состояние (*sagin-* ‘думать’), либо конкретные действия, которые могут мыслиться как достигающие предела, полноты исполнения (*ba-* ‘связывать’), либо изменение признака (*qari-* ‘стареть’). Поэтому форма на *-juk* противопоставлялась другим временным формам по модальным признакам. Она выражала категоричность совершения действия — подчеркивались важность, особенность, яркость, характерность; с другой стороны, наличествовало указание на определенную исчерпанность, полноту этого действия. Отрицательная форма выражалась при помощи глагольного отрицания *-та* (*-таjuk*). В качестве показателей лица использовались аффиксы местоименной группы [Насилов Д. М. 1966: 96].

Ф. Г. Исаков, А. А. Пальмбах [ГТЯ 1961: 379] и Д. А. Монгуш [Монгуш 1963: 132] считали, что тувинская форма на *-чык* восходит к модальной частице *ийик*. Но, по мнению Д. М. Насилова, тувинская частица *ийик* восходит к той же древнеуйгурской форме на *-juk* от древнего глагола **эр-* ‘быть’ (*ийик* < **эр-* + *-йук*), который в современном тувинском языке как отдельный глагол

не сохранился, а вычленяется только в исторически застывших морфологических образованиях (*ирги, иргин, эртик* и др.). Древнейшее глагольное образование *эрийук > *ийик*, имевшее определенное модальное значение категоричности, в тувинском языке, перестав осознаться как глагол, перешло в разряд частиц в качестве частицы усиления. Первоначальное же ее значение как формы прошедшего времени от вспомогательного глагола **эр-* ‘быть’ сохраняется в современном тувинском языке в качестве сочетания *ийик* с причастием *-р*, которое является сослагательной конструкцией на *-р ийик* [Насилов Д. М. 1966: 98].

Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул фиксировали данную форму в хакасском (*-чых*) и киргизском (*-чу*) и связывали их с монгольской формой прошедшего времени на *-чээ / -хээ* [Баскаков, Инкижекова-Грекул 1953: 458]. По поводу утверждения о родстве форм *-чык, -чу* и *-чээ / -хээ* Д. А. Монгуш справедливо замечает следующее:

...а) форма на *-чу* не имеет конечного звука *к* или долготы гласного; б) аффикс *-чу* имеет в своем составе только губной гласный; в) аффикс *-чу* присоединяется не только к основе глагола, но и к именам действия; г) значения прошедшего длительного (многократного) на *-чу* в киргизском языке резко отличаются как от значений хакасского прошедшего на *-чых*, так и от значений тувинско-тофаларского на *-чык*; д) если бы киргизская форма на *-чу*, хакасская на *-чых* и тувинско-тофаларская на *-чык* восходили к единой форме на *-чук(уй)* или *-чээ*, то в тувинском языке, согласно известному переходу общетюркского *ч* > *ш*, мы должны были бы иметь после глухих согласных аффикс *-шык...* [Монгуш 1963: 133].

Позднее Н. А. Баскаков пишет, что форма на *-чык* в тюркских языках — тувинском, хакасском, киргизском — является относительно новым монгольским заимствованием, т. к. она характерна только для монгольских языков [Баскаков 1965: 10]. С этим мнением не соглашается Д. М. Насилов [Насилов Д. М. 1966: 99]. Наличие формы на *-чык* в киргизском отмечается в [Джусупакматов 1983].

В. Г. Карпов определяет хакасскую форму на *-чых* как форму прошедшего времени с оттенком некоторой категоричности и отмечает, что в хакасском языке существует трудноразрешимая проблема об отношениях между собой омонимичных форм — прошедшего на *-чых* (*парчыхпын* ‘я пошел’) и сослагательного

наклонения (*парарчыкпын* ‘я бы пошел’) [Карпов: 1955]. Д. М. Насилов считает, что хакасская форма сослагательного наклонения восходит к историческому сочетанию причастия на *-р* с вспомогательным глаголом *эр-* > *и(р)-* ‘быть’ (*нар-ар + *и(р)-чix*) так же, как и в тувинском — *-р* + *ийик* [Насилов Д. М. 1966: 100, 101].

Значение и употребление формы на *-чык*

Значения формы на *-чык* в тувинском языке впервые были описаны Ф. Г. Исхаковым и А. А. Пальмбахом:

Основное значение формы на *-чык* — категорическое утверждение или подтверждение (напоминание) того, что данное действие было совершено в прошлом. Эта форма характерна для диалогической речи, особенно для речи сценической, — там, где одно из действующих лиц, обращаясь к другому, что-либо утверждает или подтверждает; для аналогичных реплик в ораторской и бытовой речи. В вопросительных предложениях форма на *-чык* придает вопросу эмоционально-экспрессивный характер и часто сопровождается эмоционально окрашенными частицами [ГТЯ 1961: 376—378].

К таким же выводам, что и Ф. Г. Исхаков и А. А. Пальмбах, приходит Д. А. Монгуш. Он подробно и тщательно проанализировал значение этой формы и отмечает, что категоричность совершения действия, выражаемая формой на *-чык*, вытекает из значения очевидности действия (как и в прошедшем времени на *-ды*). Этим объясняется употребление данной формы только в случаях, когда рассказ ведется от первого лица [Монгуш 1963: 137—144].

Форма на *-чык* (*-чик* / *-чук* / *-чук*; *-жык* / *-жик* / *-жук* / *-жүк*) передает действие, предшествовавшее МР и засвидетельствованное говорящим. Информация о данном действии передается эмоционально, с интонацией подчеркнутого утверждения о его наличии на основе прямого восприятия действия.

- (41) *Ол-дур. Өрө кылбайн көр деп чеже катап аңаа чугаалажык мен*
 ол-дур [өрө-Ø кыл-байн көр-Ø]
 он-PTCL [долг-NOM делать-NEG/CV смотри-IMP/2Sg]
 де-п чеже катап аңа-а чугаала-жык мен
 говорить-CV₂ сколько раз он-DAT говорить-PAST₃ 1Sg
 ‘Ну вот. Сколько раз я ему говорила, чтобы не делал долгов.’
 [BM2: 48].

- (42) *Ак-Төштүң чаа ээзи меңээ ажынган-дарынган маңнап келчик*
 Ак-Төш-түң чаа ээ-зи-Ø меңэ-э
 Ак-Тош-GEN новый хозяин-POSS/3Sg-NOM я-DAT
 ажын-ган-дарын-ган [маң-на-п кел-чик-Ø]
 сердитый-PP [бер-VBLZ-CV₂ V-PAST₃-3Sg]
 ‘Новый хозяин (собаки) Ак-Тош прибежал ко мне сердитый’
 [Сүр1: 232].
- (43) *Өгже чоокиулап олурувуста, ийи бичии уруглар үне халчын келчиктер*
 өг-же [чоок-шула-п олуp-увус-та]
 юрта-LAT [близкий-VBLZ-CV₂ V-POSS/1Pl-LOC]
 ийи бичии уруг-лар-Ø [үн-е
 два маленький ребенок-PL-NOM [выходить-CV₁
 хал-ч-ып кел-чик-тер]
 V-REC-CV₂ V-PAST₃-3Pl]
 ‘Когда мы подходили к юрте, выбежало (оттуда) двое маленьких детей’ [TK: 51].

Отрицательная форма от формы на *-чык*, образуемая при помощи отрицания на *-ба* (*-бе*, *-ва*, *-ве*, *-па*, *-пе*, *-ма*, *-ме*), передает подчеркнутое утверждение говорящего о том, что то или иное действие до МР не произошло, не имело места:

- (44) *...бүзээлей-ле бержик бис. Хенергедипкен бис. — Удурланмаан? — Чок, удурланмажык. Чай-даа чок болган*
 [бүзээле-й-ле бер-жик] бис
 [окружить-CV₁-PTCL V-PAST₃] 1Pl
 хенергед-ип-кен бис
 застать врасплох-PFV-PAST₂ 1Pl
 удур-ла-н-ма-ан-Ø чок
 против-VBLZ-RFL-NEG-PAST₂-3Sg нет
 удур-ла-н-ма-жык-Ø чай-даа
 против-VBLZ-RFL-NEG-PAST₃-3Sg (свободное) время-PTCL
 чок бол-ган-Ø
 нет быть-PAST₃-3Sg
 ‘...мы окружили. Застали врасплох. — Не противился? — Нет, не противился. И времени (у него) не было’ [Сүр1: 73].
- (45) *Кара-оол чеже катап ээрежип келчик, харын чүгле баарынга үнгеп-сойбажык*
 Кара-оол-Ø чеже катап [ээреж-ип
 Кара-оол-NOM сколько раз [просить-CV₂

кел-чик-Ø] харын чүгле баар-ын-га
 V-PAST₃-3Sg] да только перед-POSS/3Sg-DAT
 үнгеп-сой-ба-жык-Ø
 ползать-NEG-PAST₃-3Sg
 ‘Кара-оол ведь сколько раз просил, да перед ней только не
 ползал’ [ЧК: 32].

В вопросительных предложениях форма прошедшего времени на *-чык* в зависимости от контекста может выражать:

1) желание говорящего уточнить наличие известного ему ранее действия, получить подтверждение у своего собеседника.

(46) *Сенден каш акша чээп алчык?*

сен-ден каш акша-Ø [чэ-эп
 ты-ABL сколько деньги-NOM [брать в долг-CV₂
 ал-чык-Ø]
 V-PAST₃-3Sg]
 ‘(Напомни мне) сколько же он у тебя занял денег?’ [BM2: 47].

(47) *Адыр, дүүн Салбак-оол чүү дижик?*

адыр дүүн Салбак-оол-Ø чүү-Ø
 погоди вчера Салбак-оол-NOM что-NOM
 ди-жик-Ø
 говорить-PAST₃-3Sg
 ‘Погоди, что вчера Салбак-оол говорил?’ [ТК: 152].

2) с соответствующей интонацией (упрека) передается напоминание говорящего собеседнику о действиях, субъектом или участником которых он был:

(48) *Сен аңаа дузалажып-ла чордуң. А сени ол канчалчык?*

сен-Ø аңа-а [дуза-ла-ж-ып-ла
 ты-NOM он-DAT [помощь-VBLZ-REC-CV₂-PTCL
 чор-ду-ң] а сен-и ол-Ø
 V-PAST₁-2Sg] а ты-ACC он-NOM
 канча-л-чык-Ø
 делать-PASS-PAST₃-3Sg
 ‘Ты ему всё время помогала. А как он с тобой поступил?
 (Вспомни.)’

Форма на *-чык* часто употребляется с частицей *чоп* ‘ведь, же’, в этом случае категорическое утверждение о совершении действия в прошлом подчеркивается еще сильнее [Монгуш 1963: 137].

- (49) *Сээң эки аьдың болуп, эки эдиледиң чоржук мен чоп*
 сэ-эң эки аьд-ың бол-уп эки
 ты-GEN хороший конь-POSS/2Sg быть-CV₂ хороший
 [эдиле-д-ип чор-жук] мен чоп
 [пользоваться-PASS-CV₂ V-PAST₃] 1Sg PTCL
 ‘Я ведь был тебе хорошим конем, верно служил тебе’ [ТА: 205].
- (50) *Ол медээ Хем-Белдиринге келгеш, Чадаанага ол-ла дораан келчик чоп*
 ол медээ-Ø Хем-Белдирин-ге кел-геш
 то новость-NOM Хем-Белдири-DAT достигать-CV₃
 Чадаана-га ол-ла дораан кел-чик-Ø чоп
 Чадан-DAT он-PTCL сразу приходит-V-PAST₃-3Sg PTCL
 ‘Та весть, достигнув Хем-Белдири, сразу же ведь пришла в Чадан’
 [ББ: 111].

Вопросительно-отрицательная форма прошедшего времени на *-чык* передает значение положительной формы и обозначает действие, которое было известно и говорящему и собеседнику и о котором говорящий напоминает собеседнику.

- (51) *Дивежик мен бе. Ол-дур хей-ле оларның-биле сүржүр*
 ди-ве-жик-Ø мен бе ол-дур
 говорить-NEG-PAST₃-3Sg 1Sg Q вот-PTCL
 хей-ле о-лар-ның-биле сүр-ж-үр-Ø
 пусто-PTCL он-PL-GEN-INSTR гоняться-REC-FUT1-3Sg
 ‘Я ведь говорил. И вот, впустую за ними гоняется’ [Сүр2: 58].
- (52) *Чоокта чаа улус базып каггы дег халчын турбажыктар бе*
 чоокта чаа улус-Ø [баз-ып каг-гы дег]
 недавно только люди-NOM [давить-CV₂ V-PF3]
 [хал-ч-ып тур-ба-жык-тар] бе
 [бегать-REC-CV₂ V-NEG-PAST₃-3PI] Q
 ‘Недавно только они ведь бегали, чуть не сбивая с ног людей’
 [ТА: 339].

Прошедшее время на *-чык* нейтрально в отношении аспектуальных значений, и, в отличие от формы на *-ды*, выражает действие, которое может быть отдалено от МР любым промежутком времени.

С опорой на работы Д. М. Насилова по уйгурскому языку [Насилов Д. М. 1966] и Д. А. Монгуша по формам прошедшего времени [Монгуш 1963], а также проанализировав имеющийся у нас

материал, мы разложили на семантические компоненты значения формы на *-чык* в тувинском языке и формы на *-juk* в древнеуйгурском языке и привели в обобщающей сравнительной таблице 4.

Таблица 4. Значения древнеуйгурской формы на *-juk* и тувинской формы на *-чык*

Значения, употребление, синтаксическая функция	Древнеуйгурская форма на <i>-juk</i> (<i>-та-juk</i>)	Тувинская форма на <i>-чык</i> (<i>-бажык</i>)
Временное	Прошедшее	Прошедшее
Модальное	Эмоционально окрашенное, экспрессивное	Модально окрашенное (подчеркнутое утверждение или подтверждение)
Эвиденциальное	Данный признак не подвергался анализу	Прямая эвиденциальность
Аспектуальное	Предельность	—
Употребление	В прямой речи	В прямой речи, рассказ ведется от первого лица
Синтаксическая функция	Финитная	Финитная

Близость древнеуйгурской формы на *-juk* и тувинской на *-чык* очевидна. Объединяют эти формы следующие характеристики: обе формы относят действие в плоскость прошедшего времени; обладают эмоциональной и модальной окрашенностью, экспрессивны; обе употребляются в прямой речи и являются финитными. Тувинской форме присуще значение прямой засвидетельствованности и немаркированность по отношению к аспектуальности. Древнеуйгурская форма на *-juk* выражает значение предельности, под углом эвиденциальных значений она не рассматривалась.

2.2.4. Форма прошедшего-настоящего времени на *-бышаан*

В тувинском языке функционирует форма на *-бышаан*, родственная тофской форме на *-бышаанга*. Этот факт объединяет эти языки и отличает их от других тюркских языков, в которых подобной формы нет. Значения данных форм в обоих языках

идентичны: передают специфическую семантику выражения действия, которое началось в неопределенном прошлом и продолжается в настоящем (в МР). Это дает возможность называть эту форму «настоящим перфективно-продолженным временем» [СИГТЯ 1988: 419], «прошедшим продолжающимся временем» [Оргу 1960: 119], «прошедшим-настоящим временем» [ГТЯ 1961: 379]. В силу своего значения форма на *-бышаан* не имеет отрицательной формы.

По вопросу этимологии формы на *-бышаан* среди тюркологов существуют неоднозначные мнения. Утверждается, что данная форма состоит из двух компонентов. Большинство считает, что первый компонент восходит к аффиксу древнего причастия прошедшего времени на *-мыш*, а по поводу второго компонента, который не гармонирует по рядности гласных в слове, высказываются различные точки зрения. Компонент *-аан*: 1) представляет собой стяженную форму причастного аффикса *-кан* (частицу *аан*) [Бабушкин 1959: 101]; 2) восходит к монгольскому глаголу *авах* ‘брат’ в форме причастия на *-ган* (*-мыш* + *ав-ган* > *мышаан*) (в [Сат 1960: 64], ссылка на В. М. Надеяева); 3) восходит к слову *шаан*, значение которого не совсем ясно [Там же; ГТЯ 1961: 337; Рассадин 1978: 76].

Ш. Ч. Сат и В. И. Рассадин полагают, что формант *шаан* образован от существительного *шаг* ‘время’ в форме древнего инструментального падежа с аффиксом *-ын* [Сат 1960: 64; Рассадин 1978: 76]. Относительно первого компонента мнения Ш. Ч. Сата и В. И. Рассадина расходятся. У Ш. Ч. Сата первый компонент — *-мыш*, а у В. И. Рассадина — имя действия на *-бы* [Рассадин 1978: 76]. Предлагаемую Ш. Ч. Сатом этимологию *-мыш* + *шаг-ын* > *мышаан* (*келбиш* ‘приход’ + *шаан* ‘одновременно’ > *келбишаан* ‘приходя’) принимает Д. А. Монгуш [Монгуш 1963: 147]. Однако есть и такое мнение, согласно которому эта форма состоит из аффикса деепричастия на *-н*, глагола *ыт* ‘посылать’ в форме деепричастия на *-а* и глагола *йат* ‘лежать’ в форме на *-ган* (*ажылдавышаан* < *ажылда-н-ыт-йат-кан*) (в [Монгуш 1963: 147] ссылка на [Menges 1959: 665]).

В связи с возведением формы на *-бышаан* к древней форме перфекта на *-мыш* рассмотрим значение самой формы на *-мыш*. Она зафиксирована в древнейших тюркских памятниках и получает

более широкое распространение в древнеуйгурских памятниках, где выступает в субстантивной, адъективной и предикативной функциях [Насилов В. М. 1963: 56].

Из современных тюркских языков форма на *-мыш* имеется в юго-западных, юго-восточных и северо-восточных языках. В качестве финитной глагольно-временной формы с перфективным значением, имея полную личную парадигму, она активно функционирует в огузских языках, турецком, гагаузском и азербайджанском. Особенно активна она в якутском языке (в звуковом облике *-быт*), где во временной системе она представлена в нескольких морфологических вариациях, а кроме того, она продуктивна и как имя действия. Зафиксированы случаи употребления формы на *-мыш* в качестве финитной в цэнгельском диалекте тувинского языка (Западная Монголия) [Хийс 2009]. Целая группа языков утратила форму на *-мыш*, она вытеснена с места перфекта кыпчакской формой на *-ган*. Наряду с формой на *-ган* в глагольных системах тувинского и тофского языков форма на *-мыш* сохранилась в составе конструкций *-бышаан* и *-бышаанга*. Данные формы выступают как собственно вербальные, выражающие определенную грамему времени, и как причастные [СИГТЯ 1988: 415].

Значение и употребление формы на *-бышаан*

Форма на *-бышаан* употребляется преимущественно в разговорной речи и художественной литературе (в прямой речи или в рассказах от первого лица). Для этой формы в тувинском языке характерны признаки как финитной, так и инфинитной формы — деепричастия и причастия. Как деепричастие она может выражать действие, одновременное с основным действием, или сопровождающее его дополнительное действие, выполняющее в предложении функцию обстоятельства. Реже она выступает как причастная форма. При этом форма *-бышаан* выражает признак предмета и выполняет в предложении функцию определения, субстантивируется и изменяется по падежам, выполняя в предложении роль дополнения и других членов предложения.

1. В финитной функции форма на *-бышаан* выражает действие, которое началось в неопределенном прошлом и продолжается

в настоящем. Показатель *-бышаан* является одной из форм изъявительного наклонения, формой прошедшего-настоящего времени. Как временная форма она была отмечена впервые К.Х.Оргу, который назвал ее прошедшим продолжающимся временем [Оргу 1960: 119].

Поскольку форма на *-бышаан* выражает действие, которое началось в прошлом и продолжает происходить в настоящем (в МР), действие, обозначаемое формой на *-бышаан*, находится одновременно в плоскости и прошедшего, и настоящего времени. Но по отношению к прошедшему оно выступает неопределенным, недатированным, тогда как по отношению к настоящему — определенным, датированным [ГТЯ 1961: 380]:

(53) *Хар чагбышаан*

хар-Ø	чаг- бышаан -Ø
снег-NOM	идти- PAST₄ -3Sg

‘Снег все еще идет’.

(54) *Ооң дугайында тоолчургу чугаалар ам-даа чонда хевээр чурттавышаан*

о-оң	дугайында	тоолчургу чугаа-лар-Ø	ам-даа
он-GEN	о	легенда-PL-NOM	все еще
чон-да	хевээр	чуртта- вышаан -Ø	
народ-LOC	так же	жить- PAST₄ -3Pl	

‘Легенды о нем все еще живут в народе’ [ТА: 333].

(55) *Оон өске каразыпкы дег кижип чок деп, Соян бадыткавывышаан*

о-он	өске	каразы-п-кы дег	кижи-Ø
он-ABL	другой	подозревать-PFV-PF3	человек-NOM
чок	де-п	Соян-Ø	бадытка- вышаан -Ø
нет	говорить-CV ₂	Соян-NOM	утверждать- PAST₄ -3Sg

‘Соян продолжает утверждать, что, кроме него, нет никого, кого можно было бы подозревать’ [КО: 125].

2. Вторым значением формы на *-бышаан* можно выделить значение констатации факта «отсутствия простого результата к некоторому заданному моменту» [Плунгян 2001: 55], осложненное оттенком упрека, недовольства таким положением дел говорящего. Данное значение проявляется в некоторых контекстах и выделяется характерной интонацией. Заданным моментом в нашем случае является МР. Например:

- (56) *Кыш дүштү. А ол бажыңын септевишаан*
 кыш-Ø дүш-тү-Ø а ол
 зима-NOM наступать-PAST₁-3Sg а он
 бажың-ы-н септе-вишаан-Ø
 дом- POSS/3Sg-ACC ремонтировать-PAST₄-3Sg
 ‘Зима скоро наступит. А он все еще ремонтирует свой дом’.
- (57) *Орайтап кагды. А сен чоп онаалгаң кылбышаан сен?*
 [орай-та-п каг-ды-Ø] а сен чоп
 [поздно-VBLZ-CV₂ V-PAST₁-3Sg] а ты почему
 онаалга-ң-Ø кыл-бышаан сен
 домашнее задание-POSS/2Sg-NOM делать-PAST₄ 2Sg
 ‘Уже поздно. А ты почему до сих пор делаешь домашнее задание?’
- (58) *Бажыңывыс тудуу ам-даа доозулбаан, уламчылавышаан*
 бажың-ывыс-Ø туду-у-Ø ам-даа
 дом-POSS/1PI-NOM стройка-POSS/3Sg-NOM ещё
 дооз-ул-ба-ан-Ø уламчыла-вышаан-Ø
 заканчиваться-PASS-NEG-PAST₂-3Sg продолжаться-PAST₄-3Sg
 ‘Стройка нашего дома еще не закончилась, все еще продолжается’.

Форма на *-бышаан* передает два значения: 1) длительное незаконченное действие, начавшееся в неопределенном прошлом и продолжающееся в МР. При этом в значении формы на *-бышаан* не обнаруживается оттенок значения косвенной модальности и не актуализируется значение эвиденциальности; 2) эмоционально выраженная констатация факта отсутствия результата некоторого действия к МР. Форма на *-бышаан* преимущественно употребляется в разговорной речи, реже в художественной литературе.

2.2.5. Форма прошедшего времени на *-н-тыр*

В индикативе тувинского языка есть две формы, в структуре которых вычленяется частица *-тыр*. Это формы прошедшего времени на *-н-тыр* и настоящего времени на *-а-дыр*, которые исследователи возводят к сочетанию «*деепричастие + вспомогательный глагол*», так же как и другие аналитические формы типа $T_v-n V_{(бытия)}$. Форма на *-а-дыр* является сочетанием деепричастия на *-а* и вспомогательного глагола *тур-*; форма на *-н-тыр* — сочетанием деепричастия на *-н* и того же вспомогательного глагола *тур-*.

Формы на *-а-дыр* и *-п-тыр* выделяются среди всех временных форм своей особой семантикой, что не могло не привлечь внимания исследователей. Д. А. Монгуш считает, что в данных формах присутствует общий семантический компонент — значение достоверности, осложненное оттенком мотивированности. Мотивировкой для *-п-тыр* служит то, что говорящий сообщает о совершении действия со слов других или по наличному результату; а для *-а-дыр* — непосредственные ощущения говорящего. На этом основании он предлагал выделить их в особое наклонение мотивированности [Монгуш 1989: 25, 26].

Ш. Ч. Сат также объединяет и представляет аналогичными значения этих форм они различаются, по его мнению, только в плане времени: *-а-дыр* — настоящее, *-п-тыр* — прошедшее [Сат 1955: 679, 680]. Кроме того, принято считать, что отрицательным вариантом для обеих форм служит одна форма на *-байн-дыр*, состоящая из отрицательного деепричастия на *-байн* и частицы *-тыр* [Монгуш 1989: 25, 26; ГТЯ 1961: 374, 384].

На основании наших наблюдений, анализа значений и употребления данных форм мы приходим к выводу, что: 1) формы на *-а-дыр* и *-п-тыр* выражают разные значения и было бы неправомерно рассматривать их в одной плоскости; 2) указанная отрицательная форма (*-байн-дыр*) релевантна только для формы на *-а-дыр*, тогда как для формы на *-п-тыр* отрицанием служит форма на *-баан-дыр* (<*-ба* + *-ган-дыр*) (см. ниже примеры 70—77).

По сравнению с формой на *-а-дыр*, форма на *-п-тыр*, определяемая в тувинской лингвистической традиции как одна из форм прошедшего времени, менее изучена. В трудах исследователей встречаются разные названия данной формы («прошедшее повествовательное», «прошедшее заглазное», «прошедшее историческое», «прошедшее субъективное», «прошедшее неожиданное»), в которых проявляется то или иное значение этой полисемантической формы, принимаемое исследователями как основное. Ш. Ч. Сат не рассматривает форму на *-п-тыр* как временную: у него она представлена как сочетание деепричастия на *-п* с частицей *-тыр* [Сат 1955: 680].

Семантика формы на *-п-тыр* в исследованиях определяется следующим образом:

Формой прошедшего повествовательного времени на *-п-тыр* говорящий сообщает о каком-либо событии не только со слов других, но в равной мере как очевидец или действующее лицо; значению данной формы присуще значение неожиданности [ГТЯ 1961: 374].

Формой на *-п-тыр* передается такое прошлое действие, о совершении которого говорящий сообщает со слов других или по наличному результату [Монгуш 1989: 25].

Сочетание *-п-тыр* выражает действие с модальным оттенком заочного совершения (*келип-тир* ‘оказывается, пришел’) [Сат 1955: 680].

Значения и употребление формы на *-п-тыр*

На основе проведенного анализа примеров употребления формы на *-п-тыр* (*-ып-тыр*, *-ип-тир*, *-уп-тур*, *-үп-тур*) в тувинском языке нами было выявлено, что данная форма используется: 1) в разговорной речи, художественной литературе и публицистике; 2) в повествовании — в художественной литературе и повествовательных жанрах фольклора. В официально-деловом, научном стилях форма на *-п-тыр* не употребляется.

По отобранному материалу был проведен семантический анализ формы на *-п-тыр*, который показал зависимость выражаемых значений данной формы от области ее употребления:

1. В разговорной речи (в прямой речи), в художественной литературе и публицистике (в рассказах от первого лица) форма на *-п-тыр* употребляется в значении перфекта, осложненного значением миратива — говорящий неожиданно для себя обнаруживает результат какого-либо действия или состояния субъекта (себя или других лиц, не-лиц).

При употреблении формы на *-п-тыр* в 1-м лице ед. и мн. числа, когда говорящий является субъектом либо участником действия, проявляется следующее значение: говорящий, будучи не в состоянии контролировать себя, совершает то или иное действие, после чего он неожиданно обнаруживает результат своего (и других участников) действия или обнаруживает себя (и других участников) в том или ином состоянии, явившемся результатом этого действия.

(59) *Үр-ле боданып чыда, удуй берип-тир мен*

үр-ле	[бода-н-ып	чыд-а]	[уду-й
долго-PTCL	[думать-RFL-CV ₂	лежать-CV ₁]	[спать-CV ₁

бер-ип-тир] мен
V-PAST₅] 1Sg

‘Довольно долго (лежа) думая, оказалось, я уснул’ [ЕБМ: 64].

- (60) *Ынчаар-ла боданып чорааш, Элегес-Аксынга чедип келгенивисти эскербейн барып-тыр мен*

ынчаар-ла	[бода-н-ып	чора-аш]
так-PTCL	[думать-RFL-CV ₂	V-CV ₃]
Элегес-Акс-ын-га	[чед-ип	
Элгест-Усть-POSS/3Sg-DAT	[прибывать-CV ₂	
кел-ген-ивис-ти]	[эскер-бейн	бар-ып-тыр]
V-PP-POSS/1Sg-ACC]	[замечать-NEG/CV	V-PAST ₅]

мен

1Sg

‘В раздумьях, оказалось, я не заметил, как мы доехали до Усть-Элегеста’ [КУ: 39].

- (61) *Олче көрө бээривиске, ачам бо чүген тудуп алган тур – бис маргыжар дээш, ооң биске чоокишулап келгенин билбейн барып-тыр бис*

ол-че	[көр-е	бэ-эр-ивис-ке]
он-LAT	[смотреть-CV ₁	V-PF ₁ -POSS/1Pl-DAT]
ача-м-Ø	бо	чүген-Ø [туд-уп
отец-POSS/1Sg-NOM	вот	узdechка-NOM [держать-CV ₂
ал-ган тур-Ø]		бис-Ø [маргыж-ар
V-PP	стоять-PR ₁ -3Sg]	мы-NOM [спорить-PF ₁
дэ-эш]	о-он	бис-ке [чоок-шула-п
говорить-CV ₃]	он-GEN	мы-DAT [близкий-VBLZ-CV ₂
кел-ген-и-н]	[бил-бейн	бар-ып-тыр] бис
V-PP-POSS/3Sg-ACC]	[знать-NEG/CV	V-PAST ₅] 1Sg

‘Когда мы посмотрели, оказалось, что рядом с уздечкой в руках стоит отец, а мы, споря, не заметили, как он к нам подошел’ [КУ: 42].

При употреблении формы на *-п-тыр* во 2-м лице ед. и мн. числа говорящий обнаруживает субъекта-собеседника в том или ином состоянии, неожиданном для говорящего:

- (62) *... сени сөөлгү үеде көөрүмге, черле эмин эрттир өскерли берип-тир сен*

сен-и	сөөлгү	үе-де
ты-ACC	последний	время-LOC

кө-өр-үм-ге
 смотреть-PF₁-POSS/1Sg-DAT
 эмин эрттир [өскерл-и
 слишком [изменяться-CV1
 ‘...я в последнее время, наблюдая за тобой, заметил (обнаружил), что ты вообще в последнее время слишком изменился’ [AC: 62].

- (63) *Отче үңгеп чедип, көске холуң чидиртип ап-тыр сен*
 от-че [үңге-п чед-ип] көс-ке
 огонь-LAT [ползать-CV₂ добираться-CV₂] угольки-DAT
 хол-уң-Ø [чи-дирт-ип а-п-тыр]сен
 рука-POSS/2Sg-NOM [обжигать-CAUS-CV₂ V-PAST₅] 2Sg
 ‘Оказалось, что ты, добравшись ползком до огня, обжег руку на углях’ [AC: 10].

При употреблении формы на *-п-тыр* в 3-м лице ед. и мн. числа говорящий неожиданно обнаруживает субъекта действия в том или ином состоянии:

- (64) *Оттуп келгеш, карактарым көрүп кээримге, эртенги хүн чап чаа тоганада кызыда дээн кээп-тир*
 [от-т-уп кел-геш] карак-тар-ым-Ø
 [просыпаться-RFL-CV₂ V-CV₃] глаз-PL-POSS/1Sg-NOM
 [көр-үп кэ-эр-им-ге] эртенги
 [смотреть-CV₂ V-PF₁-POSS/1Sg-DAT] утренний
 хүн-Ø чап чаа тогана-да
 солнце- NOM только что обруч юрты-LOC
 кыз-ыд-а [дэ-эп кэ-эп-тир-Ø]
 красный-CAUS-CV₁ [прикасаются-CV₂ V-PAST₅-3Sg]
 ‘Когда я, проснувшись, открыл глаза, то оказалось, что утреннее солнце только что коснулось обруча юрты, так что он стал красным’ [AT: 87].

- (65) *Дук шет, хадың үнген чирикке кээримге, аңнарым доора халчы берип-тирлер*
 дук шет-Ø хадың-Ø үн-ген
 молодое хвойное дерево-NOM береза-NOM расти-PP
 чирик-ке кэ-эр-им-ге
 горная седловина-DAT приходит-PF₁-POSS/1Sg-DAT
 аң-нар-ым-Ø доора [хал-ч-ы
 зверь-PL-POSS/1Sg-NOM поперек [бежать-REC-CV₁
 бер-ип-тир-лер]
 V-PAST₅-3Pl]

‘Когда я вышел на горную седловину, поросшую молодыми хвойными деревьями, березами, то оказалось, что звери попутали следы’ [ОТ: 45].

- (66) *Стол кырында, көскү черде, ачам мээ чагаа бижээш, салып каап-тыр*

стол-Ø	кыр-ын-да	көскү	чер-де
стол-NOM	поверхность-POSS/3Sg-LOC	видный	место-LOC
ача-м-Ø	мэ-э	чагаа-Ø	бижээш
отец-POSS/1Sg-NOM	я-DAT	письмо-NOM	писать-CV ₃
[сал-ып	ка-ап-тыр-Ø]		
[оставлять-CV ₂	V-PAST ₅ -3Sg]		

‘На столе, на видном месте, я обнаружил, что отец оставил мне письмо’ [ОТ: 91].

Первое значение формы на *-n-тыр* определяется как перфект, осложненный значением миратива, который проявляется в разговорной речи, художественной литературе и публицистике.

2. В повествовании — в художественной литературе и повествовательных жанрах фольклора, сказках, преданиях, легендах и т. д. — форма на *-n-тыр* используется как средство пересказа. В этом случае форма на *-n-тыр* оформляет глагол в 3-м лице, так как она описывает ситуацию без прямого участия говорящего — говорящий как бы сочиняет или говорит об известных ему событиях, не акцентируя при этом внимания на источнике получения информации:

- (67) *Шарызының орнунда, инек ышкаш кулактарлыг, Чылбыга кадай олуруп-тур*

шары-зы-нын	орн-ун-да	инек-Ø
бычок-POSS/3Sg-GEN	вместо-POSS/3Sg-LOC	корова-NOM
ышкаш кулак-тар-лыг	Чылбыга-Ø	кадай олур-уп-тур-Ø
как ухо-PL-POSSV	Чылбыга-NOM	старуха сидеть-PAST ₅ -3Sg

‘На месте его бычка сидела старуха Чылбыга с ушами как у коровы’ [AA: 55].

- (68) *Кежээликтей караңгыда дөңгүр кара инек калдар ытты айбылап-тыр*

кежээликтей	караңгы-да	дөңгүр кара
вечерком	темное время-LOC	безрогий черный
инек-Ø	калдар	ыт-ты
корова-NOM	с черной мордочкой	собака-ACC

айбыла-**п-тыр-Ø**

посылать-**PAST₅-3Sg**

‘Вечерком, когда стемнело, безрогая черная корова послала собаку с черной мордочкой’ [М: 130].

- (69) *Улугларның чугаазынга дыңнангыр бооп чаңчыккан Монгуш-оол чеңгезиниң чагыгларын ол хевээр күүседип каап-тыр*

улуг-лар-ның чугаа-зын-га дыңнангыр
старший-PL-GEN наказ-POSS/3Sg-DAT послушный

[бо-оп чаңчык-кан] Монгуш-оол-Ø

[быть-CV₂ привыкать-PP] Монгуш-оол-NOM

чеңге-зи-ниң чагыг-лар-ын ол хевээр

невестка-POSS/3Sg-GEN заказ-PL-ACC так точно

[күүсед-ип ка-**ап-тыр-Ø**]

[выполнять-CV₂ V-**PAST₅-3Sg**]

‘Монгуш-оол, привыкший быть послушным к наказам взрослых, заказы невестки выполнил в точности’ [БХ: 78].

Отрицанием формы на *-п-тыр* служит отрицательная форма на *-баан-дыр* (<*-ба* + *-ган-дыр*), являющаяся сочетанием отрицания формы на *-ган* и частицы *-дыр*. Ср.:

- (70) *...аңнарым доора халчы берип-тирлер*

аң-нар-ым-Ø доора [хал-ч-ы
зверь-PL-POSS/1Sg-NOM поперек [бежать-REC-CV₁
бер-**ип-тир-лер**]

V-**PAST₅-3Pl**]

‘...оказалось, что звери попутали следы’ [ОТ: 45].

- (71) *...аңнарым доора халчы бербээн-дирлер*

аң-нар-ым-Ø доора [хал-ч-ы
зверь-PL-POSS/1Sg-NOM поперек [бежать-REC-CV₁
бер-бэ-**эн-дир-лер**]

V-NEG-**PAST₂-PTCL-3Pl**]

‘...оказалось, что звери не попутали следы’.

Ср.:

- (72) *...ачам мээ чагаа салып каап-тыр*

ача-м-Ø мээ-э чагаа-Ø
отец-POSS/1Sg-NOM я-DAT письмо-NOM

[сал-ып ка-**ап-тыр-Ø**]

[оставлять-CV₂ V-**PAST₅-3Sg**]

‘...я обнаружил, что отец оставил мне письмо’ [ОТ: 91].

ВЫВОДЫ

План прошедшего времени в тувинском языке характеризуется пятью формами — на *-ды*, *-ган*, *-п-тыр*, *-чык*, *-бышаан*.

В памятниках древнеуйгурского письма план прошедшего составляли только три формы: *-di*, *-miš* и *-juk*. Форма на *-di* выражала значение общего прошедшего времени, основной функцией для которой была повествовательная. Форма на *-miš* передавала события и факты, являющиеся «внешними для излагающего их лица» [Насилов Д. М. 1963]. Форма на *-juk* употреблялась в прямой речи в эмоционально окрашенных, экспрессивных высказываниях [Насилов Д. М. 1966].

Форма на *-ды* оказалась наиболее устойчивой. Место *-miš* в тувинском языке заняла полисемантическая форма на *-ган*, которая выражает значение немаркированного простого прошедшего времени, а также с определенной группой глаголов перфектное значение и значение вневременного действия. Дальнейшее развитие перфектного значения проявилось в форме на *-п-тыр*, втянувшейся в систему времени из аспектуальных показателей и выражающей значения перфекта, пересказывательности и миратива. Семантика формы на *-чык* очень близка к форме на *-juk* в древнеуйгурском: выражает значение очевидного действия до МР, наличие действия эмоционально подчеркивается говорящим. В отличие от формы на *-ды*, которая также выражает очевидное действие, форма на *-чык* обладает сильной экспрессией, большей категоричностью. Форма на *-бышаан* характеризуется как средство передачи длительного действия, которое началось в прошлом и продолжается в настоящем. Компоненты значений форм в системе прошедшего времени тувинского языка приводятся в обобщающей таблице 5.

Таблица показывает, что в форме на *-ды* сочетаются следующие значения: 1) предшествование МР; 2) ближайшая к МР временная дистанция; прямая засвидетельствованность действия или прямой доступ к информации; 3) законченность некоторого одноразового действия или достижения предела (завершение) некоторого динамического процесса. Дополнительно эта форма выражает значения настоящего времени, ближайшего будущего времени, будущего предупредительного времени и будущего предположительного времени.

Таблица 5. Система прошедшего времени в тувинском языке

Ф	В	ВД	СМ	А	Э	У
-ды	Прош.	Ближ.	—	Законч.	Прям.	Разг., худ.
	*Наст.	∅	—	Мгновен.	∅	Офиц.
	*Буд.	Ближ.	—	—	—	Разг.
	*Буд.	—	*Предпол.	—	∅	Разг.
	*Буд.	—	*Прохибитив	—	∅	Разг.
-ган	Прош.	—	—	—	∅	Офиц.,
	*Прош.	—	—	*Результ.	∅	док., худ., публ., фольк.
	*Вневр.	—	—	—	∅	Научн.
-чык	Прош.	—	Утверд.	∅	Прям.	Разг., сцен. речь
-бышаан	Прош.- наст.	—	—	Длит.	∅	Разг.
	*Прош.- наст.	—	—	Отсутст- вие результ.	∅	Разг.
-п-тыр	Перфект	—	Миратив	Результ.	∅	Разг., публ., худ.
	∅	—	—	—	Пере- сказ.	Худ., фольк. (3-е л.)

Обозначения, используемые в таблице:

Ф — форма; В — время; ВД — временная дистанция; СМ — значения субъективной модальности; А — аспектуальные значения; Э — эвиденциальные значения; У — употребление; прочерк — отсутствие признака; ∅ — нерелевантность признака; * — обозначение дополнительных значений.

Форма на *-ган* передает: 1) немаркированное прошедшее время как констатацию факта совершения действия, предшествовавшего МР; 2) значение вневременного действия, также связанное с констатацией факта; 3) перфектное (результативное) значение — констатацию результата некоторого действия. По параметрам модальности и эвиденциальности эта форма нейтральна.

Форма на *-чык* выражает модально окрашенное (утвердительность) действие в прошедшем времени; отмечается эвиденциальное значение прямой засвидетельствованности и нейтральность по отношению к аспектуальности.

Форма на *-бышаан* передает: 1) длительное незаконченное действие, начавшееся в неопределенном прошлом и продолжающееся в МР; 2) эмоциональную констатацию факта отсутствия результата какого-либо действия к МР. При этом в значениях формы на *-бышаан* не обнаруживается значения косвенной модальности и не актуализируется значение эвиденциальности.

Форма на *-п-тыр* выражает: 1) значение действия в прошедшем, неожиданный результат которого обнаруживается в МР — перфекта, осложненного значением миратива; 2) служит средством пересказа или является формой пересказывательности в повествовании.

Таким образом, формы, входящие в систему прошедшего времени тувинского языка, кроме своего основного значения — временного, — обладают дополнительными значениями: временной дистанции (*-ды*); прямой эвиденциальности (*-ды*, *-чык*); миратива и косвенной эвиденциальности (пересказывательности) (*-п-тыр*); аспектуальных значений законченности (*-ды*), результата (*-ган*, *-п-тыр*), длительности (*-бышаан*). Немаркированной является форма на *-ган* в своем основном значении.

Все пять форм прошедшего времени употребляются в разговорной речи, помимо этого некоторые из них специализируются по употреблению в других сферах: сценической речи (*-чык*); повествовательных жанрах фольклора (*-п-тыр*); разговорной речи и повествованиях от 1-го лица (*-ды*). Самое широкое употребление обнаруживается у формы на *-ган*, которая очень частотна в художественном повествовании, публицистике, научной литературе, официально-деловой речи и переписке.

Несмотря на комплексный характер грамматического значения временного поля прошедшего времени, выделяются общие значения, являющиеся релевантными: указание на источник получения сведений о действии (прямая эвиденциальность) и соответствие / несоответствие ожиданиям говорящего (миратив). Центром функционального поля прошедшего времени является немаркированная в своем основном значении форма на *-ган*,

которая отличается преобладающим над другими семантическими компонентами значением времени, высокой частотностью употребления и нейтральностью в отношении стилистического употребления в современном тувинском языке. В речи особенно активной наряду с формой на *-ган* является форма на *-ды*. Остальные формы имеют довольно ограниченное употребление, что обусловлено их семантикой.

Представленные в системе прошедшего времени тувинского языка дополнительные значения временных форм отражают межкатегориальные связи *времени и аспекта, времени и модальности, времени и эвиденциальности*.

2.3. Система настоящего времени

Основной формой в сфере не прошедшего времени в древних тюркских языках была полисемантическая форма на *-ar / -ur*, которая в зависимости от контекста могла принимать значения настоящего актуального времени, настоящего общего времени, будущего времени и т. д. Эта форма не обладала никакой особой видовой и модальной семантикой. Действия могли быть длящимися, повторяющимися, прерывистыми, регулярными и др. Их характер обуславливался также либо семантикой основы глагола, либо контекстом [Насилов Д. М. 1963: 9—11; Tekin 1968: 191; Кондратьев 1970: 31, 32; Насилов В. М. 1974: 74; Кононов 1980а: 186, 187; Кормушин 2004: 291].

В большинстве современных тюркских языков форма на *-ar* перешла в сферу будущего времени, значения настоящего стали передаваться другими формами, которые содержат в себе более конкретную детализацию значений настоящего времени. В сибирских тюркских языках, в том числе и тувинском, формы настоящего времени сложились на базе аналитических образований аспектуального типа, в основе которых лежит сочетание деепричастия и вспомогательного глагола.

В образовании аналитических форм настоящего времени наиболее активны оказались деепричастные формы на *-a* и *-n* и глагол статики *э(p)*- ‘быть’, а также приблизившийся к нему в результате абстрагирования исходного значения глагол *тур-*. Так в древнейтюркском языке, в кыпчакизированных группах

наряду с формой на *-ur* начинает функционировать форма на *-a turur / tur-* со значением настоящего-будущего очевидного времени [Насилов В. М. 1974: 77]. Считается, что форме на *-a turur* присуще также значение длительности, незаконченности действия [Насилов Д. М. 1976: 45, 48].

В тюркских языках Сибири глагол *e(r)-* (в якутском — формы прошедшего времени *-ар этэ-*, *-быт этэ-* и алтайском — *эду-*) в своих грамматикализованных формах вошел в систему спряжения глагола [Коркина 1970; Басакаев 1997: 182]. В тувинском языке его следы остались лишь в ряде частиц: *ийин*, *ийик*, *эртик*.

Главную роль в дальнейшем формировании системы настоящего времени в сибирских тюркских языках сыграли вспомогательные глаголы, восходящие к глаголам позиции (способа нахождения в пространстве) *tur-* ‘стоять’, *otur-* ‘сидеть’, *jat-* ‘лежать’, а также глагол движения (перемещения в пространстве) *jor-* ‘идти, быть в движении’. Раньше других вошел в систему времени в составе деепричастных (на *-a*, *-n*) АК глагол *tur-*, а позднее втянулись *otur-*, *jat-*, *jor-*.

В хакасском, шорском, алтайском языках в разной степени грамматикализации наиболее активно проявился глагол *чам-* ‘лежать’ (хак., шор. *-ча*; алт. *-jam*). В тувинском главная роль принадлежит глаголу *тур-*, как в большей степени десемантизованному и обладающему наиболее абстрактным значением и допускающему сочетания с самым широким кругом полнозначных глаголов. После него стоит *чор-*, затем — *олур-*, на последнем месте — *чыт-* (< *тур-* ‘стоять’, *чор-* ‘ходить’, *олур-* ‘сидеть’, *чыт-* ‘лежать’) [ГТЯ 1961: 354—357].

Таким образом, глагол *тур-* в аналитических сочетаниях среди вспомогательных бытийных глаголов этого ряда в тувинском языке является наиболее грамматикализованным. Остальные всё же сохраняют в той или иной степени свою исходную семантику и придают значению основного глагола дополнительные смысловые оттенки значений: *чор-* — оттенок подвижности и длительности; *олур-* сочетается, за некоторым исключением, лишь с глаголами, значению которых не противоречит его прямое лексическое значение «сидеть», а также с глаголами движения; *чыт-* сочетается с еще более ограниченным кругом полнозначных глаголов, допуская лишь сочетания с глаголами, в семантике которых присутствует

сема «совершать действие лежа», и придает оттенок длительности, уравновешенности, плавности [ГТЯ 1961: 354—357].

Участие аналитических форм в формировании сферы времени отмечается многими исследователями не только в сибирских тюркских языках. Форма настоящего времени на *-ijor* в турецком, азербайджанском, туркменском языках возводится к сочетанию деепричастия на *-a* и вспомогательного глагола *ior-* ‘идти’ [Поцелуевский 1948: 5; Кондратьев 1980: 36]. По другому мнению, форма настоящего времени на *-jur / -jür, -jor / -jyr* и т. д. и форма будущего времени *-ur / -ür, -or / -yr* имеют одно происхождение: аффикс настоящего времени образовался при участии звука *j*, т. к. в азербайджанском языке показателями настоящего времени выступают *-yr / -ir* [Хыдыров 1971: 47].

Сохранение в одном синхронном срезе аналитических форм различной хронологии и разной степени грамматикализации, в частности конструкций со вспомогательным глаголом *tur-* в сочетании с деепричастными формами *-a* и *-n*, наблюдается в современном тувинском языке. Это формы настоящего времени *-n тур-ар, -n тур-Ø, -a-дыр* и форма прошедшего времени на *-n-тыр* [Грунина 1976: 15].

В отличие от всех остальных сибирских тюркских языков, в тувинском эти аналитические сочетания не подверглись полной синтезации. Аналогичные тувинским формам на *-a-дыр* и *-n-тыр* формы времени в южносибирских тюркских языках грамматикализировались и стали аффиксами.

Формы настоящего времени в тувинском языке сохраняются как аналитические. Формы настоящего актуального и настоящего общего представляют собой сочетания формы деепричастия на *-n* и вспомогательных бытийных глаголов *тур-, чор-, олур-, чыт-*. В данной работе не будут рассматриваться сочетания с каждым вспомогательным глаголом в отдельности, хотя они будут обладать разными оттенками значений. Формы настоящего времени, образованные на базе сочетания деепричастия на *-n* и указанных вспомогательных глаголов, объединяются под условными моделями $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$ и $T_v-n V_{(бытия)}-ар$.

Синтетическая форма настоящего времени может быть образована только самими четырьмя основными бытийными глаголами *тур-, чыт-, олур-, чор-*:

(78) *Мен даштын тур мен*

мен-Ø	даштын	тур-Ø	мен
я-NOM	снаружи	стоять-PR₁	1Sg

‘Я стою на улице’.

(79) *Ном стол кырында чыдыр*

ном-Ø	стол-Ø	кыр-ын-да
книга-NOM	стол-NOM	поверхность-POSS/3Sg-LOC

чyd-ыр-Ø
лежать-PR₁-3Sg
‘Книга лежит на столе’.

(80) *Партада ийи өөреникчи олур*

парта-да	ийи	өөреникчи-Ø	олур-Ø
парта-LOC	два	ученик-NOM	сидеть-PR₁-3Pl

‘За партой сидят двое учеников’.

(81) *Чыскаалдың мурнунда чор мен*

чыскаал-дың	мурн-ун-да	чор-Ø	мен
шеренга-GEN	перед-POSS/3Sg-LOC	идти-PR₁	1Sg

‘Я иду впереди шеренги’.

Таким образом, план настоящего времени в тувинском языке представлен аналитическими формами $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$ и $T_v-n V_{(бытия)}-ar$ и частично синтезировавшейся формой на *-а-дыр*.

2.3.1. Форма настоящего времени на $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$

Настоящее время $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$ образуется при помощи двух элементов: соединительного деепричастия на *-n* смыслового глагола и одного из четырех бытийных глаголов *тур*, *чор*, *олур*, *чит*, которые выступают в роли вспомогательных. Основа настоящего времени от трех вспомогательных глаголов *тур*, *чор*, *олур* представляет усеченное древнее причастие будущего времени $тур < турур$, $чор < чорур$, $олур < олурур$. Что касается глагола *чыдыр*, то аффикс древнего причастия здесь сохраняется [ГТЯ 1961: 359—362]. При оформлении глагола *чит-* узким вариантом аффикса (*чyd-ыр*) в тувинском языке выражается значение настоящего МР. В данном случае это финитная форма настоящего времени.

Широкий вариант (*чyd-ar*) образует омонимичные формы: вопрывых, *чyd-ar* — это финитная форма с темпоральным значением

(настоящего общего времени); во-вторых, *чыд-ар* — это причастная форма. Таким образом, выражение времени здесь связано с выбором широкого и узкого вариантов *-ар* или *-ыр*. Семантическое расхождение широкого и узкого вариантов этой же формы наблюдается и в других тюркских языках. Например, в азербайджанском языке: узкий вариант *-(j)ыр/-(j)ур/-(j)ур/-(j)ур* образует настоящее время (*жазырым* ‘пишу’); широкий — *-(j)ар / -(j)эр*, образует настоящее-будущее время (*кэлэрэм* ‘приду’) [Ширалиев 1997: 165].

Возведение *тур* < *турур*, *чор* < *чорур* и т. д. вызывает некоторые сомнения у И. В. Кормушина, который пишет о наличии еще в пратюркском языке презенса, не имевшего специального морфологического показателя. Тувинская форма настоящего времени на $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$, по его мнению, восходит к этой древней нулевой форме [Кормушин 1984: 38, 39].

Однако известны случаи, когда в ряде диалектов тувинского языка употребляют вместо нулевых форм литературного языка форму на *-у*. Эта форма присоединяется только к глаголам *тур-*, *чор-*, *олур-* (*тур-у*, *чор-у*, *олур-у*) во всех трех лицах обеих чисел. *Чыт-* в отличие от них не приобретает эту форму. Авторы ГТЯ отмечают такую форму только в 3-м лице и возводят к лично-указательному местоимению *ол* ‘он’ или считают промежуточной ступенью *турур* > *туру* > *тур* [ГТЯ 1961: 362].

Это явление объясняется через близкий к тувинскому тофский язык. В. И. Рассадин определяет элемент *-у/-ы* в форме настоящего конкретного времени T_v-n *тур-у/олур-у/чор-у* в тофском языке как форму причастия настоящего времени [Рассадин 1978: 204]. Эта точка зрения является для нас наиболее предпочтительной. Видимо, в тувинских диалектах сохранилась более древняя форма настоящего времени T_v-n *тур-у/олур-у/чор-у*, которая в этом виде в литературном языке утеряна.

Что касается глагола *чыт-* в аналитических конструкциях, то он больше всех остальных вспомогательных бытийных глаголов сохраняет свою исходную семантику ‘лежать’; не образует древней формы настоящего времени на *-у* и не имеет нулевой формы. А также *чыт-* образует форму настоящего времени по иному принципу, по сравнению с другими бытийными глаголами. Всё это говорит в пользу того, что глагол *чыт-* позже остальных бытийных глаголов втянулся в систему времени тувинского языка.

Форма настоящего времени $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$ является полисемантической, как и все другие формы времени. В зависимости от того, какое из выражаемых ею значений выделяется как главное, исследователи тувинского языка называют ее по-разному: «конкретное настоящее время» [ГТЯ 1961: 380], «достоверное настоящее время» [Сат 1955: 691], «определенное настоящее время» [Сат, Салзынмаа 1980: 196].

Значение и употребление формы на $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$

Форма настоящего времени $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$ (T_v-n тур- $\emptyset$, T_v-n олур- $\emptyset$, T_v-n чор- $\emptyset$, T_v-n чыд-ыр) выражает следующие значения:

1. Настоящего актуального действия, совпадающего с МР, осложненного значением прямой эвиденциальности и аспектуальным значением относительной длительности. В «окно наблюдения» попадает промежуток, включающий «здесь и сейчас», охватывая протекание действия максимально близко к МР. Иначе говоря, рассматриваемая форма передает актуальные, непосредственно наблюдаемые говорящим действия или состояния субъекта в данный промежуток. Говорящий является производителем или участником действия, субъект действия может быть выражен любым из трех лиц.

(82) *Ам арыг кылдыр бижип олур сен, көр даан*

ам арыг кылдыр [бижи-п олур- $\emptyset$]

сейчас чисто [писать-CV₂ V-PR₁]

сен көр- $\emptyset$ даан

2Sg смореть-IMP/2Sg PTCL

‘Вот посмотри, ты сейчас аккуратно поешь’ [А].

(83) *Ийи дугаарында кара аът куштадып олур*

ийи дугаар-ын-да кара аът- $\emptyset$

два номер-POSS/3Sg-LOC черный конь-NOM

[куш-та-д-ып олур- $\emptyset$]

[птица-VBLZ-CAUS-CV₂ V-PR₁-3Sg]

‘Вторым летит черный конь’ [ЕБМ: 74].

(84) *Кушкаш алгырбышаан хевээр, ужуп чоруп тур*

кушкаш- $\emptyset$ алгыр-бышаан хевээр [уж-уп

птичка-NOM кричать-CV₅ также [лететь-CV₂]

чор-уп тур-Ø]

V-CV₂ V-PR₁-3Sg]

‘Птичка, все еще крича, летает (я вижу)’ [ЕБМ: 54].

Первое значение формы $T_v-n V_{(бытия)}-Ø$ состоит из трех компонентов: 1) актуальное настоящее время — совпадение действия с МР; 2) прямая эвиденциальность; 3) аспектуальное значение относительной длительности.

2. Оформляя глаголы, семантика которых включает значение длительности совершения действия (ЛСГ пребывания в том или ином состоянии, ЛСГ интеллектуальной деятельности, ЛСГ профессионально-трудовой деятельности), форма на $T_v-n V_{(бытия)}-Ø$ передает актуализацию действия в МР, хотя семантика самого глагола предполагает действия, охватывающие более или менее обширный отрезок прошлого, настоящего и возможность продолжения действия в будущем.

(85) *Уруум университетте өөренип тур*

уруг-ум-Ø университет-те [өөрен-ип тур-Ø]

дочь-POSS/1Sg-NOM университет-LOC [учиться-CV₂ V-PR₁-3Sg]

‘Моя дочь учится в университете’ [И6].

(86) *Амгы үеде фантастика сонуурган тур бис*

амгы үе-де фантастика-Ø

настоящий время-LOC фантастика-NOM

[сонуурга-п тур-Ø] бис

[интересоваться-CV₂ V-PR₁] 1P1

‘В настоящее время мы интересуемся фантастикой’ [И5].

(87) *Ачам даштын ыяш чарып тур*

ача-м-Ø даштын ыяш-Ø [чарып-п

отец-POSS/1Sg-NOM снаружи дрова-NOM [колоть-CV₂

тур-Ø]

V-PR₁-3Sg]

‘Отец на улице колет дрова’ [И6].

(88) *Уран бажыңында уруу-биле олур*

Уран-Ø бажың-ын-да уруу-у-биле

Уран-NOM дом-POSS/3Sg-LOC ребенок-POSS/3Sg-INSTR

олур-Ø

сидеть-PR₁-3Sg

‘Уран со своим ребенком дома сидит’ [И2].

- (89) *Ол чалгаа кижиг, бажыңында телевизор көрүп чыдыр*
 ол чалгаа кижиг-Ø бажың-ын-да
 тот ленивый человек-NOM дом-POSS/3Sg-LOC
 телевизор-Ø [көр-үп чыд-ыр-Ø]
 телевизор-NOM [смотреть-CV₂ V-PR₁-3Sg]
 ‘Тот ленивый человек, дома (лежа), телевизор смотрит’ [ИЗ].

- (90) *Бис чүгээр чурттап чор бис*
 бис чүгээр [чуртта-п чор-Ø] бис
 мы нормально [жить-CV₂ V-PR₁] 1Pl
 ‘Мы живем нормально’.

Второе значение формы на T_v -n $V_{(бытия)}$ -Ø — настоящее актуальное время, осложненное значением длительности. Эвиденциальные значения здесь не актуализируются.

3. Форма на T_v -n $V_{(бытия)}$ -Ø способна выражать значение будущего времени с экспрессивной семантикой нежелания выполнять действие субъектом, проявляя пренебрежение к предложению собеседника что-либо сделать. Это значение формы на T_v -n $V_{(бытия)}$ -Ø присуще разговорной речи.

- (91) *Ынчап сээң сооңдан чоруп олур мен*
 ынчап сэ-эң соо-ң-дан [чор-уп
 так ты-GEN задняя сторона-POSS/2Sg-ABL [идти-CV₂
 олур-Ø] мен
 V-PR₁] 1Sg
 ‘Ну да, конечно, так я за тобой и пошла (размечтался)’ [И2].

- (92) *Мен сээң хирлиг хевиң чуп берип тур мен, харын. Бодуң чуз!*
 мен-Ø сэ-эң хирлиг хев-иң-Ø
 я-NOM ты-GEN грязный одежда-POSS/2Sg-NOM
 [чу-п бер-ип тур-Ø] мен харын бодуң
 [стирать-CV₂ V-CV₂ V-PR₁] 1Sg PTCL сам
 чуг-Ø
 стирать-IMP/2Sg
 ‘Ну да, я твою грязную одежду буду стирать. Сама стирай!’ [И1].

Третье значение данной формы включает компоненты: 1) будущее время; 2) предположительность; 3) экспрессивная окрашенность. В этом значении форма T_v -n $V_{(бытия)}$ -Ø употребляется в разговорной речи.

4. В переносном употреблении в рассказе о прошлом — в художественной литературе для образного воссоздания прошедших действий так, как будто они происходят перед глазами автора / говорящего, читателя / слушающего:

- (93) *Даштыгаа үнүп келгеш, өөрүмнү дилегзинип кылаштап тур мен*
 даштыгаа [үн-үп кел-геш]
 наружу [выходить-CV₂ V-CV₃]
 өөр-үм-нү [дилег-зин-ип кылаш-та-п
 друзья-POSS/1Sg-ACC [искать-RFL-CV₂ шаг-VBLZ-CV₂
тур-Ø] мен
V-PR₁] 1Sg
 ‘Выйдя, на улице хожу/ходил в поисках своих друзей’ [ЕБМ: 72].
- (94) *Акым боозун октап чүктээш, ыңай базыпты. Соондан базып олур мен*
 акы-м-Ø боо-зу-н [ок-та-п
 брат-POSS/1Sg-NOM ружье-POSS/3Sg-ACC [пуля-VBLZ-CV₂
 чүк-гэ-эш] ыңай баз-ып-ты-Ø
 груз-VBLZ-CV₃] прочь идти-PFV-PAST₁-3Sg
 соо-н-дан [баз-ып **олур-Ø**] мен
 задняя сторона-POSS/3Sg-ABL [идти-CV₂ **V-PR₁**] 1Sg
 ‘Зарядив свое ружье, перекинув через плечо, брат пошел. Я иду (пошел) за ним’ [АТ: 107].
- (95) *Ачамның чугаазын кончуг кичээнгейлиг дыңнап, боданып чор бис*
 ача-м-ның чугаа-зы-н кончуг
 отец-POSS/1Sg-GEN речь-POSS/3Sg-ACC очень
 кичээнгейлиг дынна-п [бода-н-ып **чор-Ø**] бис
 внимательно слушать-CV₂ [думать-RFL-CV₂ **V-PR₁**] 1Pl
 ‘Очень внимательно слушаю слова отца, (идем) думаем’ [ЕБМ: 66].
- (96) *Төрээн хемим мээң-биле мөндилежип, бир янзы аялгалыг ырлап чыдыр*
 төрээн хем-им-Ø мэ-эң-биле
 родной река-POSS/1Sg-NOM я-GEN-INSTR
 мөндиле-ж-ип бир янзы аялга-лыг
 здороваться-REC-CV₂ особенный мелодия-POSSV
 [ыр-ла-п **чыд-ыр-Ø**]
 [песня-VBLZ-CV₂ **V-PR₁**-3Sg]
 ‘Родная моя река со мною здороваются, поет / пела особенной мелодией’ [УХ4, 94: 80].

Отрицанием формы T_v - n $V_{(бытия)}$ - $\emptyset$ служит аналитическая форма T_v -байн $V_{(бытия)}$ - $\emptyset$, где -байн (-бейн, -вайн, -вейн, -пайн, -пейн, -майн, -мейн) — форма отрицательного деепричастия. Ср.:

(97) *Ам эки бижип олур сен*

ам	эки	[бизи-п	олур-$\emptyset$	сен
сейчас	хорошо	[писать-CV ₂	V-PR₁	2Sg

‘Ты сейчас хорошо пишешь’ [A].

(98) *Ам эки биживейн олур сен*

ам	эки	[бизи-вейн	олур-$\emptyset$	сен
сейчас	хорошо	[писать-NEG/CV	V-PR₁	2Sg

‘Ты сейчас не пишешь хорошо’.

(99) *Мен университетте өөренип тур мен*

мен- $\emptyset$	университет-те	[өөрен-ип	тур-$\emptyset$	мен
я-NOM	университет-LOC	[учиться-CV ₂	V-PR₁	1Sg

‘Я учусь в университете’.

(100) *Мен университетте өөрөнмейн тур мен*

мен- $\emptyset$	университет-те	[өөрен-мейн	тур-$\emptyset$	мен
я-NOM	университет-LOC	[учиться-NEG/CV	V-PR₁	1Sg

‘Я не учусь в университете’.

Форма настоящего времени на T_v - n $V_{(бытия)}$ - $\emptyset$ в зависимости от стилевой направленности речи, сфер употребления, а также лексико-семантической принадлежности глаголов выражает четыре значения: 1) действие, совпадающее с МР, момент наблюдения говорящим за действием актуален в МР; 2) действие, актуальное в МР, не маркированное эвиденциальным значением; 3) будущее предположительное время, характеризующееся экспрессивной окрашенностью; 4) настоящее историческое время в нарративе. Основным из выражаемых формой T_v - n $V_{(бытия)}$ - $\emptyset$ значений является первое — значение настоящего актуального засвидетельствованного действия. Во всех значениях данной формы присутствует аспектуальный компонент длительности.

2.3.2. Форма настоящего времени на T_v - n $V_{(бытия)}$ -*ар*

Аналитическая форма на T_v - n $V_{(бытия)}$ -*ар* представляет собой сочетание деепричастия на -*n* с вышеназванными вспомогательными глаголами бытия в форме причастия на -*ар*: T_v -*n* тур-*ар*, T_v -*n* чору-ур, T_v -*n* чыд-*ар*, T_v -*n* олур-*ар* (в последнем случае

при наращении аффикса *-ар* к основе *олур-* звуки [л], [у] могут выпадать > T_v -*n op-ар*). Данная форма в тувиноведении называется «настоящим-будущим временем» [Сат 1955: 691], «неопределенным настоящим временем» [Сат, Салзынмаа 1980: 197].

Проведенный нами анализ семантики формы на T_v -*n V* (*бытия*)-*ар* показывает, что она выражает следующие значения:

1. Значение настоящего обычного действия как констатация факта. В отличие от значения настоящего «нулевого» времени на T_v -*n V* (*бытия*)- $\emptyset$, значение настоящего обычного времени выражает длительное действие, охватывающее время, которое включает более или менее обширный отрезок прошлого, настоящее и некоторый отрезок будущего времени. Данное значение проявляется с глаголами, семантика которых включает значение длительности совершения действия, — ЛСГ бытия, ЛСГ состояния, ЛСГ интеллектуальной деятельности, ЛСГ профессионально-трудовой деятельности, субъектом действия выступает человек или иной активный субъект.

(101) *Саша дөрт класста өөренип турар*

Саша- $\emptyset$ дөрт класс-га [өөрен-ип **тур-ар- $\emptyset$**]
Саша-NOM четыре класс-LOC [учиться-CV₂ **V-PR₂-3Sg**]
'Саша учится в четвертом классе'.

(102) *Дең чырыы имиргей-даа болза, өг иштинде бүгү чүве тодаргай көстүп турар*

дең- $\emptyset$ чыры-ы- $\emptyset$
керосиновая лампа-NOM свет-POSS/3Sg-NOM
имиргей-даа бол-за- $\emptyset$ өг- $\emptyset$ иштинде
тусклый-PTCL быть-COND-3Sg юрта-NOM внутри
бүгү чүве- $\emptyset$ тодаргай [көст-үп **тур-ар- $\emptyset$**]
все вещь-NOM отчетливо [виднеться-CV₂ **V-PR₂-3Sg**]
'Хотя свет от керосиновой лампы сумеречный, в юрте все хорошо видно' [УХ2, 94: 50].

(103) *А хөлдүң үстүү ужун ийи кадарчы ээлеп олурар*

а хөл-дүң үстүү уж-у-н ийи
а озеро-GEN верхний сторона-POSS/3Sg-ACC два
кадарчы- $\emptyset$ [ээ-ле-п **олур-ар- $\emptyset$**]
скотовод-NOM [хозяин-VBLZ-CV₂ **V-PR₂-3Pl**]
'А на верхней части озера два скотовода хозяйничают' [КО: 37].

(104) *Хар эрип чыдар. Дун дургузу кыскалаан*

хар-Ø	[эри-п	чыд-ар-Ø]	дун-Ø
снег-NOM	[таять-CV ₂	V-PR₂-3Sg]	ночь-NOM
дургу-зу-Ø		кыска-ла-ан-Ø	
долгота-POSS/3Sg-NOM		короткий-VBLZ-PAST ₂ -3Sg	
'Снег тает. Ночи стали короче' [УХ2, 94: 60].			

(105) *Мен дуңмаларымга кандыг-даа таварылгада дузалап чоруур мен*

мен-Ø	дуңма-лар-ым-га		кандыг-даа
я-NOM	брат-сестра-PL-POSS/1Sg-DAT		любой-PTCL
таварылга-да	[дуза-ла-п	чору-ур]	мен
ситуация-LOC	[помощь-VBLZ-CV ₂	V-PR₂]	1Sg
'Я помогаю своим братьям и сестрам в любой ситуации' [А].			

В АК со вспомогательными глаголами *тур-ар*, *олур-ар*, *чыд-ар* охват отрезка времени меньше, чем со вспомогательным глаголом *чору-ур*. Видимо, это можно объяснить семантикой глаголов, к которым возводятся данные вспомогательные глаголы. При участии вспомогательных глаголов *тур-*, *олур-*, *чыт-* (восходящих к глаголам положения объекта в пространстве *тур-* 'стоять', *олур-* 'сидеть', *чыт-* 'лежать') действие занимает определенное стабильное фиксированное положение на временной оси, тогда как при участии в АК вспомогательного глагола *чор-* (восходящего к глаголу движения *чор-* 'идти') действие предстает как повторяющееся и в сумме своей составляющее длительное действие. *Чор-* показывает высокую частотность точечных действий, *олур-* — неторопливость, спокойствие в выполнении действия.

Рассмотренная форма на $T_v-n V_{(бытия)}-ар$ в первом значении включает компоненты: 1) выражение настоящего обычного времени, включающего МР; 2) длительность.

2. Значение вневременного действия. В этом значении форма на $T_v-n V_{(бытия)}-ар$ обозначает существование какого-либо действия вне всяких временных ограничений, закономерно, постоянно существующих независимо от воли человека (как качество или свойство, присущие субъекту). Субъектом действия выступает обобщенный субъект — естественный класс (люди, звери, птицы), природные объекты (река, горы, степи).

- (106) *Октаргайга кижиг болганы чаяттынган салым оруун эдерип чоруур*
 октаргай-га кижиг-Ø бол-ган-гы
 вселенная-DAT человек-NOM быть-PP-POSS/3Sg
 чаяа-т-тын-ган салым-Ø
 создавать-CAUS-RFL-PP судьба-NOM
 ору-у-н [эдер-ип чору-ур-Ø]
 дорога-POSS/3Sg-ACC [следовать-CV₂ V-PR₂-3Sg]
 ‘Во вселенной каждый человек следует по пути своей судьбы’
 [ЧХ: 10].
- (107) *Чырык өртемчей кырында ажык чок чүве чок. Дириг чүве бүрүзү дузалыг. Чуртталгада тускай хүлээлгезин күүседип чоруур*
 чырык өртемчей-Ø кыр-ын-да
 светлый мир-NOM верх-POSS/3Sg-LOC
 ажык чок чүве-Ø чок дириг чүве
 бесполезный вещь-NOM нет живой вещь
 бүрүзү дуза-лыг чуртталга-да тускай
 каждый помощь-POSSV жизнь-LOC особый
 хүлээлге-зи-н [күүсед-ип чору-ур-Ø]
 функция-POSS/3Sg-ACC [выполнять-CV₂ V-PR₂-3Sg]
 ‘На белом свете нет ничего ненужного. Каждое живое существо полезно. В жизни выполняет особую функцию’ [УХ2, 94: 125].
- (108) *Енисей Соңгу доштуг океанче агып чыдар*
 Енисей-Ø Соңгу дош-туг океан-че
 Енисей-NOM Северный лед-POSSV океан-LAT
 [аг-ып чыд-ар-Ø]
 [течь-CV₂ V-PR₂-3Sg]
 ‘Енисей втекает в Северный Ледовитый океан’.
- (109) *Соок эртен, кежээлерде бусталып чыдар*
 соок эртен-Ø кежээ-лер-де
 холодный утро-NOM вечер-PL-LOC
 [бус-та-л-ып чыд-ар-Ø]
 [пар-VBLZ-CAUS-CV₂ V-PR₂-3Pl]
 ‘(Минеральные источники) по прохладным утрам, вечерам парят’ [УХ2, 94: 120].

Второе значение формы $T_v-n V_{(бытия)}-ap$ заключается в: 1) выражении вневременного действия; 2) передаче качественных характеристик действия или состояния, рассматриваемых как качество или свойство, присущие субъекту; 3) отсутствию соотношенности с каким-либо определенным МР.

3. Значение *неочевидного* действия (косвенной эвиденциальности) в МР, совершение которого говорящим не наблюдается. Сообщаемое говорящим наличие некоторого действия в МР основано на логических выводах говорящего и знаниях о привычках (распорядке действий) субъекта или на сообщениях о действиях самого субъекта. Наличие действия в МР не вызывает сомнений у говорящего. Такое значение называется *презумптивом* [Плунгян 2000: 324], и оно реализуется только при субъекте-подлежащем в 3-м л. ед. и мн. ч. Указанное значение формы T_v -н $V_{(бытия)}$ -ар реализуется в речи.

(110) *Ынаар барба, шаптыктаар сен. Оля ам онаалгазын кылып олураар*

ынаар бар-ба шаптыкта-ар сен
туда ходить-NEG/IMP/2Sg мешать-FUT₁ 2Sg
Оля-Ø сейчас задание-POSS/3Sg-ACC [выполнять-CV₂
Оля-NOM ам онаалга-зы-н [күүсед-ип
олур-ар-Ø
V-PR₂-3Sg]

‘Туда не ходи, будешь мешать. Оля сейчас выполняет домашнее задание (я это вижу по времени, когда обычно делает домашнее задание Оля)’ [A].

(111) *Мени үдеве ажырбас, даштын эштерим манап турарлар*

мен-и үде-ве ажырбас даштын
я-ACC провожать-NEG/IMP/2Sg ничего снаружи
эш-тер-им-Ø [мана-п **тур-ар-лар**]
друг-PL-POSS/1Sg-NOM [ждать-CV₂ **V-PR₂-3Pl**]

‘Ничего, не надо меня провожать, на улице меня друзья ждут (я предполагаю это / мне об этом сказали)’ [A].

(112) *Шимээрге-ве. Дунмаң удуп чыдар*

шимээрге-ве дунма-ң-Ø [уду-п
шуметь-NEG/IMP/2Sg братик-POSS/2Sg-NOM [спать-CV₂
чыд-ар-Ø
V-PR₂-3Sg]

‘Не шуми. Твой братик спит (сейчас)’ [И4].

Неочевидное настоящее время всегда выражается аналитическим способом в форме T_v -н $V_{(бытия)}$ -ар. Если опустить вспомогательный глагол, то действие автоматически переместится в плоскость будущего времени:

- (113) *Мени үдеве ажырбас, даштыгаа эштерим манаарлар* (вместо *мана-п тур-ар-лар*)

мен-и	үде-ве	ажырбас	даштыгаа
я-ACC	провождать-NEG/IMP/2Sg	ничего	снаружи
эш-тер-им-Ø		мана-ар-лар	
друг-PL-POSS/1Sg-NOM		ждать-FUT ₁ -3Pl	

‘Ничего, не надо меня провожать, внизу меня друзья будут ждать’.

Третье значение формы T_v -н $V_{(бытия)}$ -ар составляют компоненты: 1) наличие действия в MP; 2) косвенная эвиденциальность — презумптив.

4. Форма T_v -н $V_{(бытия)}$ -ар может употребляться в значении категорического будущего времени. Будущее время может указываться лексическими детерминантами времени в простом предложении, придаточными условия и времени — в сложном предложении.

- (114) *Эртен сес шакта чоруп олурар бис*

эртен	сес	шак-та	[чор-уп	олур-ар]	бис
завтра	восемь	час-LOC	[ехать-CV ₂	V-PR₂]	1Pl

‘Завтра в восемь часов поедem’ [И2].

- (115) *Чаъс чаап келзе, чанып олурар сен*

чаъс-Ø	[ча-ап	кел-зе-Ø]	[чан-ып
дождь-NOM	[идти-CV ₂	V-COND-3Sg]	[возвращаться-CV ₂
олур-ар]	сен		
V-PR₂]	2Sg		

‘Если пойдет дождь, вернешься домой’ [A].

- (116) *Тоттур чемненип алгаи, база шимченип олурар бис*

тоттур	[чем-не-н-ип	ал-гаш]	база
плотно	[пища-VBLZ-RFL-CV ₂	V-CV ₃]	также
[шимчен-ип	олур-ар]	бис	
[двигаться-CV ₂	V-PR₂]	1Pl	

‘Плотно покушав, снова двинемся в путь’ [A].

- (117) *Беи минута болгаи, сени манап турар мен*

беш	минута	бол-гаш	сен-и	[мана-п	тур-ар]	мен
пять	минута	быть-CV ₃	ты-ACC	[ждать-CV ₂	V-PR₂]	1Sg

‘Через пять минут я тебя жду’ [И5].

В четвертом значении форма T_v -н $V_{(бытия)}$ -ар выражает следующие значения: 1) будущее время; 2) обязательность и неизбежность совершения действия; 3) реализация значения в разговорной речи. Употребление форм настоящего времени в значении обязательного будущего времени типично для многих языков. Такое употребление формы настоящего-будущего времени на -а есть в кумыкском языке [Гаджихмедов 1984]. Также в русском языке в предложении *Через пять минут я стою на остановке* заключается идея обязательного будущего времени.

Отрицательная форма образуется на основе сочетания отрицательного деепричастия на -байн и бытийных вспомогательных глаголов.

(118) *Миша школада өөрөнмейн турар*

Миша-Ø школа-да [өөрөн-мейн тур-ар-Ø]
 Миша-NOM школа-LOC [учиться-NEG/CV V-PR₂-3Sg]
 ‘Миша не учится в школе’.

(119) *Сен мени манавайн чоруур болгай сен*

сен-Ø мен-и [мана-вайн чору-ур] болгай сен
 ты-NOM я-ACC [ждать-NEG/CV V-PR₂] PTCL 2Sg
 ‘Ты ведь меня не ждешь’ [ДБ: 130].

Аналитическая форма настоящего времени на T_v -н $V_{(бытия)}$ -ар является полисемантической и выражает четыре значения: 1) выражение настоящего обычного времени, включающего МР. Действия характеризуются как длительные; 2) выражение вневременного действия, отсутствие соотнесенности с каким-либо определенным МР, характеризующиеся как качественные характеристики действия или состояния, рассматриваемые как качество или свойство, присущие субъекту; 3) выражение настоящего времени и косвенной эвиденциальности — наличие предполагаемого действия в МР (презумптив); 4) выражение обязательного совершения действия в будущем. В последних двух значениях эта форма употребляется в разговорной речи.

2.3.3. Форма настоящего времени на -а-дыр

В глагольной системе тувинского языка исследователями выделяется специфическая по своему значению форма на -а-дыр, называемая «заглазным настоящим временем» [Монгуш 1958; ГТЯ

1961], «настоящим обоснованным временем» [Сат, Салзынмаа 1980], «сочетанием деепричастия на *-а* и частицы *-тыр* со значением заочного совершения действия» [Сат 1955; Бабушкин 1959]. По мнению исследователей, данная форма передает действие, наблюдаемое говорящим со сравнительно далекого расстояния или воспринимаемое посредством слуха [Монгуш 1989], основанное на непосредственном личном опыте, своих ощущениях и восприятиях [ГТЯ 1961]. Полисемантичесность формы на *-а-дыр* породила неоднозначность толкования ее значения. Существующая трудность в терминологии и определении значения данной формы, установлении ее грамматического статуса требует тщательного изучения данной формы со стороны семантики и функционирования в речи и тексте.

Значение и употребление формы на *-а-дыр*

Глагольная форма на *-а-дыр* употребляется в сингармонических вариантах *-й-дыр*, *-е-дир*, *-и-дир*, *-ү-дүр*. Структурно данная форма состоит из двух компонентов: форманта *-а* и частицы *-тыр*, восходящей к тюркскому глаголу *тур-*.

По нашим наблюдениям, употребление формы на *-а-дыр* связано только с определенными глаголами и с категорией персональности. В художественной литературе, в которой отмечается ее преимущественное использование, она оформляет 3-е лицо субъекта и, скорее, является особым средством художественного описания. Поэтому данная форма более употребительна в языке как нарративная, как элемент организации текста, нежели как форма дейктическая. В современном разговорном языке она употребляется редко. Таким образом, при помощи этой формы в языке художественной литературы повествователь передает совершение действия, описывая его как прямой свидетель.

- (120) — Ам орайтаан, албан шагы төнген, каяа баарыл? — деп, улаачыга аъттарывыс дүжүп бергенивисте, Кончук айтыра-дыр
ам	орай-та-ан-Ø	албан-Ø
сейчас	поздно-VBLZ-PAST ₂ -3Sg	служба-NOM
шаг-ы-Ø	төн-ген-Ø	каяа
время-POSS/3Sg-NOM	заканчиваться-PAST ₂ -3Sg	куда
баар-ыл-Ø	де-п	улаачы-га
идти-PTCL-3Sg	говорить-CV ₂	ямщик-DAT

аът-тар-ывыс-Ø [дуж-үп
 конь-PL-POSS/1PI-NOM [сходить-CV₂
 бер-ген-ивис-те] Кончук-Ø айтыр-а-дыр-Ø
 V-PP-POSS/1PI-LOC] Кончук-NOM спрашивать-PR₃-3Sg
 ‘— Сейчас уже поздно, служебное время прошло, куда (нам)
 пойти? — спрашивает / спросил Кончук (я это слышал), когда мы
 отдали коней ямщику’ [АТ: 371].

В примере (120) форма на *-а-дыр* присоединяется к глаголу *айтыр-* ‘спрашивать’ и сопровождает прямую речь. На русский язык ее можно перевести формой настоящего времени и формой прошедшего времени с необходимым уточнением ее семантики: «я это слышал».

Форма на *-а-дыр* передает значение прямой засвидетельствованности (эвиденциальности). Выделяются три типа ее значений: 1) сенсорное восприятие действия; 2) визуальное восприятие действия 3) и эндофорическое восприятие. Первый тип значения формы на *-а-дыр* характеризуется двумя подтипами: восприятие словесной информации и восприятие звука.

1. В имеющемся у нас языковом материале по форме на *-а-дыр* в 85 % случаях (537 из 632 примеров) она оформляет глаголы, выражающие действия, сопровождающиеся тем или иным шумом, звуком и относящиеся к ЛСГ глаголов речевой деятельности (говорить, ругаться, кричать, спрашивать, шептать, советовать, отвечать и т. д.), ЛСГ глаголов звучания (булькать, шуметь, звенеть, выть, звучать и т. д.), ЛСГ глаголов физиологического действия, сопровождающиеся тем или иным шумом, звуком (дышать, сосать и т. д.), ЛСГ глаголов проявления эмоций (смеяться, плакать и т. д.).

1) ЛСГ глаголов речевой деятельности в форме на *-а-дыр* при субъекте 3-го лица — человеке, как правило, употребляется с прямой речью (см. примеры 121—123), в этом случае передается обобщенная семантика «сенсорное восприятие словесной информации».

(121) — *Аъттарны кымга-даа бүзүревес мен... — деп, Мелькин...
 топтуу дегет чугаалай-дыр*

аът-тар-ны кым-га-даа бүзүре-вес мен
 конь-PL-ACC кто-DAT-PTCL верить-NEG/FUT1 1Sg

де-п	Мелькин	топту-у	дегет
говорить-CV ₂	Мелькин	скромно-POSS/3Sg	PTCL

чугаала-й-дыр-Ø
говорить-PR3-3Sg
 ‘— Я никому не доверю коней... — говорит / сказал... скромно Мелькин’ [Сүр2: 21].

(122) — *Бөгүн келдиң бе, Аңгыр? — деп Шожукпан одаг кыдыында алгыра-дыр*

бөгүн	кел-ди-ң	бе	Аңгыр
сегодня	приезжать-PAST1-2Sg	Q	Аңгыр
де-п	Шожукпан-Ø		одаг-Ø
говорить-CV ₂	Шожукпан-NOM		костер-NOM

кыды-ын-да   **алгыр-а-дыр-Ø**
 край-POSS/3Sg-LOC   **кричать-PR₃-3Sg**
 ‘— Ты сегодня приехал, Аңгыр? — кричит / крикнул Шожукпан у костра’ [АТ: 284].

(123) *Бисти эскерип кааш: «Оо! Аалчылар келген-дир але! Амыр-ла!» — деп менди-лей-дир*

бис-ти	[эскер-ип	ка-аш]	оо
мы-ACC	[замечать-CV ₂	оставлять-CV ₃]	а
аалчы-лар-Ø	кел-ген-дир-Ø		але
гость-PL-NOM	приходить-PAST ₂ -PTCL-3Pl		PTCL

амыр-ла   де-п   **менди-ле-й-дир**
 хорошо-PTCL   говорить-CV₂   **приветствие-VBLZ-PR₃-3Sg**
 ‘Заметив нас, [человек] здоровается / поздоровался: «А! Гости пришли, оказывается! Здравствуйте!»’ [ОТ: 21].

Особенность семантики формы на *-а-дыр* состоит в том, что она выражает слуховое (сенсорное) восприятие действия и передает значение получения информации из прямых, первичных источников; таким образом, мы считаем, что ее значение может быть квалифицировано как подтип прямой засвидетельствованности (эвиденциальности). Поэтому простая замена формы на *-а-дыр* формами прошедшего времени на *-ды* и *-ган* без потери семантики сенсорного прямого восприятия действия невозможна.

2) С ЛСГ глаголов звучания (булькать, шуметь, звенеть, выть, звучать, кричать и т. д.), ЛСГ глаголов физиологического действия (дышать, сосать и т. д.), ЛСГ глаголов проявления эмоций (смеяться, плакать и т. д.) при субъекте 3-го лица — животном

или метафоризированном предмете формой на *-а-дыр* передается обобщенная семантика «сенсорное восприятие звука».

- (124) *Ак баштыг өгбе даңказын шыжылады соргулай-дыр*
 ак баш-тыг өгбе-Ø
 белый голова-POSSV предок-NOM
 даңза-зы-н шыжылады **сор-гула-й-дыр-Ø**
 трубка-POSS/3Sg-ACC шумно **сосать-FREQ-PR₃-3Sg**
 ‘Дед с седой головой шумно сосет свою трубку’ [УХ4, 92: 126].
- (125) *Суг даажы дыңналыр-дыңналбас шулурай-дыр*
 суг-Ø дааж-ы-Ø дыңналыр-дыңналбас
 вода-NOM шум-POSS/3Sg-NOM слышно-не-слышно
шулура-й-дыр-Ø
шуметь-PR₃-3Sg
 ‘Вода очень тихо журчит’ [ОТ: 23].
- (126) *Черликпен... ээре-дир*
 Черликпен-Ø **ээр-е-дир-Ø**
 Черликпен-NOM **лаять-PR₃-3Sg**
 ‘Черликпен (кличка собаки)... лает’ [АС: 31].
- (127) *...ак-демир бидонда бе сүдү мыжырады химирени-дир*
 ак-демир бидон-да бе-Ø
 алюминиевый бидон-LOC кобылла-NOM
 сүд-ү-Ø мыжырады **химирен-и-дир-Ø**
 молоко-POSS/3Sg-NOM шумно **ворчать-PR₃-3Sg**
 ‘...в алюминиевой фляге шумно ворчит кобылье молоко’
 [УХ4, 92: 125].
- (128) *Аргада дүнеки куш алгыра-дыр*
 арга-да дүнеки куш-Ø **алгыр-а-дыр-Ø**
 лес-LOC ночной птица-NOM **кричать-PR₃-3Sg**
 ‘В лесу кричит ночная птица’ [ТК: 70].

2. Форма на *-а-дыр* выражает *визуальное* восприятие (12% — 75 примеров из 632) с ЛСГ глаголов физического действия, ЛСГ глаголов проявления признака и т. д. Причем говорящий (повествователь) наблюдает за действиями, которые совершаются не обязательно вдалеке (ср. [Монгуш 1958]), дистанция здесь не маркирована. Субъектом действия преимущественно выступает 3-е лицо.

- (129) ...Эмчим менче ылавылап көрө-дир
 эмчи-м-Ø   мен-че ылавыла-п   **көр-е-дир-Ø**
 врач-POSS/1Sg-NOM   я-LAT   убеждаться-CV₂   **смотреть-PR₃-3Sg**
 ‘Врач на меня пристально смотрит / посмотрел’ [ОТ: 97].
- (130) Орланмай... паштан саргартыр үстеп каан ааржы каггаи,
 менче суна-дыр
 Орланмай-Ø   паш-тан   сарг-ар-т-ыр
 Орланмай-NOM   кастрюля-ABL   желтый-VBLZ-CAUS-PF₁
 үс-те-п   ка-ан   ааржы-Ø   каг-гаиш
 масло-VBLZ-CV₂   V-PP   творог-NOM   класть-CV₃
 мен-че **сун-а-дыр-Ø**
 я-LAT   **протягивать-PR₃-3Sg**
 ‘Орланмай..., положив из кастрюли сдобренный маслом до
 желтизны творог, протягивает / протянула его мне’ [КМ: 22].
- (131) Бээр болан эрткеш, бар, оглум — дээш, ачам менче хүлүмзүрей-
 дир
 бээр   бо-ла-п   эрт-кеш   бар-Ø
 сюда   это-VBLZ-CV₂   проходить-CV₃   уходить-IMP/2Sg
 огл-ум   дэ-эш   ача-м-Ø
 сын-POSS/1Sg   говорить-CV₃   отец-POSS/1Sg-NOM
 мен-че **хүлүмзүр-ей-дир-Ø**
 я-LAT   **улыбаться-PR₃-3Sg**
 ‘«Пройди здесь, сынок», — сказав, отец улыбается / улыбнулся
 мне’ [ЕБМ: 41].

В примерах (129)—(131) дистанция между наблюдателем-говорящим и субъектом действия не указывается и из контекста не актуализируется. В примерах (132) и (133) действия наблюдаемы с далекого расстояния, причем в примере (133) действие еле различимо.

- (132) Аалдың артында арга көстү-дүр
 аал-дың   арт-ын-да   арга-Ø
 аал-GEN   задняя сторона-POSS/3Sg-LOC   лес-NOM
көст-ү-дүр-Ø
быть видимым-PR₃-3Sg
 ‘За аалом виднеется / виднелся лес’ [ЕБМ: 76].
- (133) Дунмамның шилип алганы ак аьды оларның аразында агараң-
 най-дыр
 дунма-м-ның   [шили-п   ал-ган-ы]   ак
 брат-POSS/1Sg-GEN   [выбирать-CV₂   V-PP-POSS/3Sg]   белый

аъд-ы-Ø	олар-нын	аразында
конь-POSS/3Sg-NOM	они-GEN	среди
аг-ар-аңна-й-дыр-Ø		
белый-VBLZ-M-PR₃-3Sg		

‘Белый конь, которого выбрал мой брат, мелькает / мелькал среди них’ [ЕБМ: 74].

Форму на *-а-дыр* во всех ее употреблениях в 3-м лице можно заменить формами прошедшего времени на *-ды* и *-ган* с уточнениями ее семантики «я это слышал» при сенсорном восприятии или «я это видел» при визуальном восприятии действия. Также при переводе на русский язык примеров на форму на *-а-дыр* приемлемо использование формы прошедшего времени с приведенными уточнениями ее семантики.

3. Употребление формы на *-а-дыр* в 1-м и 2-м лице наблюдается в разговорной речи и текстах художественной литературы (в прямой речи и повествовании от 1-го лица) с глаголами интеллектуального действия: *бода-* ‘думать’, *сагын-* ‘помнить’, *таны-* ‘знать, узнать’, *кузе-* ‘хотеть’ и глаголами, выражающими внутренние физические (боль, голод, чувство холода и т. п.) и психические ощущения. Такие значения зафиксированы в некоторых языках мира и в специальной литературе называются эндофорическими [Плунгян 2011: 469]. Примеров употребления формы на *-а-дыр* в указанном значении в художественной литературе встретилось всего 3% (20 из 632 примеров). Из них наиболее часто встречается глагол *бода-* ‘думать’.

- (134) *Мен даарта кожуун кирейн деп бодай-дыр мен*
 мен-Ø даарта кожуун-Ø кир-ейн
 я-NOM завтра район-NOM ехать-IMP/1Sg
 де-п **бода-й-дыр** 1Sg
 говорить-CV₂ думать-PR₃ мен
 ‘Я думаю, поеду-ка я завтра в район’ [Сур2: 58].

- (135) *...Хемчиктиң дүну өске кандыг-даа черлерге дөмейлешпес деп бодай-дыр мен*
 Хемчик-тиң дүн-ү-Ø өске кандыг-даа
 Хемчик-GEN ночь-POSS/3Sg-NOM другой какой-PTCL
 чер-лер-ге дөмей-ле-ш-пес-Ø
 место-PL-DAT похожий-VBLZ-REC-NEG/FUT₁-3Sg

деп **бода-й-дыр** мен
 так **думать-PR₃** 1Sg
 ‘...я думаю, что ночь Хемчика не похожа на все другие места’ [XM: 8].

(136) *Мээң бажым дээскининип, кускум кели-дир*
 мэ-эң баж-ым-Ø дээскин-ип
 я-GEN голова-POSS/1Sg-NOM кружиться-CV₂
куску-м-Ø **кел-и-дир-Ø**
 рвота-POSS/1Sg-NOM **приходить-PR₃-3Sg**
 ‘У меня кружится голова, тошнит’ [ИЗ].

В примерах (134)—(136) представлено описание повествователем-субъектом (говорящим-субъектом) (1-е лицо) своего собственного ментального (примеры 134, 135) и физического ощущений — состояний, доступных только ему на уровне внутренних ощущений. В случаях употребления с субъектом во 2-м и 3-м лице форма на *-а-дыр* употребляется в вопросах о внутренних ощущениях самого субъекта, которые не могут быть известны говорящему (пример 137), или в высказываниях, не претендующих на знание говорящего о внутреннем состоянии субъекта (примеры 138, 139).

(137) *Сен чүү деп бодай-дыр сен?*
 сен-Ø чүү деп **бода-й-дыр** сен
 ты-NOM что так **думать-PR₃** 2Sg
 ‘Что ты (по этому поводу) думаешь?’ [Cүр2: 55].

(138) *Чүнү-ле күзей-дир сен, доозазын кылып бээр мен*
 чү-нү-ле **күзе-й-дир** сен дооза-зы-н
 что-ACC-PTCL **хотеть-PR₃** 2Sg все-POSS/3Sg-ACC
 [кыл-ып бэ-эр] мен
 [делать-CV₂ V-FUT₁] 1Sg
 ‘Все, что ты захочешь (пожелаешь), все сделаю’.

(139) *Чүнү чиксей-дир сен?*
 чү-нү **чи-ксе-й-дир** сен
 что-ACC **есть-OPT-PR₃** 2Sg
 ‘Что ты бы хотел съесть?’ [A].

(140) *Чүң аарый-дыр?*
 чү-ң **аары-й-дыр-Ø**
 что-GEN **болеть-PR₃-3Sg**
 ‘Что у тебя болит?’ [A].

Примечательно, что форма на *-а-дыр* в указанном значении употребляется с остальными глаголами из этого ряда только в отрицательной форме на *-байн-дыр* (*-бейн-дир*, *-вайн-дыр*, *-вейн-дир*, *-майн-дыр*, *-мейн-дир*, *-пайн-дыр*, *-пейн-дир*):

1) с глаголами, выражающими внутренние психические ощущения и состояния субъекта:

(141) *Кажан, каяа дужуп чыткан улус боор бис. Чоп сагынмайн-дыр мен*

кажан	каяа	дуж-уп	чыт-кан	улус	боор
когда	где	встречаться-CV ₂	V-PP	люди	PTCL
бис	чоп	сагын-майн-дыр	мен		
2P ₁	почему	помнить-NEG/PR₃	1Sg		

‘Когда, где же мы встречались. Почему я не помню’ [НО ЭКТЯ].

(142) *Мени танывайн-дыр силер бе?*

мен-и	таны-вайн-дыр	силер	бе
я-ACC	узнавать-NEG/PR₃	2Sg	Q

‘Вы меня не узнаете?’ [НО ЭКТЯ].

2) с глаголами, выражающими внутренние физические ощущения и состояния субъекта:

(143) — *Ээ! Мээң оглумнуң эрезин! Хокаларың доңмайн-дыр бе?*

— *Чо-ок, мырыңай доңмайн-дыр, ачай*

ээ	мэ-эң	огл-ум-нуң	эрезин	
эх	я-GEN	сын-POSS/1Sg-GEN	молодец	
хока-лар-ың-Ø		доң-майн-дыр-Ø		бе
ручка-PL-POSS/2Sg-NOM		мерзнуть-NEG/PR₃-3Sg		Q
чо-ок	мырыңай	доң-майн-дыр-Ø		ачай
нет	совсем	мерзнуть-NEG/PR₃-3Sg		отец

‘— Эх! Какой молодец, сынок! У тебя ручки не мерзнут?’

— Не-ет, совсем не мерзнут, отец’ [АТ: 52].

(144) *Буттарым мырыңай бастынмайн-дыр*

бут-тар-ым-Ø	мырыңай
нога-PL-POSS/1Sg-NOM	совсем

бас-тын-майн-дыр-Ø
ступать-RFL-NEG/PR₃-3P1

‘Я чувствую, что мои ноги совсем не могут ступать’ [ЗБ ЭКТЯ].

Таким образом, форма на *-а-дыр* передает значения прямой засвидетельствованности (эвиденциальности): 1) сенсорное вос-

приятие действия; 2) визуальное восприятие действия; 3) эндофорическое восприятие действия.

Первый тип значения формы на *-а-дыр* в зависимости от того, кто является субъектом действия — человек или не-человек — характеризуется двумя подтипами: 1) при субъекте человеке форма на *-а-дыр*, как правило, употребляется в прямой речи, оформляя ЛСГ глаголов речевой деятельности, в этом случае передается обобщенная семантика «сенсорное восприятие словесной информации»; 2) при субъекте не-человеке (животном или метафоризированном предмете) передается обобщенная семантика «сенсорное восприятие звука».

Таким образом, значение формы на *-а-дыр* составляют семантические компоненты: а) настоящее время; б) получение информации от прямых источников — прямая эвиденциальность: слуховое; визуальное и эндофорическое восприятие действия. Форма на *-а-дыр* зафиксирована преимущественно в тексте художественной литературы, она является особым средством художественного описания, и ее, видимо, можно рассматривать как нарративную. Данная форма имеет ограниченное употребление в речи современных носителей тувинского языка, притом что они знают ее семантику.

ВЫВОДЫ

Сфера настоящего времени в тувинском языке представлена тремя формами: $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$, $T_v-n V_{(бытия)}-ар$ и *-а-дыр*. Настоящее актуальное данного момента (МР) выражается формой $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$, но эта же форма может выражать и настоящее расширенное время, некоторую длительность действия, а также значение прямой эвиденциальности. Настоящее расширенное длительное время также передается формой $T_v-n V_{(бытия)}-ар$. Она выражает в 3-м лице ед. и мн. числа значение вневременного действия или значение косвенной эвиденциальности. В форме на *-а-дыр* аспектуальная семантика не проявляется, перекрываясь значением особой разновидности прямой эвиденциальности.

Поле значений и сфера употребления форм настоящего времени обобщены в таблице 6.

Форма настоящего времени на $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$ полисемантическая. В зависимости от стилевой направленности речи, сфер употреб-

ления, а также лексико-семантической принадлежности глаголов форма $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$ выражает: 1) действие, совпадающее с МР, осложненное семой прямой эвиденциальности; 2) настоящее актуальное время, не осложненное оттенком эвиденциальности; 3) будущее предположительное время; 4) нарративное прошедшее время. Основным является первое значение. Во втором и третьем значениях данная форма употребляется в разговорной речи.

Таблица 6. Система настоящего времени в тувинском языке

Ф	В	СМ	А	Э	У
$T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$	Наст. актуаль.	—	Длит.	Прям.	Разг. худ.
	*Наст. актуаль.	—	—	—	Разг.
	* Буд.	Предпол., экспрессивн.	—	—	Разг.
	*Наст. истор.	—	Длит.	—	Худ.
$T_v-n V_{(бытия)}-qr$	Наст. обычное	—	Длит.	—	Разг., офиц., публ.
	*Вневр.	—	Длит.	∅	Разг., научн., публ.
	*Наст.	—	∅	Косвен., презумптив.	Разг.
	*Категор. буд.	Обязательн.	∅	∅	Разг.
$-a-dыр$	Наст.	—	∅	Прям., сенсорное восприятие	(Нарратив)
		—	∅	Прям., визуальное восприятие	(Нарратив)
		—	∅	Прям., эндофорическое восприятие	(Нарратив)

Обозначения, используемые в таблице:

Ф — форма; В — время; СМ — значения субъективной модальности; А — аспектуальные значения; Э — эвиденциальные значения; У — употребление; прочерк — отсутствие признака; ∅ — нерелевантность признака; * — обозначение дополнительных значений.

Форма на $T_v-n V_{(бытия)}-ap$ имеет четыре значения: 1) настоящего обычного действия как констатация факта, характеризует действие как длительное, охватывающее некоторый отрезок прошедшего, включающее настоящее и МР, продолженное в будущем; 2) вневременного действия или состояния, при этом соотносённость с каким-либо определенным МР отсутствует; 3) неочевидного действия, выражает наличие действия в МР, актуализируется косвенная эвиденциальность — презумптив; 4) категорического будущего времени — обязательность и неизбежность совершения действия в будущем. Последние два значения реализуются в разговорной речи.

Форма на $-a-дыр$ передает значения прямой засвидетельствованности (эвиденциальности): восприятие слухом и визуально, а также на уровне внутренних ощущений и переживаний субъекта. Принимая во внимание тот факт, что форма на $-a-дыр$ преимущественно употребляется в текстах, а в речи современных носителей тувинского языка употребляется редко, мы предполагаем, что эта форма имеет тенденцию к переходу в нарративное употребление.

Несмотря на то что формы настоящего времени характеризуются комплексным значением, выделяются общие системообразующие значения: обозначение времени, совпадающего с МР или включающего МР; релевантность указания на источник получения сведений о действии (прямая эвиденциальность); формирование на базе форм настоящего времени выражения семантики вневременности; выражение аспектуальной семантики длительности.

Центром функционального поля настоящего времени является форма на $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$, которая отличается преобладанием значения времени (над другими семантическими компонентами значения), высокой частотностью употребления. Также активной в языке является форма на $T_v-n V_{(бытия)}-ap$. Форма на $-a-дыр$ имеет ограниченное употребление, обусловленное ее семантикой.

В системе настоящего времени тувинского языка дополнительные значения временных форм отражают межкатегориальные связи времени и аспекта, времени и эвиденциальности. Значения субъективной модальности в сфере настоящего времени не проявляются.

2.4. Система будущего времени

2.4.1. Форма будущего времени на *-р*

Форма на *-р*, восходящая к древней форме на *-р*, функционирует в системе глагола во всех тюркских языках. В древних языках форма на *-ur* была основной формой плана непрошедшего и поэтому могла выражать в зависимости от контекста и значение настоящего, и значение будущего времени.

В современных тюркских языках эту форму называют «настоящим-будущим временем», «будущим неопределенным», «будущим первым», «будущим временем на *-ар*». В большинстве южносибирских тюркских языков форма на *-р* употребляется в значении будущего немаркированного времени, в юго-западных тюркских языках она является формой будущего предположительно-возможного времени, тогда как будущее обязательное выражается формой на *-аджак*. В якутском языке за формой на *-ар* закрепились функции настоящего времени в 3-м лице. Формально совпадает с ней форма прошедшего незаконченного времени, которая восходит к аналитической форме на *-ар этэ*, в последующем второй компонент *эт* выпал, дав синтетическую форму на *-ар* прошедшего времени [ЯМ 1997: 521].

В тувинском языке основной функцией формы на *-р* является передача значения будущего времени. Также она сохраняет за собой возможность передавать значения настоящего расширенного времени и вневременного действия. Форма на *-р* называется «келир үе» («будущее время»), в ГТЯ принято название этой формы — «настоящее-будущее время» [ГТЯ 1961: 386].

Значения и употребление формы на *-р*

Форма на *-р* употребляется в фонетических вариантах *-ар*, *-ыр*, *-ур*, *-эр*, *-ир*, *-үр*. Отрицательной формой выступает форма на *-бас* (*-бес*, *-вас*, *-вес*, *-пас*, *-пес*, *-мас*, *-мес*). Ср.:

- (145) Суурнуң чурттакчылары чайын малын... тайгаладырлар
 суур-нуң чурттакчы-лар-ы-Ø чайын мал-ы-н
 село-GEN житель-PL-POSS/3Sg-NOM летом скот-POSS/3Sg-ACC
 тайга-ла-д-ыр-лар
 тайга-VBLZ-CAUS-FUT₁-3P₁
 ‘Жители села будут летом пасти скот в тайге’ [ЭД: 13].

- (146) *Суурнуң чурттакчылары чайын малын... тайгалатпастар*
 суур-нуң чурттакчы-лар-ы-Ø чайын мал-ы-н
 село-GEN житель-PL-POSS/3Sg-NOM летом скот-POSS/3Sg-ACC
 тайга-ла-т-**пас**-тар
 тайга-VBLZ-CAUS-NEG/FUT₁-3P₁
 ‘Жители села не будут летом пасти скот в тайге’.

Форма будущего времени на *-р* является полисемантической и выражает следующие значения:

1. Значение будущего немаркированного времени — действие мыслится в будущем времени без дополнительных значений косвенной модальности и значений обязательности / не-обязательности.

- (147) — *Ынчаарга, чоруур ышкажыл силер? — Ийе, сиген белеткели шуудай бээрге, чоруур бис*
 ынчаарга чору-ур ышкажыл силер ийе
 тогда уезжать-FUT₁ PTCL 2P₁ да
 сиген-Ø белетке-л-и-Ø [шууда-й
 сено-NOM готовить-NOMNLZ-POSS/3Sg-NOM [наладиться-CV₁
 бэ-эр-ге] чору-ур бис
 V-PF₁-DAT] уезжать-FUT₁ 1P₁
 ‘— Тогда, значит, вы поедете? — Да, когда покос пойдет на лад, поедем’ [ДЗ: 63].

- (148) *Бо чагааны номчааш, Булаттың дугайында шуптузун биллип алып силер*
 бо чагаа-ны номча-аш Булат-тың дугайында
 это письмо-ACC читать-CV₃ Булат-GEN о
 шупту-зу-н [бил-ип ал-ыр] силер
 все-POSS/3Sg-ACC [знать-CV₂ V-FUT₁] 2P₁
 ‘Прочитав это письмо, узнаете все о Булат’ [ДЗ: 48].

Значение немаркированного будущего времени, выражаемого формой на *-р*, может уточняться лексическими конкретизаторами — наречиями *ам* ‘теперь, сейчас, в настоящее время’, *эртен*, *даарта* ‘завтра’, *оон / моон сонгаар* ‘от того времени / отныне’, *удатпас* ‘скоро’, *соң-даарта / соонда* ‘потом’ или конкретным указанием даты действия или события.

- (149) *Ам шайлаар бис*
 ам шай-ла-ар бис
 сейчас чай-VBLZ-FUT₁ 1P₁
 ‘Сейчас будем пить чай’ [ДЗ: 54].

- (150) *Сээң сооңдан августта чеде бээр мен*
 сэ-эн со-оң-дан август-га
 ты-GEN задняя сторона-POSS/2Sg-ABL август-LOC
 [чед-е бэ-эр] мен
 [достигать-CV₁ V-FUT₁] 1Sg
 ‘За тобой я приеду в августе’ [УХ4 1994: 71].
- (151) *Карантин март 25-те төнөр. Уруглар садтары болгаш школалар ажылдап эгелээр*
 карантин-Ø март чээрби беш-те
 карантин-NOM март двадцать пять-LOC
 төн-ер-Ø уруг-лар-Ø
 заканчиваться-FUT₁-3Sg ребенок-PL-NOM
 сад-гар-ы-Ø болгаш школа-лар-Ø
 сад-PL-POSS/3Sg-NOM и школа-PL-NOM
 [ажыл-да-п эгелэ-эр-Ø]
 [работа-VBLZ-CV₂ начинать-FUT₁-3Sg]
 ‘25 марта карантин закончится. Детские сады и школы начнут работать’ [Из телесообщения].

В указанном значении форма на *-р* имеет широкое употребление в разных сферах — разговорной и официальной речи, художественном описании, публицистике.

2. При субъекте во 2-м лице ед. и мн. числа форма на *-р* регулярно приобретает императивную семантику и используется в наставлениях, просьбах или повелениях. Большую роль здесь играет интонация.

- (152) *Чеди хондур ажылдааш, чоруур сен*
 чеди хон-дур ажыл-да-аш чору-ур сен
 семь ночевать-ADV работа-VBLZ-CV₃ уезжать-FUT₁ 2Sg
 ‘После того как отработаешь семь дней, поедешь’ [УХ2 1994: 115].
- (153) *Сүттү үргүлчү ижиртир силер, ол ижиртирде, суг-биле холуп бээр силер*
 сүт-тү үргүлчү иж-ирт-ир силер
 молоко-ACC постоянно пить-CAUS-FUT₁ 2PI
 ол иж-ирт-ир-де суг-биле [холуп-п
 тот пить-CAUS-PF₁-LOC вода-INSTR [смешивать-CV₂
 бэ-эр] силер
 давать-FUT₁] 2PI
 ‘Молоко всегда будете давать пить, когда будете давать, водой разбавляйте’ [УХ2 1994: 115].

- (154) ...*мону Салбакай дуңмаң сугларга аппарып бээр силер көрөм*
 мо-ну Салбакай дуңма-ң суг-лар-га
 это-ACC Салбакай сестра-POSS/2Sg другие-PL-DAT
 [аппар-ып бэ-эр] **силер** көрөм
 [относить-CV₂ V-FUT₁] **2PI** пожалуйста
 ‘...это отнесите, пожалуйста, сестренке Салбакай и другим
 (детям)’ [ДЗ: 61].

Значение императива формы на *-р* возникает при субъекте во 2-м лице ед. и мн. числа в разговорной речи.

3. Значение настоящего *обычного* времени — действие происходит не только в МР, а охватывает более или менее обширный, в зависимости от контекста, отрезок прошлого и предполагает его продолжение в будущем. В зависимости от характера протекания действия форма на *-р* в значении настоящего обычного времени имеет следующие семантические оттенки:

1) форма на *-ар* передает «точечные», обычно повторяющиеся в настоящем времени действия — значение настоящего обычного времени осложнено значением итератива.

- (155) *Пат-ла шагзырап, аштай бергеиш, чанып кээрлер*
 пат-ла шагзыра-п [ашта-й бер-геиш]
 сильно-PTCL уставать-CV₂ [голодать-CV₁ V-CV₃]
 [чан-ып кэ-эр-лер]
 [возвращаться-CV₂ V-FUT₁-3PI]
 ‘Когда сильно устанут и проголодаются, (дети) домой приходят’ [ДЗ: 66].

В этом значении форма на *-р* часто употребляется с лексическими конкретизаторами *черле* ‘обычно’, *кезээде, даады* ‘всегда, все время’, *болганчок-ла, бо-ла* ‘часто, то и дело’ и т. п.

- (156) *Дажы-Намчалдың дүне турары чаңчыл: ийи-бир черле турар, кажсаа-хораазын хынап көөр*
 Дажы-Намчал-дың дүне тур-ар-ы
 Дажы-Намчал-GEN ночью вставать-PF₁-POSS/3Sg
 чаңчыл-Ø ийи-бир черле тур-ар-Ø
 привычка-NOM два-один обязательно вставать-FUT₁-3Sg
 кажсаа-хораа-зы-н [хына-п кө-өр-Ø]
 загон-POSS/3Sg-ACC [проверять-CV₂ V-FUT₁-3Sg]
 ‘Вставать ночью — привычка для Дажы-Намчал: обязательно один-два раза встанет, проверит загон’ [КН: 3].

(157) *Хертеш Хертековичиниң база бир ылгалдыг чүвези бар, ол чүл дээрге, даады папирос тыртар*

Хертеш Хертековичи-ниң	база	бир	ылгалдыг
Хертеш Хертекович-GEN	еще	один	отличительный
чүве-зи-Ø	бар	ол	чүл дэ-эр-ге
вещь-POSS/3Sg-NOM	есть	это	что говорить-PF ₁ -DAT
даады папирос-Ø	тырт- ар -Ø		
всегда папиросы-NOM	курить-FUT ₁ -3Sg		

‘У Хертеша Хертековича есть еще одна отличительная черта, это то, что он всегда курит папиросы’ [УХ2, 1994: 66].

(158) *Сарыгбай бажыңыңга шоолуг орбас, ылаңгыя кечжээлерде орай кээр*

Сарыгбай-Ø	бажың-ын-га	шоолуг
Сарыгбай-NOM	дом-POSS/3Sg-DAT	почти
ор- бас -Ø	ылаңгыя	кечжээ-лер-де орай
сидеть-NEG/FUT ₁ -3Sg	особенно	вечер-PL-LOC поздно
кэ-эр-Ø		
приходить-FUT ₁ -3Sg		

‘Сарыгбай почти не сидит дома, особенно по вечерам приходит поздно’ [КО: 43].

2) предикаты в форме на *-ар* с семантикой интеллектуального действия *бил-* ‘знать’ (сюда же можно отнести глагол *таны-* ‘знать, быть знакомым’), эмоционального состояния *сезин-* ‘бояться’, *кайга-*, *соңуурга-* ‘удивляться’, *муңгара-* ‘грустить’ и т. д., бытия *чуртта-* ‘жить’, возрастного состояния человека и животного, в отличие от приведенного выше значения итератива, характеризуют действия как непрерывное длительное состояние субъекта на каком-либо отрезке времени.

(159) *Херек чок черге сөс этпес деп мени билир сен*

херек	чок	чер-ге	сөс-Ø	
нужный	нет	место-DAT	слово-NOM	
эт-пес-Ø		деп	мен-и	бил-ир сен
издавать-NEG/FUT ₁ -3Sg	так	я-ACC	знать-FUT₁	2Sg

‘Я слов на ветер не бросаю, ты знаешь это’ [ДЗ: 41].

(160) *Олар эки таныжарлар*

о-лар	эки	таны-ж-ар -лар
он-PL	хорошо	быть знакомым-REC-FUT₁ -3Pl

‘Они хорошо друг друга знают’ [КО: 81].

- (161) *Ынчангаш өөрлери ону хүндүлээр, кайы-хамаанчок олче чүве чугаалавастар, ооң шириин шырайындан сестирлер*
 ынчангаш өөр-лер-и-Ø о-ну
 поэтому друзья-PL-POSS/3Sg-NOM он-ACC
хүндүлэ-эр-Ø кайы-хамаанчок ол-че чүве-Ø
уважать-FUT₁-3PI как попало он-LAT что-NOM
 чугаа-ла-ваc-тар о-оң шириин
 разговор-VBLZ-NEG/FUT₁-3PI он-GEN серьезный
 шырай-ын-дан **сест-ир-лер**
 лицо-POSS/3Sg-ABL **побаиваться-FUT₁-3PI**
 ‘Поэтому друзья его уважают, что попало ему не говорят, побаиваются его серьезного выражения лица’ [УХ4 1994: 25].

Передача настоящего обычного времени формы на *-р*, осложненного значением итератива и значением непрерывного длительного состояния субъекта, употребляется в разговорной речи, публицистике и художественной литературе.

4. Форма на *-р* передает значение *вневременного действия* в ситуациях, когда субъектом действия выступает некое обобщенное генерализованное лицо: естественный класс (люди, животные, птицы), а также природные явления, объекты (ветер, мороз, река) и вещества (вода, ртуть) [Смирнов 2008: 212]. В этом случае действия (состояния) обобщенного лица отражают его свойства, характеристику, правила и нормы его существования.

- (162) *Кадарчылар сыгыр даң бажында, чер чырыыры-биле турар*
 кадарчы-лар-Ø сыгыр даң бажында
 скотовод-PL-NOM рано утром
 чер-Ø чырыыры-ы-биле тур-ар-Ø
 земля-NOM светать-POSS/3Sg-INSTR вставать-FUT₁-3PI
 ‘Скотоводы встают рано утром с рассветом’ [КО: 65].
- (163) *Тывага кыжын соок -50 чедэ бээр*
 Тыва-га кыжын соок-Ø казыыр бежен
 Тува-DAT зимой мороз-NOM минус пятьдесят
 [чед-е бэ-эр-Ø]
 [достигать-CV₁ V-FUT₁-3Sg]
 ‘В Туве зимой мороз достигает -50 градусов’.
- (164) *Суг 100 °C турда хайныр*
 суг-Ø чүс градус Цельсий тур-да
 вода-NOM сто градусов по Цельсию быть-LOC

хайн-ыр-Ø
 кипеть-FUT₁-3Sg
 ‘Вода кипит при 100 °C’.

Обобщенность ситуаций проявляется также в предписаниях, правилах, инструкциях, описаниях маршрутов следования и т. п.:

(165) *Маңаа ажылдаар кижии эмчиден шынзылга алыр*

маңаа	ажыл-да-ар	кижи-Ø	эмчи-ден
здесь	работа-VBLZ-PF ₁	человек-NOM	врач-ABL
шынзылга-Ø	ал-ыр-Ø		
справка-NOM	братъ-FUT ₁ -3Sg		

‘Тот, кто будет работать здесь, получает от врача справку’ [УХ2 1994: 55].

(166) *Моон автобустааши, садыг дужунга дүжүп каар. Оон кылаштаар*

моон	автобус-га-аш	садыг-Ø
отсюда	автобус-VBLZ-CV ₃	магазин-NOM
дуж-ун-га		[дуж-үп
противоположная сторона-POSS/3Sg-DAT		[выходить-CV ₂
ка-ар-Ø]	оон кылашта-ар-Ø	
V-FUT ₁ -3Sg]	затем ийти-FUT ₁ -3Sg	

‘Отсюда сев на автобус, напротив магазина сходят. Затем идут пешком’.

Наибольшая степень абстрагированности от временной отнесенности — обобщенность ситуаций и постоянных закономерностей — наблюдается при употреблении формы на *-р* в пословицах и поговорках (см. примеры (167), (168)); в описаниях традиционных обычаев, ритуалов (см. примеры (169), (170)) — «истинах в последней инстанции»:

(167) *Аалга кирген кижии аяк эриши ызырар, арга кирген кижии саат дайнаар*

аал-га	кир-ген	кижи-Ø	аяк-Ø
аал-DAT	заходить-PP	человек-NOM	пиала-NOM
эри-и-Ø		ызыр-ар-Ø	арга-Ø
край-POSS/3Sg-NOM		кусать-FUT ₁ -3Sg	лес-NOM
кир-ген	кижи-Ø	саат-Ø	дайна-ар-Ø
заходить-PP	человек-NOM	смола-NOM	жевать-FUT ₁ -3Sg

‘Зашедший в юрту чай пьет, пошедший в лес смолку жуёт’.

- (168) *Элезинниг ховуну хат доюлдурар, эрбенниг сөстү хопчу тарадыр*
 элезин-ниг хову-ну хат-Ø
 песок-POSSV степь-ACC ветер-NOM
 доюлдур-ар-Ø эрбенниг сөс-тү
 поднимать-FUT₁-3Sg нехороший слово-ACC
 хопчу-Ø тарад-ыр-Ø
 сплетник-NOM распространять-FUT₁-3Sg
 ‘Песок в степи ветер поднимает, плохие слова сплетник распространяет’.

- (169) *Кым-даа кижиг кымның-даа өөнге кире бээр*
 кым-даа кижиг-Ø кым-ның-даа
 кто-PTCL человек-NOM кто-GEN-PTCL
 ө-өн-ге [кир-е бэ-эр-Ø]
 юрта-POSS/3Sg-DAT [заходить-CV₁ V-FUT₁-3Sg]
 ‘Всякий (человек) в юрту любого заходит’ [КО: 118].

- (170) *Йөрээлде кижиг чер ээзинге дилеглиг көрүнгенде, Дээр база ооң чырыткызы Ай биле Хүннү кыйгырар*
 йөрээл-де кижиг-Ø чер-Ø
 благопожелание-LOC человек-NOM земля-NOM
 ээ-зин-ге дилег-лиг
 хозяин-POSS/3Sg-DAT просьба-POSSV
 көр-үн-ген-де Дээр-Ø база о-оң
 смотреть-REC-PP-LOC Небо-NOM и он-GEN
 чырыткы-зы Ай-Ø биле Хүн-ну
 светило-POSS/3Sg Луна-NOM и солнце-ACC
 кыйгыр-ар-Ø
 звать-FUT₁-3Sg
 ‘В благопожеланиях, когда обращаются с просьбой к хозяину земли, зовут Небо и два его светила, Солнце и Луну’ [УХ2 1994: 140].

В значении настоящего расширенного времени и вневременного действия определяется не время какого-то отдельного действия, а некоторый неопределенный период широкого настоящего, охватывающий возможные реализации данной нелокализованной во времени (не прикрепленной лишь к какому-то одному моменту) ситуации. В зависимости от степени обобщенности смысла высказывания этот период может быть так или иначе ограниченным или не ограниченным какими-либо рамками (при «вневременности»). В этот период всегда вовлекаются сферы прошлого и потенциально-

го будущего, но в центре «вневременности» находится неопределенная центральная зона широкого (не связанного специально с моментом речи) настоящего» [ТФГ 1990: 20].

В значении вневременного действия форма на *-р* употребляется в разговорной речи, художественной литературе, научных описаниях, фольклоре, официальных документах, публицистике.

5. Форма на *-р* употребляется в значении прошедшего исторического времени в рассказе о прошлом, когда реально произошедшие действия образно представляются так, как будто они происходят на глазах говорящего.

(171) *Ол хун соок боорга-ла ындыг турган боор, кудумчуларда ынай-бээр аргышкан хөй кижилер-даа чок... ында-хаая аар, чиик машиналар-ла эрте халыткылаар*

ол	хүн-Ø	соок	бо-ор-га-ла
тот	день-NOM	холодный	быть-PF ₁ -DAT-PTCL
ындыг	тур-ган-Ø	боор	кудумчу-лар-да
такой	быть-PAST ₂ -3Sg	наверное	улица-PL-LOC
ынай-бээр	аргыш-кан	хөй	кижи-лер-даа-Ø
туда-сюда	связываться-PP	много	человек-PL-PTCL-NOM
чок	ында-хаая аар	чиик	машина-лар-ла-Ø
нет	редко	тяжелый	легкий
			машина-PL-PTCL-NOM

[эрте халы-т-кыла-ар-Ø]

[мимо проезжать-CAUS-FREQ-FUT₁-3Pl]

‘Оттого, что тот день был холодным, наверное, так было: на улице не было много людей, ходящих взад-вперед... только иногда проезжали грузовые и легковые автомашины’ [КО: 95].

(172) *Олар, харын, аалдарга кээрге, «хлеб» деп быжырын каан борбак далганнар эккээр*

о-лар-Ø	харын	аал-дар-га	кэ-эр-де
он-PL-NOM	PTCL	аал-PL-DAT	приходить-PF ₁ -LOC
хлеб	де-п	[быжыр-ып	ка-ан] борбак
хлеб	называть-CV ₂	[печь-CV ₂	V-PP] круглый
далган-нар-Ø		эккэ-эр-Ø	
лепешка-PL-NOM		приносить-FUT ₁ -3Pl	

‘Они, когда приходили в аалы, приносили круглые печеные лепешки, которые назывались «Хлеб»’ [УХ4 1994: 58].

Значение прошедшего исторического времени формы на *-р* проявляется в рассказах о прошлом в художественной литературе.

Форма на *-р* в тувинском языке выражает следующие пять значений: 1) будущее немаркированное время; 2) императив (при субъекте во 2-м лице ед. и мн. числа); 3) настоящее обычное время; 4) вневременное действие; 5) прошедшее историческое время в рассказах о прошлом. Основное значение формы на *-р* — выражение немаркированного будущего времени. Дополнительные модальные оттенки волеизъявления, повеления появляются во 2-м лице. Аспектуальное значение длительности обнаруживается при употреблении формы на *-р* в значении настоящего обычного времени; эвиденциальные значения не проявляются.

2.4.2. Форма будущего времени на *-галак*

В сфере будущего времени в тувинском языке выделяется своей особой семантикой форма на *-галак*. Кроме тувинского языка эта глагольная форма распространена в сибирских тюркских языках, тувинском (*-галак*), алтайском (*-калак*), хакасском (*-халах*), шорском (*-калак*), якутском (*-а илик*), в диалектах чулымских и барабинских татар (*-калак*) [ЯМ 1997; Коркина 1970: 258]. За пределами Сибири она зафиксирована в киргизском (*-а елек*), ичкинском говоре и говорах сафакульских и краснуфимских татар, татарском говоре западных районов Башкирии [Абдуллаев 1982: 52; Юсупов 1985: 39], а также в языке фуюйских киргизов в Китае [Erdal 2004].

Очевидно, что данная форма по своей структуре является сложной и существует несколько различных мнений исследователей по поводу ее природы. Одни считают форму на *-галак* трехкомпонентной, другие — двухкомпонентной.

И. Бенцинг возводил форму на *-галак* к аналитической конструкции **ган + элэ + йок*, где *элэ* — усилительная частица. Использование частицы отрицания *йок* в глагольных формах встречается как вторичное причастное образование в древнеуйгурском [Убрятова 1985: 29], в диалектах татарского языка [Юсупов 1985: 300], поэтому это не такое редкое явление в тюркских языках.

Другими исследователями вычленяются два структурных компонента: 1) *qal-* + *-aq* (*qal* — десемантизированный вспомогательный глагол ‘оставаться, сохраняться, прекращаться’; *aq* — аффикс желательного наклонения) [Тенишев, Бирюкович

1985]; 2) *-г* + *элек* / *илик* (*-г* — именной аффикс, *элек* / *илик* — частица) [Сат 1959: 80]; 3) сочетание показателя древнего причастия на *-гу* в южносибирских тюркских языках / в якутском и киргизском языках — деепричастия на *-а* [Щербак 1981] с аффиксом словообразования *-лу* [Юсупов 1985: 39] или с частицей *элек* / *илик* [Орузбаева 1955: 50; Монгуш 1959: 90]: *-гу* + *-лу*, *-а* + *-лу*, *-гу* + *элек* / *илик*, *-а* *элек* / *илик*. Из всех приведенных этимологий очевидна только последняя. В якутском и киргизском два компонента формы не синтезировались и функционируют в качестве аналитических форм на *-а илик* и *-а элек* соответственно, тогда как в южносибирских она синтезировалась: *-гу* + *элек* > *-гулек* > *-галак*.

Форма на *-галак* / *-а илик* семантически и структурно связана с причастными формами на *-аа-гүй-дэ* и *-аа-дүй-дэ* в монгольских языках со значением несовершившегося действия (последняя дополнительно выражает уверенное ожидание совершения действия) [Скрибник 1988: 63]. Первым компонентом в монгольских формах выступает причастие настоящего (прошедшего незаконченного) времени, вторым — имя-отрицание с семантикой ‘еще не’. В калмыцком языке причастная форма сменилась на деепричастную. Как видим, эта структурная схема присутствует и в тюркских формах, где первый компонент — деепричастие на *-а* в якутском и киргизском языках либо причастие на *-гу* или *-ыг* или *-ган*. Второй компонент восходит к частице *элек* (< *-(э)ле + йок*), которая имеет значение ‘еще не’ [Широбокова 2002: 231].

Поэтому

можно принять гипотезу о возникновении этой формы в зоне контакта монгольских языков с тюркскими. Источником этой формы в тюркских языках Сибири, скорее всего, является древнекиргизский язык, так как именно киргизский язык дает достаточно данных для непротиворечивой этимологии этой формы (наличие модальной частицы *елек*) [Там же: 226, 227].

Форма на *-галак* (*-а илик* / *элек*) в современных тюркских языках является полифункциональной. В киргизском языке называют эту форму «причастием еще не совершившегося действия», т. е. которое не произошло, однако должно в скором будущем осуществиться [Абдуллаев 1982: 96]. Такое же значение выражают «глагольное имя несовершенного вида» в алтайском и «форма несовершенного действия» в шорском [Дыренкова 1940: 153; 1941: 135], «формой

прошедшего еще не осуществленного действия» называется эта форма в хакасском языке [ГХЯ 1975: 220]. В якутском языке форма на *-а илик* выделяется как отдельное «наклонение еще не совершившегося действия» [Коркина 1970: 247].

В барабинском диалекте форма на *-уалак(та)* когда-то выражала признак предмета по ожидаемому, но не осуществившемуся действию. В настоящее время атрибутивное значение этой формы уже утеряно и служит основой для образования будущего ожидаемого времени, которое хотя и прочно вошло в сферу глагольного спряжения, но имеет весьма ограниченное употребление [Юсупов 1985: 81].

Выборка примеров на употребление формы на *-галак* в тувинском языке показала, что в 70 % (191 примеров из 274) случаев она оформляет зависимый предикат в полипредикативных конструкциях (ППК) обстоятельственно-временной семантики, сочетаясь с формой местного падежа (*-галакта(-ла)*)¹¹ либо выступая формой основного глагола в аналитических формах (*T_v-галак V_(бытия)-да / -гаиш / -а*)¹², в которых она выражает близкое предшествование действию, выраженному основным глаголом. 18 % (50 из 274) примеров употребления пришлось на атрибутивную функцию. Интересующая нас финитная функция формы на *-галак* как одна из форм будущего времени пришлось только в 12 % (33 из 274) примеров.

Когда форма на *-галак* оформляет зависимый предикат в ППК, указывается время совершения основного действия, как его временной фон.

Эти конструкции выражают, с одной стороны, одновременность того момента, когда данное событие еще ожидается (но не произошло), и события главной части. С другой же стороны, в них заключено значение предшествования события главной части этому событию, когда оно действительно произойдет [Шамина 2001: 140]:

(173) *Аъттыг кижиги ажыт киргелекте, үш-даа боолардым*

аът-тыг	кижи-Ø	[ажыт
конт-POSSV	человек-NOM	[скрытно

¹¹ Форма на *-галакта(-ла)* < *-галак* + форма местного падежа *-та* (+ частица *-ла*).

¹² АК *T_v-галак V_(бытия)* принимает формы *-да / -гаиш / -а* (*-да* — форма местного падежа, *-гаиш* и *-а* — формы деепричастий), которые выполняют функцию связи частей ППК.

кир-гелек-ге] үш-даа боо-ла-ды-м
 V-PF₂-LOC] три-PTCL ружье-VBLZ-PAST₁-1Sg
 ‘Когда всадник еще не скрылся из виду (вот-вот должен был
 скрыться из виду), я выстрелил около трех раз’ [АТ: 406].

- (174) ...чаа бызаанчызын ханага аскалак чорда, ону кый дей бергеннер
 чаа бызаанчы-зын хана-га
 новый бызаанчы-POSS/3Sg-ACC стена-DAT
 [ас-калак чор-да-Ø] он-у [кый де-й
 [вешать-PF₂ V-LOC-3Sg] он-ACC [звать-CV₁
 бер-ген-нер]
 V-PAST₂-3PI]
 ‘...когда он еще не успел (вот-вот должен был) повесить свой
 новый бызаанчы на стену, его начали звать’ [Т ЭКТЯ].

В атрибутивной функции форма на *-галак* выражает признак объекта по его состоянию, близкому к завершению длительного действия в будущем.

- (175) ...чаа 18 хар четкелек аныяк оол... шуглуп үнгеш, бүгү чонну
 шуут-ла кайгаткан...
 чаа он сес хар-Ø чет-келек
 только десять восемь лет-NOM достигать-PF₂
 аныяк оол-Ø [шүглү-п үн-геш]
 молодой парень-NOM [победить-CV₂ V-CV₃]
 бүгү чон-ну шуут-ла кайга-т-кан-Ø
 весь народ-ACC PTCL удивлять-CAUS-PAST₂-3Sg
 ‘...молодой парень, которому вот-вот исполнится 18 лет, победив
 в национальной борьбе, удивил весь народ’ [X ЭКТЯ].

- (176) Хат... кургаалак шык өдек-даа чыдын эккеп турган
 хат-Ø курга-алак шык өдек-даа
 ветер-NOM сохнуть-PF₂ влажный кизяк-PTCL
 чыд-ы-н [эkk-еп тур-ган-Ø]
 запах-POSS/3Sg-ACC [приносить-CV₂ V-PAST₂-3Sg]
 ‘Ветер доносил и дух влажных подсыхающих (еще до конца не
 подсохших) кизяков’ [ХЫ: 388].

Исследователями высказывается три различных мнения относительно значения формы на *-галак* в финитной функции. Они считают, что эта форма обозначает: 1. «Еще не совершившееся действие» в якутском языке. 2. «Действие, которое еще не произошло, однако должно в скором будущем осуществиться», в киргизском, алтайском, хакасском и шорском языках. По мнению

Ш. Ч. Сата, такое же значение выражает и тувинская форма на *-галак* [Сат 1955: 693]. 3. «Действие, совершение которого ожидается в МР». Эту точку зрения развивает Д. А. Монгуш и рассматривает ее как форму будущего ожидаемого времени [Монгуш 1959: 89]. Вслед за ним принято считать форму на *-галак* одной из форм будущего времени [ГТЯ 1961: 389].

В современном тувинском языке форма на *-галак* употребляется ограниченно в языке художественной литературы, как художественный прием при описании природных явлений, в речи она практически не используется.

Значения и употребление формы на *-галак*

Из всех примеров формы на *-галак* в финитной функции в нашей выборке 63 % (20 примеров из 33) составляют описания природы, где передается состояние природных объектов в момент перехода из одного качества в другое; в 21 % (7 примеров из 33) — речь идет о возрасте человека (вот-вот исполнится столько-то лет); 16 % (5 примеров из 33) — о занятиях в традиционном хозяйстве тувинцев, которые совершаются обязательно в определенное время года, суток:

1) выражение состояния природных объектов в момент перехода из одного качества в другое:

(177) *Ыяш бурүзү дүшкен, бораңгай, куруг күс. Хар чаггалак. Сында хар көстүр*

ыяш-Ø	бүрү-зү-Ø	дүш-кен-Ø
дерево-NOM	лист-POSS/3Sg-NOM	падать-PAST ₂ -3Sg
бораңгай	куруг	күс-Ø
серый	пустой	осень-NOM
чаг-галак-Ø	сын-да	снег-NOM
идти-FUT ₂ -3Sg	хребет-LOC	снег-NOM
көст-үр-Ø		
виднеться-FUT ₁ -3Sg		

‘Опали листья деревьев, серая, пустынная осень. Снег вот-вот пойдет. На хребте виден снег’ [ХЫ: 177].

2) возраст человека «Вот-вот исполнится... лет»:

(178) *Кыстай он-тосче кир-гелек*

Кыстай-Ø	он-тос-че	кир-гелек-Ø
Кыстай-NOM	девятнадцать-LAT	входить-FUT ₂ -3Sg

‘Кыстай вот-вот исполнится девятнадцать лет’.

3) занятия в традиционном хозяйстве, совершаемые в определенное время:

- (179) *Кадарчылар малын одарже үндүргелек*
 кадарчы-лар-Ø мал-ы-н одар-же
 пастух-PL-NOM скот-POSS/3Sg-ACC пастбище-LAT
 үндүр-гелек-Ø
 выпускать-FUT₂-3Pl
 ‘Пастухи вот-вот выпустят скот на пастбище’ [АТЛД: 176].

Значение формы на *-галак* является сложным, совмещающим временные и аспектуальные компоненты. Этой формой выражается длительное действие (процесс), начавшееся и направленное на достижение полной реализации в ближайшем будущем времени. При этом МР локализуется между началом и концом действия (процесса). Иными словами, значение формы на *-галак* охватывает подготовительную фазу к окончанию действия или перехода объекта в новое состояние, ожидаемое в МР, определяемое в лингвистике как перспектив.

- (180) *Тос айның бир чаазы билдиртпейн чеде хонуп келген. Күскү ажыл-иш шыпкаргалак*
 тос ай-ның бир чаа-зы-Ø
 девять месяц-GEN один четверть-POSS/3Sg-NOM
 бил-дир-т-пейн [чед-е хон-уп
 знать-CAUS-CAUS-NEG/CV [приблизиться-CV₁ V-CV₂
 кел-ген-Ø] күскү ажыл-иш-Ø шыпкар-галак-Ø
 V-PAST₂-3Sg] осенний работа-NOM начинаться-FUT₂-3Sg
 ‘Незаметно настала первая четверть сентября. Вот-вот начнутся осенние работы’ [Т ЭКТЯ].

- (181) *Хүн дурту узаан, чылыы кончуг. Чечек, бүрү чазылгалак*
 хүн-Ø дурт-у-Ø уза-ан-Ø
 солнце-NOM длина-POSS/3Sg-NOM удлиняться-PAST₂-3Sg
 чылы-ы кончуг чечек-Ø бүрү-Ø
 тепло-POSS/3Sg очень цветы-NOM листья-NOM
 чаз-ыл-галак-Ø
 распускаться-PASS-FUT₂-3Pl
 ‘Долгота дня увеличилась, очень тепло. Цветы и листья вот-вот распустятся.’

- (182) *Акым аалынга келиримге, тараазын чулуп дооскан. Бастырарын дооскалак...*

акы-м-Ø	аал-ын-га
брат-POSS/1Sg-NOM	стойбище-POSS/3Sg-DAT
кел-ир-им-ге	тараа-зы-н
приежать-PF ₁ -POSS/1Sg-DAT	зерно-POSS/3Sg-ACC
[чул-уп	доос-кан-Ø]
[рвать-CV ₂	заканчивать-PAST ₂ -3Sg]
бас-гыр-ар-ы-н	доос-калак-Ø
давить-CAUS-PF ₁ -POSS/3Sg-ACC	заканчивать-FUT ₂ -3Sg

‘Когда я приехал на стойбище брата, (они) зерно убрали. Вот-вот закончат жатву’ [АТ: 353].

Некоторые контексты допускают актуализацию значения несовершенности — говорящий подчеркивает несовершенство действия, но его ожидание в будущем сохраняется. Таких примеров в литературе встретилось меньше.

(183) *Бозага артаала каш хонгалак, а аксындан эдип турары кайы-хире-дир!*

бозага-Ø	арта-ала	каш	хон-галак-Ø
порог-NOM	переступить-CV ₄	несколько	ночевать-FUT ₂ -3Sg
а	акс-ын-дан	[эд-ип	
а	рот-POSS/3Sg-ABL	[издавать звук-CV ₂	
тур-ар-ы]	кайы-хире-дир		
V-PF ₁ -POSS/3Sg]	сколькo-PTCL		

‘Как переступила порог, несколько дней не прошло, а ведь уже что говорит!’ [ХЫ: 361].

С целью уточнения релевантных компонентов значения формы на *-галак* нами был проведен эксперимент: информантам, носителям тувинского языка, были даны предложения с финитной формой на *-галак* (пример 184) и предложено заменить форму на *-галак* другими глагольными формами и неглагольными языковыми средствами без изменения смысла данных предложений. В результате финитная форма на *-галак* была трансформирована в 4 типичные конструкции. Рассмотрим пример трансформации одного из предложений:

(184) *Чодураа чечээ чазылгалак*

чодураа-Ø	чечэ-э-Ø
черемуха-NOM	цветок-POSS/3Sg-NOM
чаз-ыл-галак-Ø	
распускать-PASS-FUT ₂ -3PI	

‘Цветки черемухи вот-вот распустятся’.

Результаты эксперимента оказались следующими:

47 % участников эксперимента заменили форму на *-галак* аналитической конструкцией со значением намерения T_v -*ар де-* в форме настоящего времени на T_v -*n V* (*бытия*)-*ар*:

- (185) *Чодураа чечээ частыр деп турар*
 чодураа- $\emptyset$ чечэ-э- $\emptyset$
 черемуха-NOM цветок-POSS/3Sg-NOM
 [час-т-**ыр** де-п **тур-ар- $\emptyset$**]
 [распускать-PASS-PF₁ V-CV₂ V-PR₂-3PI]
 ‘Цветки черемухи намереваются (находятся в состоянии) вот-вот распуститься’.

19 % опрошенных заменили форму на *-галак* субстантивированным глаголом в сочетании со служебным именем *кыр-* ‘грань’ в местном падеже:

- (186) *Чодураа чечээ частырының кырында*
 чодураа- $\emptyset$ чечэ-э- $\emptyset$
 черемуха-NOM цветок-POSS/3Sg-NOM
 час-т-**ыр-ы-ның**
 распускать-PASS-PF₁-POSS/3Sg-GEN
кыр-ын-да- $\emptyset$
грань-POSS/3Sg-LOC-3PI
 ‘Цветки черемухи на грани расцвета’.

19 % заменили аналитической формой глагола T_v -*ар чыга-*, где смысловой глагол T_v в форме причастия на *-ар*, а вспомогательный глагол от полнозначного глагола *чыга-* ‘приближаться, подходить’ в форме прошедшего времени на *-ган*:

- (187) *Чодураа чечээ частыр чыгаан*
 чодураа- $\emptyset$ чечэ-э- $\emptyset$
 черемуха-NOM цветок-POSS/3Sg-NOM
 [час-т-**ыр** **чыга-ан- $\emptyset$**]
 [распускать-PASS-PF₁ **приближаться-PAST₂-3PI**]
 ‘Цветки черемухи приблизились к расцвету.’

15 % информантов заменили отрицательной формой прошедшего времени на *-ган* в отрицательной форме в сочетании с временным наречием *амдызында* ‘пока, в данное время’:

(188) Чодураа чечээ амдызында чазылбаан.

чодураа-Ø	чечэ-э-Ø	амдызында
черемуха-NOM	цветок-POSS/3Sg-NOM	пока
чаз-ыл-ба-ан-Ø		
распускаться-PASS-NEG-PAST ₂ -3Pl		
‘Цветки черемухи пока не распустились’.		

Сравнение семантических компонентов формы на *-галак* и пяти типов ее трансформаций представлены в таблице 7.

Анализ этих трансформаций подтверждает то, что форма на *-галак* может обозначать не само действие и не время его совершения, а некоторое *промежуточное состояние* объекта при переходе из одного качества в другое. Говорящий стремится уловить этот момент и зафиксировать в речи. В большинстве случаев (см. первые три варианта трансформаций) значение формы на *-галак* указывает на ориентированность действия (состояния) в будущее. В данном случае выражаемое формой на *-галак* значение может быть охарактеризовано как *проспектив*, связанный с планом будущего времени — обозначение некоторой ситуации, предшествующей будущей и показывающей движение развития ситуации по направлению к ней [Плунгян 2011: 385, 386].

Четвертый вид трансформации был использован меньшим числом участников эксперимента, он связан со значением прошедшего времени и представляет собой особый тип развития ситуации, при котором существует предпосылка и ожидание ее совершения, но на МР ситуация еще не реализована (значения «ещё не»).

Таким образом, значение формы на *-галак* в тувинском языке связано, с одной стороны, с будущим временем (положительным исходом развития ситуации в будущем), с другой — с прошедшим (утверждением о несовершении действия в прошедшем). При этом временная соотнесенность значения состояния слабая, но в целом выдерживается внутренняя направленность действия на будущее: объект находится в состоянии, близком к переходу в другое состояние, причем наступление ситуации является обязательным независимо от воли субъекта (природного объекта, человека). Конкурирующие значения будущего времени и проспектива в семантике тувинской формы на *-галак* составляют ее комплексную семантику.

Таблица 7. Семантические компоненты формы на *-галак* и ее трансформаций

Исходный пример и его типы трансформаций	Ближайшее время состояния*	Компоненты значения формы на <i>-галак</i> и ее трансформаций			
		достижение положительного исхода	обязательное	ожидание	статичность**
Исходный пример <i>Чодураа чечээ чазыл-галак</i> 'Цветки черемухи вот-вот распустятся'.	Буд.	+	+	+	+
1-й тип <i>Чодураа чечээ част-ыр деп тур-ар</i> 'Цветки черемухи находятся в состоянии вот-вот распуститься'.	+	+	+	+	+
2-й тип <i>Чодураа чечээ частыр-ы-ның кыр-ын-да</i> 'Цветки черемухи на грани расцвета'.	+	+	+	+	+
3-й тип <i>Чодураа чечээ част-ыр чыга-ан</i> 'Цветки черемухи приблизились к моменту расцвета'.	+	+	+	+	+
4-й тип <i>Чодураа чечээ амдызында чазыл-ба-ан</i> 'Цветки черемухи пока, в данное время, сейчас не распустились'.	±	0	0	+	+

Символы, используемые в таблице:

+ — наличие признака; ± — перфектное значение, контактное с настоящим временем; 0 — немаркированность значения.

В тувинской литературе хотя и очень редко, но встречается употребление формы на *-баалак*, которая некоторыми исследователями трактуется как отрицательная форма *-галак*. Впервые за-

* Под «ближайшим временем» понимается место на временной оси, ближайшее к тому или иному времени состояния объекта, иначе говоря, состояние объекта далекое / близкое к переходу в другое качество в будущем или недавний / давний выход данного объекта из прежнего качества в прошедшем.

** Здесь фиксируется один момент (точка) в стадии перехода от одного качества к другому.

фиксировали и описали форму на *-баалак* Л. А. Шамина и М. И. Черемисина. Проанализировав и сравнив обе формы, они пришли к выводу, что между формами есть существенное различие: «форма на *-баалак* представляет действие как еще не начавшееся совершаться, а форма на *-галак* — как действие, захваченное в самом начале реализации» [Шамина, Черемисина 1982: 68].

При помощи информантов мы предприняли попытку проверить семантику формы на *-баалак*. Анкеты включали примеры с формой на *-баалак* и искусственные пары к ним с формой на *-галак*. Информантам было предложено объяснить разницу этих примеров при помощи других языковых средств. Например:

(189) *Оон шай безин хайындырым четпээлекте, кужур Саванды Сенек*

унунда аалдарда...чоруп турар

оон	шай-Ø	безин	хайын-дыр-ым
затем	чай-NOM	даже	кипеть-CAUS-NOMLZ

чет-пээлек-те	кужур	Саванды-Ø
достигать-NEG/PF ₂ -LOC	дорогой	Саванды-NOM

Сенек-Ø	ун-ун-да	аал-дар-да
Сенек-NOM	вдоль-POSS/3Sg-LOC	аал-PL-LOC

[чор-уп	турар-Ø]	
[ездить-CV ₂	V-PR ₂ -3Sg]	

‘Затем не успеет и чай вскипеть, дорогой Саванды уже ездит по аалам вдоль реки Сенек’ [ККМ ЭКТЯ].

В примере (189) описываемая в предложении ситуация такова: в зависимой части при помощи форм *-баалак-та* и *-галак-та* обозначается время, когда вскипает чай, через которое Саванды уже успевает добраться к аалам, находящимся на берегу реки Сенек.

Итак, информант должен был ответить на вопрос «Через какое время добирается до места Саванды в случае с *-баалак-та* и в случае с *-галак-та*?». От информантов были получены следующие пары ответов (мы выбрали наиболее типичные семь пар) (см. таблицу 8):

Следующий пример:

(190) *Өлүрткен куш черге дүшпээлекте, ыт олче шурай берген*

өлүрткен	куш-Ø	чер-ге
убитый	птица-GEN	земля-DAT
дүш-пээлек-те	ыт-Ø	ол-че
падать-NEG/PF ₂ -LOC	собака-NOM	он-LAT

[шура-й бер-ген-Ø]
 [прыгать-CV₁ V-PAST₂-3Sg]
 ‘Когда убитая птица еще не упала на землю, собака бросилась на нее’
 (Пример из [Шамина, Черемисина 1982: 68]).

Таблица 8. Временная дистанция в семантике форм *-баалак-та* и *-галак-та*

<i>Оон шай безин хайындырым чет-пээлек-те, күжүр Саванды Сенек унунда аалдарда... чоруп турар</i>	<i>Оон шай безин хайындырым чет-келек-те, күжүр Саванды Сенек унунда аалдарда... чоруп турар</i>
а) <i>Шай суу чаа-ла изип келген</i> ‘Вода только нагрелась’.	а) <i>Шай хайныр чедип келген</i> ‘Подшло время окончания варки’.
б) <i>25 минут хире болган</i> ‘Прошло около 25 минут’.	б) <i>20 минут болган</i> ‘Прошло 20 минут’.
в) <i>Шай хайныр деп барган</i> ; букв. ‘Чай чуть не вскипел’.	в) <i>Шай арай хайынмаан</i> ‘Чай чуть не вскипел’ или <i>Шай хайнырының кырында</i> ; букв. ‘Чай на грани кипения’.
г) <i>Хайныры ам-даа элек</i> ‘Еще рано до кипения’.	г) <i>Ам бичии болгаиш болур</i> ‘Через короткий отрезок времени будет готов’.
д) <i>Хайныры ам-даа четпээн</i> ‘Еще не подошло время для кипения’.	д) <i>Хайныр чеде берген</i> ‘Подшло время кипения’.
е) <i>Арай четпейн турар</i> ‘Немножко не подошло’.	е) <i>Хайныры болдунар деп турар</i> ; букв. ‘Кипение хочет наступить’.
ж) <i>Хайныры арай элек</i> ‘Немножко не вскипело’.	ж) <i>Хайныр чедер деп барган</i> ; букв. ‘Достигло времени вскипеть’.

Описываемая в примере (190) ситуация такова: охотник застрелил птицу, она падает на землю, в это время на нее бросается собака. Информант должен ответить на вопрос: «В какой фазе падения птицы бросилась собака за птицей?» Ниже (в таблице 9) приводятся наиболее типичные пары ответов, данные нашими информантами.

Следующая предложенная нами анкета — рисунок, на котором изображено солнце, в различных фазах восхода, фазы эти пронумерованы. Внизу рисунка даются предполагаемые названия этих фаз. Информантам предлагалось выбрать соответствующие названия номера фаз и поставить соответствующие цифры рядом с фразами. Фазы, названия которых не приведены на рисунке,

можно было не нумеровать. Информанты могли предложить свои названия фаз. (Данный рисунок был с некоторыми изменениями заимствован из [Шамина, Черемисина 1982: 61].) Мы получили два варианта ответов (см. таблицу 10). Ответов первого варианта больше (19), чем второго (9), были и такие информанты, которые не видели разницы между этими формами.

Таблица 9. Определение фазы наступления действия в семантике форм *-баалак-та* и *-галак-та*

Өлүрткен куш черге <i>дүш-пээлекте</i> , ыт олче шурай берген.	Өлүрткен куш черге <i>дүш-келекте</i> , ыт олче шурай берген.
а) <i>Арай дүшээн</i> 'Чуть не упала'.	а) <i>Дүжер деп барган</i> ; букв. 'Намеревается упасть.'
б) <i>Дүжери эрте</i> 'До падения рано'.	б) <i>Кылдыныг дораан болу бээр апарган</i> 'Было так, что действие скоро совершится'.
в) <i>Арай-ла дүшээн, бичии элек</i> 'Чуть не упал, немножко рано'.	в) <i>Дүжериң кырында келген</i> ; букв. 'Птица была на грани падения.'
г) <i>Арай өрү</i> 'Чуть наверху'.	г) <i>Мырыңай чоокиулап келген</i> 'Совсем приблизилась к земле'.
д) <i>Агаарда бадыт олурар</i> 'Падает ввоздухе'.	д) <i>Черде дүжер деп барган</i> ; букв. 'Прямо намеревается упасть'.
е) рисунок: земля	е) рисунок: земля

Рисунок 1. Фазы восхода солнца

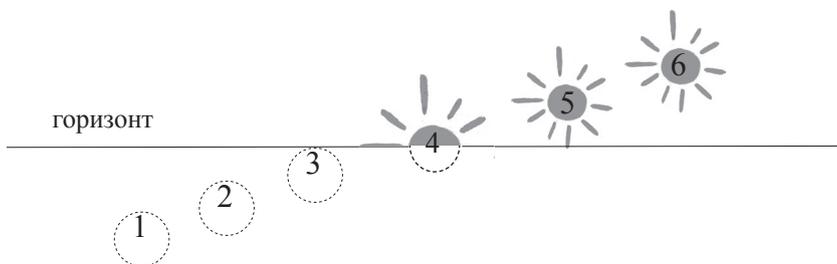

Таблица 10. Варианты ответов на предложенные ситуации на рисунке 1

Ситуации	Первый вариант	Второй вариант
<i>Хүн өрүлөп келген</i> ‘Солнце поднялось’.	6	6
<i>Хүн бакылап келген</i> ‘Солнце выглянуло’.	4	4
<i>Хүн үн-мээлек</i> ‘Солнце еще не взошло’.	2	3
<i>Хүн үн-гелек</i> ‘Солнце вот-вот взойдет’.	3	2
<i>Хүн үнмээн</i> ‘Солнце не взошло’.	1	1
<i>Хүн үнүп келген</i> ‘Солнце взошло’.	5	5

Результаты анкетирования подтвердили предположение Л. А. Шаминой и М. И. Черемисиной, что форма на *-баалак* не является отрицательным вариантом *-галак* [Шамина, Черемисина 1982]. Эти формы выражают различные моменты времени: *-галак* — ближе к МР, к совершению действия, *-баалак* — дальше отстоит от МР. Или же: *-галак* выражает время, близкое к переходу в новое состояние (качество), и давний выход из прежнего состояния; *-баалак* — дальнейшее отстояние к переходу в новое качество и, соответственно, близкое от момента выхода из прежнего состояния.

Форма на *-галак* выражает целый комплекс значений. Главным значением все же остается временное — значение ближайшего будущего категорического времени. Здесь довольно активно и аспектуальное значение — значение длительности, линейной аспектуальности (перспектива), а также выражается модальное значение ожидания положительного исхода действия. Предпосылки для этого наблюдаемы говорящим. Форму на *-баалак* нужно рассматривать как самостоятельную форму. Мы допускаем, что эта форма выражает прошедшее-будущее время, со сложным аспектуальным значением длительности, включающей и перспектив; также в ней присутствует и модальность ожидания.

ВЫВОДЫ

План будущего в тувинском языке представлен двумя простыми финитными формами на *-р*, *-галак*. Поле значений форм будущего времени представлено в таблице (см. таблицу 11).

Таблица 11. Система будущего времени в тувинском языке

Ф	В	ВД	СМ	А	Э	У
<i>-р</i>	Буд.	—	—	∅	∅	Разг. худ., офиц., публ.
	*∅	—	Императив	∅	∅	Разг. речь.
	*Наст. обычное	—	—	Итератив, длит.	∅	Разг. речь, худ., публ.
	*Наст. расш.	—	—	—	∅	Разг. речь, худ., науч., офиц., публ., фольк.
	*Прош.	—	—	∅	∅	Худ.
<i>-галак</i>	Буд.	Ближ.	Ожидание	Длит., перспектив	Прямая	Худ.
	*Прош.	—	Ожидание	Длит.	—	Худ.

Обозначения, используемые в таблице: Ф — форма; В — время; ВД — временная дистанция; СМ — значения субъективной модальности; А — аспектуальные значения; Э — эвиденциальные значения; У — употребление; прочерк — отсутствие признака; ∅ — нерелевантность признака; * — обозначение дополнительных значений.

Основной формой в поле будущего времени является форма на *-р*. Главным значением формы на *-р* является выражение значения будущего времени, дополнительные значения: значение императива (во 2-м лице); значение настоящего времени (настоящее обычное и расширенное настоящее); переносное употребление в значении прошедшего времени; употребление в значении настоящего времени (обычного, расширенного). В последних двух значениях появляется аспектуальное значение длительности.

В модальном отношении форма на *-р* нейтральна, тогда как форма на *-галак* осложнена модальным значением ожидания.

При описании значения формы *-галак* впервые сделана тотальная выборка примеров на эту форму и применен метод компонентного анализа, который позволил наиболее полно представить семантическую структуру данной формы. Эта форма обозначает, видимо, не столько действие, сколько переходное состояние объекта из одного качества в другое. Говорящий, фиксируя, наблюдая объект в этом состоянии, ожидает совершения действия (в семантике присутствует ожидание положительного результата действия). Поэтому мы можем говорить не столько о временном значении, сколько об ожидании, причем действие обязательно, неизбежно независимо от воли говорящего. Здесь охватывается срединная фаза этого состояния и присутствует аспектуальное значение длительности и направленности на предел.

Специфическое значение формы на *-галак* требует особого контекста, поэтому в современном языке эта форма употребляется в основном в художественной литературе в описаниях природы для придания описанию определенного колорита, в разговорной речи же она встречается очень редко, практически выходя из употребления.

Форма на *-галак* обладает, кроме временного значения, субъективной модальностью ожидания, аспектуальным значением проспектива. Также присутствует в МР значение засвидетельствованности предпосылок совершения будущего действия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Временная система в современном тувинском языке представляет собой сложную организацию взаимодействующих функциональных (структурно-семантических) полей, единицы которых связаны между собой также внутренними семантическими взаимоотношениями. Во временную систему тувинского языка включаются десять финитных форм, распределенных по трем временным планам.

Прошедшее время представлено формами на *-ды*, *-ган*, *-чык*, *-п-тыр*, *-бышаан*. План настоящего выражается тремя формами: *T_v-п V_(бытия)-Ø*, *T_v-п V_(бытия)-ар*, *-а-дыр*. В плане будущего времени выделяется две формы: *-р*, *-галак*. Единица функционального поля времени — финитная глагольная форма, включает комплекс значений времени, эвиденциальности, аспектуальности, модальности, где категориально определяющим значением является временное значение. Таким образом, все временные формы обладают сложными комплексами значений и различаются сферой употребления (см. таблицу 12).

Форма на *-ды* выражает действие, которое имело место до МР, было засвидетельствовано, наблюдаемо говорящим: *Автобус чедип кел-ди* ‘Автобус приехал (я видел)’.

Форма на *-ган* выступает как прошедшее немаркированное время, с определенной группой глаголов передает значение перфекта: *Автобус чедип кел-ген* ‘Автобус приехал’. В зависимости от конкретной ситуации значение, выраженное в данном примере, может рассматриваться как результат (автобус уже здесь) или как констатация факта совершения действия до МР.

Эмоционально и модально окрашенная форма на *-чык* выражает засвидетельствованное, в высшей степени достоверное подчеркнутое утверждение (подтверждение, напоминание о прошлом действии): *Автобус дем-не чедип кел-чик* ‘Автобус ведь давно приехал (я это видел)’.

Таблица 12. Семантические компоненты временных форм в тувинском языке и сферы их употребления

ВП	Формы	Семантические компоненты				Сферы употребления
		В	А	Э	СМ	
Прошедшее	-ды	×	∅	+	-	Разг., худ.
	-ган	×	+	∅	-	Разг., книж., офиц.
	-чык	×	∅	+	+	Разг., сцен.
	-п-тыр	×	+	+	-	Разг., фольк.
	-бышаан	×	+	∅	-	Разг., худ.
Настоящее	$T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$	×	+	+	-	Разг., худ..
	$T_v-n V_{(бытия)}-ар$	×	+	+	-	Разг., худ., офиц.
	-а-дыр	×	+	+	-	Разг., худ.
Будущее	-ар	×	∅	∅	-	Разг., худ., офиц.
	-галак	×	+	+	-	Ограниченно: разг., худ.

Обозначения, используемые в таблице: ВП — временной план; В — время; СМ — значения субъективной модальности; А — аспектуальные значения; Э — эвиденциальные значения; + — наличие признака; прочерк — отсутствие признака; × — данный признак является определяющим; ∅ — нерелевантность признака.

Формой на *-п-тыр* передается значение перфекта, осложненного значением миратива — неожиданно обнаруженного результата: *Автобус чедип кээ-п-тир* 'Автобус приехал, оказывается'. Она также выступает как форма пересказывательности: *Ашак-даа аьтангаиш, чоруп ка-ап-тыр* 'А старик, сев на коня, поехал'.

Форма на *-бышаан* выражает длительное действие, начавшееся в прошлом и продолжающееся в МР (*Ол чолаачыла-вышаан* 'Он все еще работает водителем'), а также она может выражать значение отсутствия результата действия к МР (*Бажың туттунмушаан* 'Дом всё ещё строится').

В плане прошедшего времени кроме основного значения, временного, выражаются дополнительные значения: прямой

эвиденциальности (*-ды, -чык*); миратива и косвенной эвиденциальности (пересказывательности) (*-п-тыр*); длительности (*-бышаан*), значение результата и перфекта (*-ган, -п-тыр*). Относительно немаркированной является форма на *-ган*. Все формы прошедшего времени употребляются в разговорной речи, помимо этого некоторые из них специализируются по употреблению в других сферах: сценической речи (*-чык*); повествовательных жанрах фольклора (*-п-тыр*); в прямой речи и повествованиях от 1-го лица (*-ды*). Самое широкое употребление обнаруживает форма на *-ган*, функционирующая в художественной литературе, публицистике, научной литературе, официально-деловой речи и переписке.

Форма $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$ выражает значение настоящего актуального времени и обладает дополнительными семантическими компонентами значения — длительностью и прямой эвиденциальностью: *Чаъс ча-ап тур* ‘Идет дождь (я вижу сейчас)’.

Формой на $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset-ap$ передается значение общего настоящего времени — действия, совершающегося постоянно, регулярно, всегда: *Хоорайже автобус чоруп турар* ‘В город (регулярно) ездит автобус’.

Форма на *-а-дыр* передает действия, происходящие в МР, воспринимаемые говорящим сенсорно, визуально или внутренними ощущениями: *Уруг ырла-й-дыр* ‘Девочка поет (где-то, я слышу)’; *Автобус кэст-ү-дүр* ‘Автобус показался (вдалеке)’; *Бажым дээскин-е-дир* ‘У меня кружится голова’.

Формы настоящего времени осложнены дополнительными значениями длительности. В форме настоящего актуального действия на $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$ действие представляется менее длительным, чем в форме на $T_v-n V_{(бытия)}-ap$. В значении формы на $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$ присутствует сема прямой эвиденциальности — прямого наблюдения за действием. В форме на *-а-дыр* аспектуальная семантика не проявляется. Формы настоящего времени употребляются в разговорной речи и художественной литературе, публицистике. В официальном языке употребляется форма на $T_v-n V_{(бытия)}-ap$. Основной формой в поле настоящего времени является форма на $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$.

Форма на *-р* выражает будущее немаркированное время: *Хоорайже эртен чоруур мен* ‘Завтра я поеду в город’. Дополнительно выражает широкое настоящее (обычное) время и вневременное действие.

Форма на *-галак* передает некоторое состояние субъекта, по которому видны предпосылки предстоящего в ближайшем будущем события (действия), аспектуальное значение проспектива и значение ближайшего будущего времени: *Хун ун-гелек* ‘Солнце вот-вот взойдет (я вижу, как озарилось небо)’.

Основной формой будущего времени выступает форма на *-р*, обладающая широкой семантикой и употребительностью. Форма на *-галак* в силу своего специфического значения употребляется редко и только в определенном контексте. В современном языке она выходит из употребления.

Таким образом, в семантическом отношении во временной системе находят выражение аспектуальные компоненты: результатив (*-ган*, *-п-тыр*), маркированность отсутствия результата (*-бышаан*), проспектив (*-галак*), длительность (*-бышаан*, T_v -*n* $V_{(бытия)}$ -*ар*, *-галак*). Форма на *-бышаан* выражает неопредельную длительность, связывая сферу прошедшего с настоящим; форма на T_v -*n* $V_{(бытия)}$ -*ар* передает неопредельное длительное действие в настоящем; форма на *-галак* — предельное длительное действие, включающее сложное сочетание аспектуальных значений — срединной фазы и конца действия, связывая настоящее время с будущим.

Выявлены формы, включающие сему эвиденциальности. Прямая эвиденциальность (визуальное восприятие) передается формами на *-ды*, *-чык*, T_v -*n* $V_{(бытия)}$ - $\emptyset$, *-галак*; форма на *-а-дыр* выражает слуховое, визуальное и эндофорическое восприятие действия. Косвенная эвиденциальность выражается формами: T_v -*n* $V_{(бытия)}$ -*ар* (в 3-м лице) (презумптив); *-п-тыр* (пересказывательность), предположение о совершении действия по наличному результату).

Компонентом значения субъективной модальности (значением подчеркнутой утвердительности) и эмоциональности обладает только одна форма прошедшего времени на *-чык*.

Преобладание временной семантики во всей совокупности рассмотренных форм позволяет называть эту систему временной. Центр функционального поля времени составляют глагольные финитные формы с преобладающим значением времени, отличающиеся высокой частотностью употребления и нейтральные в отношении стилистического употребления в современном тувинском языке. Таковыми являются формы на *-р* и *-ган*, а также вторичная форма настоящего времени на T_v -*n* $V_{(бытия)}$ - $\emptyset$.

Несмотря на комплексный характер грамматического значения временных полей, для каждого поля времени выделяются общие значения, являющиеся релевантными на данном этапе (см. таблицу 13).

Таблица 13. Дополнительные релевантные значения в системе времени тувинского языка и их реализация во временных полях

Дополнительные релевантные значения в системе времени тувинского языка	Временные поля
Выражение указания на прямой источник получения сведений о действии (прямая эвиденциальность)	Прошедшее, настоящее
Указание на косвенный источник получения сведений о действии (косвенная эвиденциальность)	Прошедшее
Соответствие / несоответствие ожиданиям говорящего (миратив)	Прошедшее
Достижение / отсутствие результата, направленность на предел	Прошедшее, будущее
Длительность	Прошедшее, настоящее, будущее
Эмоциональность и субъективная модальность	Прошедшее

Дополнительные значения, обнаруживаемые в комплексной семантике форм времени в тувинском языке, отражают межкатегориальные связи: времени и эвиденциальности, времени и аспекта и, в меньшей степени, времени и субъективной модальности. В плане прошедшего времени реализуются все три указанные связи. В плане настоящего времени: время и эвиденциальность, время и аспектуальность. В плане будущего времени — только одна: время и аспектуальность.

Функционирование членов временной парадигмы отражает тенденции развития системы времени в современном тувинском языке. В рассмотренной временной системе прочную позицию занимают активные формы на *-ган*, *-ды*, T_v -н $V_{(бытия)}$ -Ø, T_v -н $V_{(бытия)}$ -ар и -р, реализующие нейтральные значения в отношении дополнительных характеристик, кроме формы на *-ды*, выражающей значение прямой эвиденциальности. Выходят из

активного употребления такие формы, как *-а-дыр*, *-галак*, имеют ограниченное употребление в силу своих значений формы на *-чык*, *-п-тыр* и *-бышаан*. Мы допускаем предположение, что на данном этапе развития тувинского языка имеется тенденция к упрощению временной системы.

В рассмотрении временной системы тувинского языка в историческом ракурсе отражается сложная история ее формирования. В ней представлены общетюркские формы (*-ды*, *-р*), древние огузские реликты (*-бышаан* < *-мыш* + *шаг-ын*), древнеуйгурские формы (*-чык*), а также формы кыпчакского типа (*-ган*, *-п-тыр*, *-а-дыр*, T_v -п $V_{(бытия)}$ -Ø, T_v -п $V_{(бытия)}$ -ар), формы, не находящие параллелей за пределами сибирского ареала, и связанного с ними киргизского языка (*-галак*). Это говорит о том, что на формирование временной системы тувинского языка в разное время оказали влияние как древние языки орхонского типа, так и древние огузские и уйгурские, а также кыпчакские языки.

Форма на *-бышаан*, которая связывает тувинский язык (также тофский) с орхонским языковым типом, сохраняется на периферии временной системы. Также форма на *-чык*, отражающая признак взаимодействия тувинского, хакасского, тофского языков с древнеуйгурским языком, имеет ограниченное употребление в современном языке. Наиболее многочисленными в тувинской временной системе являются кыпчакские формы. Поэтому синхронно глагольная система тувинского языка сближается с кыпчакскими языками. Это формы на *-ган*, аналитические и восходящие к аналитическим формы T_v -п $V_{(бытия)}$ -Ø, T_v -п $V_{(бытия)}$ -ар, *-п-тыр*, *-а-дыр*. Кыпчакские элементы принесены в тувинский язык древним киргизским языком [Убрятова 1985]. Этот древний язык также привнес и форму на *-галак*, которая обнаруживается в современных сибирских тюркских языках и киргизском.

Формы, восходящие к древним кыпчакским, являются наиболее поздними в системе тувинского языка. Но и их проникновение в тувинскую временную систему происходило, видимо, в разные хронологические промежутки. Мы предполагаем, что ранее других форм во временную систему тувинского языка вошли формы *-галак*, *-п-тыр*, *-а-дыр*, подвергшиеся большей синтезации и существующие на периферии временной системы тувинского языка.

Поздними являются аналитические формы, образованные на базе формы деепричастия *-n* и вспомогательных глаголов *тур-*, *чор-*, *олур-*, *чит-*. Среди этих вспомогательных глаголов *тур-* является наиболее десемантизованным и обладающим наиболее абстрактным значением, поэтому он больше всех грамматикализировался, после него стоит *чор-*, затем *олур-* и на последнем месте — *чит-*, который больше всех остальных вспомогательных глаголов сохраняет свою исходную семантику ‘лежать’¹³.

Таким образом, центр временной системы тувинского языка занимают общетюркские и восходящие к древним кыпчакским формы, выражающие наиболее ярко грамматическое значение времени, менее осложненные дополнительными невременными компонентами значения и являющиеся активными в употреблении в современном тувинском языке.

---

¹³ В пользу того, что глагол *чит-* позже остальных бытийных глаголов втянулся в систему времени тувинского языка, говорит еще то, что он не образует древней формы настоящего времени на *-у* и не имеет «нулевой» формы настоящего времени, а также *чит-* образует формы настоящего времени по иному принципу, по сравнению с другими бытийными глаголами. См. п. 2.3.1, 2.3.2.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев 1982 — *Абдуллаев С. Н.* Причастие еще не совершившегося действия // Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982. С. 96—110.
- Ахундов 1961 — *Ахундов А. А.* Фе'лин заманлары. Баку, 1961.
- Бабушкин 1959 — *Бабушкин Г. Ф.* О значениях и синтаксических функциях деепричастий в тувинском языке // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1959. Вып. VII. С. 93—105.
- Баджанлы 2005 — *Баджанлы Э.* Категория эвиденциальности в турецком языке в функционально-семантическом аспекте (в сопоставлении с алтайским языком). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Байыр-оол 2014 — *Байыр-оол А. В.* О некоторых средствах выражения проспективной семантики в тувинском языке // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы VI Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием). Уфа, 2014. С. 16—19.
- Баскаков 1960 — *Баскаков Н. А.* Тюркские языки. М., 1960.
- Баскаков 1965 — *Баскаков Н. А.* Формы глагола на *-чых/-чик, -чу/-чу* в хакасском, тувинском, киргизском языках // Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965. С. 55—60.
- Баскаков 1968 — *Баскаков Н. А.* Категории наклонения и времени в тюркских языках // Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках (Материалы совещания). Баку, 1968. С. 9—15.
- Баскаков 1971 — *Баскаков Н. А.* О категории наклонения и времени // Структура и история тюркских языков. М., 1971. С. 72—80.
- Баскаков 1975 — *Баскаков Н. А.* Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков: Словосочетание и предложение. М., 1975.

- Баскаков 1979 — *Баскаков Н. А.* Историко-типологическая морфология тюркских языков: структура слова и механизм агглютинации. М., 1979.
- Баскаков 1981 — *Баскаков Н. А.* Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.
- Баскаков 1997 — *Баскаков Н. А.* Алтайский язык // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997. С. 179—194.
- Баскаков, Инкижекова-Грекул 1953 — *Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И.* Хакасско-русский словарь. М., 1953.
- Бирюкович 1980 — *Бирюкович Р. М.* Семантика и формы выражения способов глагольного действия // Советская тюркология. 1980. № 1. С. 68—77.
- Бирюкович 1981 — *Бирюкович Р. М.* Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. 2. Саратов, 1981.
- Биче-оол, Исхаков 1952 — *Биче-оол М. Д., Исхаков Ф. Г.* Тыва дылдын грамматиказы. 1 кезээ. Фонетика болгаш морфология. М., 1952.
- Бондарко 2005 — *Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005.
- Виноградов 1947 — *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
- Габдрахманова 2009 — *Габдрахманова А. С.* Грамматическая семантика и функциональные характеристики аспектуально-видовых форм глагола прошедшего времени в татарском, турецком и английском языках. Дисс. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2009.
- Гаджихмедов 1984 — *Гаджихмедов Н. Э.* Транспозиция и релятивное употребление настоящего-будущего времени кумыкского индикатива // УЗ ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Востоковедение. № 9. Вып. 25. Филол. исследования. Л., 1984. С. 33—42.
- Гаджиева 1968 — *Гаджиева Н. Э.* Соотношение категорий наклонения и времени в тюркских языках // Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках (Материалы совещания). Баку, 1968. С. 27—38.
- Гаджиева 1980 — *Гаджиева Н. Э.* О тенденциях в развитии морфологического строя тюркских языков // Советская тюркология. 1980. № 5. С. 3—15.

- Гаджиева 1986 — *Гаджиева Н. З.* О некоторых трудных вопросах методики изучения истории тюркских языков // *Turkologia-1986*. Л., 1986. С. 66—75.
- Гак 1986 — *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М., 1986.
- Ганиев 1963 — *Ганиев Ф. А.* Видовая характеристика глаголов татарского языка (Проблема глагольного вида в татарском языке). Казань, 1963.
- ГСБЛЯ 1981 — Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.
- ГТЯ 1961 — *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.
- ГХЯ 1975 — Грамматика хакасского языка. М., 1975.
- Григоренко 2011 — *Григоренко М. Ю.* Функционально-семантическое поле эвиденциальности в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2011.
- Грунина 1966 — *Грунина Э. А.* Соотношение форм настоящего и будущего времени по памятникам турецкого языка XIII—XVI вв. // *Вопросы тюркской филологии*. М., 1966. С. 74—105.
- Грунина 1976 — *Грунина Э. А.* К истории семантического развития перфекта на *-мыш* // *Советская тюркология*. 1976. № 1. С. 5—17.
- Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.
- Грунина 1996 — *Грунина Э. А.* К истории тюркской претемпоральной системы // *Symbolae Turcologicae. Festschrift in honour of Lars Johanson*. Vol. 6. Stockholm, 1996. S. 109—117.
- Грунина 2000 — *Грунина Э. А.* Об одной архаичной форме глагольной системы турецкого языка // *Вопросы тюркской филологии*. Вып. 4. Материалы Дмитриевских чтений. М., 2000. С. 35—46.
- Гузев 1988 — *Гузев В. Г.* О категории аспектуальности // *Советская тюркология*. 1988. № 1. С. 3—11.
- Гузев 1990 — *Гузев В. Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол. Л., 1990.
- Данилова и др. 2013 — *Данилова Н. И., Ефремов Н. Н., Самсонова Е. М.* Функционально-семантические категории в якутском языке: Каузативность. Эвиденциальность. Итеративность. Новосибирск, 2013.

- Джусупакматов 1983 — *Джусупакматов У.* Отношение киргизского языка к сибирским тюркским языкам (на материале форм прошедшего времени глагола). Фрунзе, 1983.
- Дмитриев 1948 — *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.
- Дмитриев 1962 — *Дмитриев Н. К.* Строй тюркских языков. М., 1962.
- Доржу 1984 — *Доржу Ч. М.* Древнеуйгурские элементы в современном тувинском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь. Приложение. Л., 1969.
- Дыренкова 1940 — *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940.
- Дыренкова 1941 — *Дыренкова Н. П.* Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941.
- Есипова 1993 — *Есипова А. В.* Определительные функции причастия в шорском языке. Новосибирск, 1993.
- Исхакова и др. 2007 — *Исхакова Х. Ф., Насилов Д. М., Невская И. А., Шенцова И. В.* Эвиденциальность в тюркских языках // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007. С. 469—519.
- Карпов 1955 — *Карпов В. Г.* Изъявительное наклонение в хакасском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1955.
- Катанов 1903 — *Катанов Н. Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.
- Козинцева 1994 — *Козинцева Н. А.* Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92—105.
- Козинцева 2007 — *Козинцева Н. А.* Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сб. памяти Н. А. Козинцевой. СПб., 2007. С. 13—36.
- Кондратьев 1970 — *Кондратьев В. Г.* Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970.
- Кондратьев 1980 — *Кондратьев В. Г.* Основные тенденции развития в морфологическом строе тюркских языков // Советская тюркология. 1980. № 5. С. 31—36.
- Кондратьев 1985 — *Кондратьев В. Г.* Развитие системы времен изъявительного наклонения в тюркских языках // УЗ ЛГУ. Се-

- рия востоковедческих наук. Востоковедение. № 11. Вып. 27. Филол. исследования. Л., 1985. С. 34—42.
- Кононов 1954 — *Кононов А. Н.* Тюркские этимологии // УЗ ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Востоковедение. № 9. Вып. 4. Филол. исследования. Л., 1954. С. 270—285.
- Кононов 1960 — *Кононов А. Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.
- Кононов 1980а — *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.
- Кононов 1980б — *Кононов А. Н.* Семантика и функции глагольной связки *turur* > *-turu* / *-duru* > *-tur* / *-dur* > *-tu* / *-du* > *-t* / *-d* (Сравнительно-исторический этюд) // Советская тюркология. 1980. № 5. С. 3—14.
- Коркина 1970 — *Коркина Е. И.* Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970.
- Кормушин 1984 — *Кормушин И. В.* Системы времен глагола в алтайских языках. М., 1984.
- Кормушин 1988 — *Кормушин И. В.* Категория времени // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1988. С. 368—423.
- Кормушин 1991 — *Кормушин И. В.* Проблемы реконструкции пратюркского глагола: Темпоральная система, ее истоки и преобразования. М., 1991.
- Кормушин 2004 — *Кормушин И. В.* Древние тюркские языки. Учебное пособие. Абакан, 2004.
- Кормушин 2008 — *Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика. Текстология. М., 2008.
- Кузнецова 2004 — *Кузнецова А. И.* Каким может быть статус эвиденциальности и ирреальности? // Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. Сб. науч. статей. М., 2004. С. 88—106.
- Курпешко, Широбокова 1991 — *Курпешко Н. Н., Широбокова Н. Н.* Бивербальные конструкции с глаголами бытия в шорском языке. Кемерово, 1991.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Майсак 2005 — *Майсак Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.

- Маманов 1949 — *Маманов И. Е.* Вспомогательные глаголы в казахском языке. Алма-Ата, 1949.
- Маслов 1978 — *Маслов Ю. С.* К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы по сопоставительной аспектологии. Л., 1978. С. 4—44.
- Мельчук 1998 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. 2. М.; Вена, 1998.
- Мехмет 2000 — *Мехмет А. Э.* Видо-временные формы глагола турецкого языка в сопоставлении с русским: Сравнительно с другими тюркскими языками. Дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2000.
- Монгуш 1958 — *Монгуш Д. А.* Настоящее заглазное время в тувинском языке // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. 6. Кызыл, 1958. С. 111—114.
- Монгуш 1959 — *Монгуш Д. А.* О временных формах в тувинском языке // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. 7. Кызыл, 1959. С. 85—92.
- Монгуш 1963 — *Монгуш Д. А.* Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл, 1963.
- Монгуш 1989 — *Монгуш Д. А.* О сказуемых тувинского языка, выражающих модальное значение достоверности // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989. С. 19—36.
- Монгуш 1995 — *Монгуш Д. А.* Сказуемые тувинского языка со значением ирреальной модальности и вопросительности // Языки коренных народов Сибири. Вып. 1. Новосибирск, 1995. С. 22—52.
- Мусаев 1964 — *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964
- Насилов В. М. 1963 — *Насилов В. М.* Древнеуйгурский язык. М., 1963.
- Насилов В. М. 1974 — *Насилов В. М.* Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. М., 1974.
- Насилов Д. М. 1963 — *Насилов Д. М.* Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1963.
- Насилов Д. М. 1966 — *Насилов Д. М.* Прошедшее время на *-juk / -jiq* в древнеуйгурском языке и его рефлексy в современных языках // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова. М., 1966. С. 92—104.

- Насилов Д. М. 1971 — *Насилов Д. М.* О способах выражения видовых значений в алтайских языках // Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971. С. 366—376.
- Насилов Д. М. 1976 — *Насилов Д. М.* Конструкции *-a + турур* в древнеуйгурском языке // Сибирский тюркологический сборник. Новосибирск, 1976. С. 42—48.
- Насилов Д. М. 1978 — *Насилов Д. М.* Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978. С. 88—177.
- Насилов Д. М. 1984 — *Насилов Д. М.* О грамматическом статусе некоторых тюркских сложновербальных конструкций // УЗ ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Востоковедение. № 9. Вып. 25. Филол. исследования. Л., 1984. С. 76—83.
- Насилов Д. М. 1986 — *Насилов Д. М.* Качественная аспектуальность в тюркских языках // УЗ ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Востоковедение. № 12. Вып. 28. Филол. исследования. Л., 1986. С. 53—58.
- Насилов Д. М. 1989 — *Насилов Д. М.* Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. Л., 1989.
- Невская 2001 — *Невская И. А.* Взаимодействие категорий эвиденциальности, миративности и опосредованности в шорском языке // Категории глагола и структура предложения. Тезисы международной конференции. СПб., 2001. С. 56, 57.
- Ондар 1996 — *Ондар Ч. С.* Семантика аналитических конструкций с вспомогательными глаголами *бол-, шыда-, чада-* в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 3. Новосибирск, 1996. С. 120—129.
- Ондар 1999 — *Ондар Ч. С.* Причастные аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1999.
- Ооржак 1999 — *Ооржак Б. Ч.* Эвиденциальная семантика некоторых глагольных форм в тувинском языке // Материалы XXXVII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс: филология». Новосибирск, 1999. С. 72—74.
- Ооржак 2002 — *Ооржак Б. Ч.* Глагольные формы со значениями очевидности и неочевидности в тувинском языке // Материалы

- Третьей зимней типологической школы. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. М., 2002. С. 226, 227.
- Ооржак 2004 — *Ооржак Б. Ч.* Вопрос о статусе глагольных форм, образованных при участии частицы *-тыр* // Языки коренных народов Сибири. Вып. 14. Новосибирск, 2004. С. 88—94.
- Ооржак 2012 — *Ооржак Б. Ч.* Особенности семантики глагольной формы на *-а-дыр* в тувинском языке // Мир науки, культуры и образования. 2012. № 5. С. 255—257.
- Ооржак 2013 — *Ооржак Б. Ч.* Время или аспект? Семантика глагольной формы на *-галак* в тувинском языке // Сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции «Современные тенденции в образовании и науке». 31 октября 2013 г. Часть 8. Тамбов. С. 93—96.
- Оралбаева 1971 — *Оралбаева Н.* Аналитические формы глагола в современном казахском языке. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1971.
- Оргу 1960 — *Оргу К. Х.* Тыва дыл. Лексика, фонетика болгаш морфология. Төрөөн дыл башкыларынга дузаламчы. Кызыл, 1960.
- Орузбаева 1955 — *Орузбаева Б. О.* Формы прошедшего времени в киргизском языке. Фрунзе, 1955.
- Плунгян 1998 — *Плунгян В. А.* Проблемы грамматического значения в современных грамматических теориях (обзор) // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 324—386.
- Плунгян 2000 — *Плунгян В. А.* Общая морфология: введение в проблематику. М., 2000.
- Плунгян 2001 — *Плунгян В. А.* Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики: Глагольные категории. Вып. 1. М., 2001. С. 50—88.
- Плунгян 2011 — *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Поцелуевский 1948 — *Поцелуевский А. П.* К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы. Ашхабад, 1948.
- Радлов 1899 — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. СПб., 1899.

- Радлов 1907 — *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен. Т. IX. Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов. СПб., 1907.
- Рассадин 1978 — *Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.
- Сат 1955 — *Сат Ш. Ч.* Тувинский язык. (Краткий очерк) // Тувинско-русский словарь. М., 1955. С. 615—721.
- Сат 1959 — *Сат Ш. Ч.* Причастия в тувинском языке // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. 7. 1959. С. 76—84.
- Сат 1960 — *Сат Ш. Ч.* Роль причастий в развитии тувинского языка // УЗ КГПИ. Вып. 1. Кызыл, 1960. С. 73—102.
- Сат 1961 — *Сат Ш. Ч.* Причастия в тувинском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1961.
- Сат 1986 — *Сат Ш. Ч.* Тыва диалектология. Кызыл, 1986.
- Сат, Салзынмаа 1980 — *Сат Ш. Ч., Салзынмаа Е. Б.* Амгы тыва литературлуг дыл. Фонетика, морфология. Кызыл, 1980.
- Серебренников 1960 — *Серебренников Б. А.* Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.
- Серебренников 1963 — *Серебренников Б. А.* Система времен татарского глагола. Казань, 1963.
- Серебренников 1974 — *Серебренников Б. А.* Из истории звуков и форм тюркских языков: О происхождении форм прошедшего времени с показателем *-сук* в тувинском и с показателем *-су* в киргизском языке // Советская тюркология. 1974. № 6. С. 3—17.
- Серебренников 1979 — *Серебренников Б. А.* О некоторых трудных проблемах исторической грамматики тюркских языков // Советская тюркология. 1979. № 3. С. 3—11.
- Серебренников 1986 — *Серебренников Б. А.* В поисках истории грамматических форм // *Turcologica*. Л., 1986. С. 238—243.
- Серебренников, Бирюкович 1981 — *Серебренников Б. А., Бирюкович Р. М.* Некоторые особенности исторического развития перфекта в тюркских языках // Советская тюркология. 1981. № 2. С. 3—12.
- Серебренников, Бирюкович 1984 — *Серебренников Б. А., Бирюкович Р. М.* Из истории некоторых глагольных времен чулымско-тюркского языка // Советская тюркология. 1984. № 6. С. 3—13.

- Серебрянников, Гаджиева 1979 — *Серебрянников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
- СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.
- СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М., 2002.
- СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006.
- Скрибник 1988 — *Скрибник Е. К.* Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Новосибирск, 1988.
- Скрибник, Озонова 2005 — *Скрибник Е. К., Озонова А. А.* Средства выражения засвидетельствованности и миративности в алтайском языке // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005. С. 120—146.
- Смирнов 2008 — *Смирнов И. Н.* Категориальные ситуации временной локализованности и нелокализованности действия в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Категоризация семантики. СПб., 2008. С. 192—213.
- СУЯ 1989 — Строй уйгурского языка. Алма-Ата, 1989.
- Тазранова 2005 — *Тазранова А. Р.* Бивербальные конструкции с бытийными глаголами в алтайском языке. Новосибирск, 2005.
- Татевосов 2004 — *Татевосов С. Г.* Есть—бывает—будет: на пути грамматикализации // *Ландер Ю. А. и др.* (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 226—255.
- Татевосов 2005 — *Татевосов С. Г.* Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 108—141.
- Тенишев, Бирюкович 1985 — *Тенишев Э. Р., Бирюкович Р. М.* Реликты древнеуйгурской формы *-yuluq* в современных тюркских языках (на материале чулымско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1985. № 3. С. 3—7.
- ТФГ 1990 — Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Тугушева 1997 — *Тугушева Л. Ю.* Древнеуйгурский язык // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997. С. 54—63.

- Тумашева 1986 — *Тумашева Д. Г.* Татарский глагол (Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий: учебное пособие). Казань, 1986.
- Тумашева 1990 — *Тумашева Д. Г.* Модальные формы татарского глагола и межкатегориальные связи // Советская тюркология. 1990. № 4. С. 3—9.
- Убрятова 1976 — *Убрятова Е. И.* Исследования по синтаксису якутского языка. Кн. 2. Ч. 2. Сложное предложение. Новосибирск, 1976.
- Убрятова 1980 — *Убрятова Е. И.* Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского в современных тюркских языках Сибири // Языки народов Сибири. Кемерово, 1980. С. 16—30.
- Убрятова 1985 — *Убрятова Е. И.* Историческая грамматика якутского языка. Якутск, 1985.
- Харитонов 1960 — *Харитонов Л. Н.* Формы глагольного вида в якутском языке. М.; Л., 1960.
- Хийс 2009 — *Хийс Г.* Особенности тувинской речи жителей Цэнгела. Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009.
- Хыдыров 1971 — *Хыдыров М. Н.* К истории изучения формы настоящего времени глагола в юго-западных языках // Советская тюркология. 1971. № 6. С. 45—50.
- Чарьяров 1977 — *Чарьяров Б. Ч.* Особенности употребления определенного будущего времени в тюркских языках // Советская тюркология. 1977. № 2. С. 15—23.
- Черемисина, Тыбыкова 1988 — *Черемисина М. И., Тыбыкова А. Т.* О модальных формах сказуемых алтайского языка // Компоненты предложения. Новосибирск, 1988. С. 3—32.
- Черкасский 1965 — *Черкасский М. А.* Тюркский вокализм и сингармонизм. Опыт историко-типологического исследования. М., 1965.
- Шамина 1995а — *Шамина Л. А.* Аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 1995. С. 23—39.
- Шамина 1995б — *Шамина Л. А.* Бивербальные конструкции в тюркских языках // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Т. 1. Филология. Новосибирск, 1995. С. 83—86.
- Шамина 1996а — *Шамина Л. А.* Бивербальные аналитические конструкции с вспомогательным глаголом *кал-* в тувинском языке //

- Языки коренных народов Сибири. Вып. 3. Новосибирск, 1996. С. 85—98.
- Шамина 1996б — *Шамина Л. А.* Бивербальные аналитические конструкции с вспомогательным глаголом *каг-* в тувинском языке // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1996. С. 69—73.
- Шамина 1998 — *Шамина Л. А.* Аналитические конструкции с семантикой множественности деятеля / действия в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 4. Новосибирск, 1998. С. 153—164.
- Шамина 2001 — *Шамина Л. А.* Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. Новосибирск, 2001.
- Шамина 2005 — *Шамина Л. А.* Средства выражения эвиденциальности и миративности в тувинском языке // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005. С. 146—158.
- Шамина 2010 — *Шамина Л. А.* Аналитические грамматические формы и конструкции в функции сказуемого в тувинском языке. Новосибирск, 2010.
- Шамина 2014 — *Шамина Л. А.* О перспективе в тувинском языке // Северо-Восточный Гуманитарный Вестник. ИГиИПМНС СО РАН. № 1 (6). Якутск, 2014. С. 73—79.
- Шамина, Ондар 2003 — *Шамина Л. А., Ондар Ч. С.* Глагольные аналитические конструкции с первым причастным компонентом в тувинском языке. Новосибирск, 2003.
- Шамина, Черемисина 1982 — *Шамина Л. А., Черемисина М. И.* Причастие на *-галак (-калак)* в тувинском языке // Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982. С. 57—69.
- Шенцова 1988 — *Шенцова И. В.* Видовые показатели в составе функциональных форм глагола в шорском языке // Грамматические исследования по тюркским языкам. Новосибирск, 1988. С. 104—122.
- Шенцова 1997 — *Шенцова И. В.* Акциональные формы глагола в шорском языке. Кемерово, 1997.
- Шенцова 1998 — *Шенцова И. В.* Шорский глагол. Функционально-семантическое исследование. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1998.

- Шенцова 1999 — *Шенцова И. В.* Шорский язык. Морфология. Учебное пособие. Новокузнецк, 1999.
- Ширалиев 1997 — *Ширалиев М. Ш.* Азербайджанский язык // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997. С. 160—172.
- Широбокова 2002 — *Широбокова Н. Н.* Тюркские языковые типы в сибирском ареале по историческим данным // Языки коренных народов Сибири. Вып. 8. Новосибирск, 2002. С. 223—233.
- Широбокова 2005 — *Широбокова Н. Н.* Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири. Новосибирск, 2005.
- Щербак 1957 — *Щербак А. М.* Способы выражения грамматических значений в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1957. № 1. С. 18—26.
- Щербак 1981 — *Щербак А. М.* Очерки сравнительной морфологии тюркских языков. (Глагол.) Л., 1981.
- Щербак 1994 — *Щербак А. М.* Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб., 1994.
- Юлдашев 1965 — *Юлдашев А. А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.
- Юсупов 1985 — *Юсупов Ф. Ю.* Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. Казань, 1985.
- ЯМ 1997 — Языки мира. Тюркские языки. М., 1997.
- Buder 1989 — *Buder A.* Aspekte-temporale Kategorien im Jakutischen. Wiesbaden, 1989.
- Comrie 1976 — *Comrie B.* Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976.
- Comrie 2000 — *Comrie B.* Evidentials: Semantics and history // Evidentials. Turkic, Iranian and Neighbouring Languages. Berlin, New York, 2000. P. 1—12.
- Erdal 2004 — *Erdal M.* A grammar of Old Turkic. Leiden, Boston, Köln, 2004.
- Johanson 1971 — *Johanson L.* Aspekt im Türkischen: Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems. Uppsala, Almqvist, Wiksell, 1971.
- Johanson 1975 — *Johanson L.* Aktionsphase und Verlaufsordnung: In margine einer Monographie zur «Aktionalität» im Deutschen // Studia Neophilologica. 1975. № 47. S. 120—150.
- Johanson 1994 — *Johanson L.* Türkeitürkische Aspektotempora // *Thieroff R., Ballweg J.* (eds). Tense systems in European languages. Tübingen, 1994. P. 247—266.

- Johanson 1996 — *Johanson L.* Terminality operators and their hierarchical status // *Devriendt B., Goossens L., van der Auwera J.* (eds). *Complex structures: A functionalist perspective.* Berlin; New York, 1996. P. 229—258.
- Johanson 2000a — *Johanson L.* Turkic indirectives // *Evidentials. Turkic, Iranian and neighbouring languages.* Berlin; New York, 2000. P. 61—87.
- Johanson 2000b — *Johanson L.* Viewpoint operators in European languages // *Dahl Ö.* (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe.* Berlin; New York, 2000. P. 27—187.
- Johanson 2001 — *Johanson L.* The aspectually neutral situation type // *Ebert K. H., Zúñiga F.* (eds). *Aktionsart and aspectotemporality in non-European languages.* Zürich, 2001. P. 7—13.
- Karakoç 2005 — *Karakoç B.* *Das finite Verbalsystem im Nogaischen.* Wiesbaden, 2005.
- Nevskaya 2002 — *Nevskaya I. A.* Evidentials, indirectives and miratives in Shor // *Demir N., Turan F.* (eds). *Scholarly depth and accuracy. A Festschrift to Lars Johanson.* Ankara, 2002. P. 307—323.
- Nevskaya 2005 — *Nevskaya I. A.* The typology of prospective in Turkic languages // *Gippert J., Erdal M., Voenn R.* (eds). *Sprachtypologie und Universalienforschung. Language typology and Universals. Focus on: Sentence types and sentence structures.* Frankfurt, 2005. P. 111—123.
- Nevskaya 2006 — *Nevskaya I. A.* Prospective and avertive in Turkic languages // *Материалы международной конференции по тюркской лингвистике в г. Уппсале.* Уппсала, 2006.
- Oorzhak 2012 — *Oorzhak B.* Die perzeptive Verbform -Adlr im Tuwinischen // *Erdal M., Nevskaya I., Menz A.* (eds). *Areal, historical and typological aspects of South Siberian Turkic.* Wiesbaden, 2012. S. 91—96.
- Ragagnin 2011 — *Ragagnin E.* *Dukhan, a Turkic variety of Northern Mongolia. Description and Analysis.* Wiesbaden, 2011.
- Rentzsch 2005 — *Rentzsch J.* *Aspekt im Neuuigirischen.* Wiesbaden, 2005.
- Schönig 1991 — *Schönig Cl.* Das Lenatürkische und die sprachlichen Merkmale des nordöstlichen türkischen Areales // *Altaica Osloensia. Proceedings of the 32nd meeting of the Permanent International Altaistic Conference.* Oslo, 1991.

-
- Schönig 1984 — *Schönig Cl.* Hilfsverben im Tatarischen: Untersuchungen zur Funktionsweise einiger Hilfsverbverbindungen. Wiesbaden, 1984.
- Schönig 2006 — *Schönig Cl.* Кипчакisch-Südsibirische Gemeinsamkeiten // Языковая ситуация и коммуникативные стратегии обучения. Материалы всероссийской научно-методической конференции. Новосибирск, 2006. С. 42—63.
- Skribnik, Ozonova 2000 — *Skribnik E., Ozonova A.* Evidentialis and miratives in Altay-kizhi // ICTL — 2000. Tenth International Conference on Turkish Linguistics. Abstracts. Istanbul, 2000. P. 127—128.
- Tekin 1968 — *Tekin T.* A grammar of Orkhon Turkic. Uralic and Altaic series. Vol. 6. Bloomington, 1968.

СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАНТАХ

ФИО	Год рождения / возраст информантов на момент проведения опроса	Диалект, говор*
1. Дамба Зоя Маадыровна	1955 / 45	центральный
2. Иргит Карн Канчыырович	1937 / 64	западный
3. Кыргыз Людмила Кок-ооловна	1963 / 37	западный
4. Кыргыз Монге Чигден-оолович	1961 / 40	центральный
5. Монгуш Любовь Санчат-ооловна	1959 / 41	центральный
6. Монгуш Отук Ким-оолович	1972 / 28	западный
7. Монгуш Сарыг-Уруг Ооржаковна	1948 / 51	западный
8. Монгуш Татьяна Санааевна	1944 / 54	западный
9. Монгуш Татьяна Чонактааровна	1942 / 56	западный
10. Ондар Нина Когуйленовна	1960 / 40	центральный
11. Ооржак Зоя Сартыбаевна	1967 / 35	западный
12. Ооржак Зоя Тырышпаевна	1953 / 49	западный
13. Ооржак Михаил Тореевич	1943 / 55	западный
14. Ооржак Таракмаа Намзыраевна	1931 / 66	западный
15. Ооржак Чаш-оол Санаевич	1949 / 53	западный
16. Оюн Бугалдай Калзанович	1933 / 64	юго-восточный
17. Салчак Самдан Сунгушевич	1942 / 54	каа-хемский г.
18. Сарыглар Алексей Октек-оолович	1953 / 46	западный
19. Сарыглар Галина Сергеленовна	1960 / 40	центральный
20. Сарыглар Татьяна Дарган-ооловна	1957 / 41	западный
21. Хандыпай Долаана Арын-ооловна	1969 / 33	западный
22. Хертек Биче-оол Конгаржапович	1932 / 64	западный
23. Хертек Чудурукпай Момуковна	1948 / 49	западный
24. Хирлиг-оол Екатерина Сундуевна	1974 / 28	западный
25. Хомушку Роза Шой-Сюрюновна	1974 / 28	западный
26. Адыгжы Ульяна	1960 / 37	центральный

* Классификация тувинских диалектов по [Сат 1986].

27. Базыр Альбина Эргинеевна	1978 / 19	центральный
28. Базыр Лидия Кан-ооловна	1955 / 42	центральный
29. Дожувай Чечена Владимировна	1973 / 24	центральный
30. Донгак Артыш Семис-оолович	1976 / 21	центральный
31. Донгак Аяна Анатольевна	1978 / 19	центральный
32. Донгак Ульяна Борисовна	1977 / 20	западный
33. Донгак Ульяна	1975 / 22	центральный
34. Дувак Алла Алексеевна	1978 / 19	центральный
35. Дувекей Олеся Валерьевна	1978 / 19	центральный
36. Дупчун Снежана Сарыг-ооловна	1973 / 24	западный
37. Иргит Аяс Александрович	1978 / 19	центральный
38. Кара-Сал Артур	1973 / 24	западный
39. Кужугет Аржаана	1976 / 21	юго-восточный
40. Кужугет Чечена Степановна	1975 / 27	центральный
41. Куулар Айдар Борисович	1967 / 30	центральный
42. Куулар Яна Юрьевна	1977 / 20	центральный
43. Ликсок Айдырмаа Дойдуевна	1975 / 27	юго-восточный
44. Лопсан Аяна Алексеевна	1977 / 20	центральный
45. Магыбал Яна Откуновна	1975 / 23	центральный
46. Монгуш Азияна Александровна	1977 / 20	центральный
47. Монгуш Айлан Ивановна	1976 / 21	центральный
48. Монгуш Вячеслав Борисович	1976 / 21	западный
49. Монгуш Лидия Дамдыновна	1930 / 65	западный
50. Монгуш Сайлык Николаевна	1966 / 31	западный
51. Монгуш Сай-Суу Ивановна	1978 / 19	центральный
52. Монгуш Чечена Айыр-Санааевна	1978 / 19	западный
53. Монгуш Шораана Геннадьевна	1968 / 29	центральный
54. Монгуш Ульяна Очур-ооловна	1976 / 21	центральный
55. Ондар Айыраана Валерьевна	1975 / 22	центральный
56. Ондар Алекмаа Карымовна	1968 / 35	юго-западный
57. Ондар Артур Доржуевич	1966 / 28	центральный
58. Ондар Ирма Иргитовна	1978 / 25	западный
59. Ондар Саида Октябьевна	1977 / 20	юго-восточный
60. Ондар Чимис Бавуужаповна	1978 / 25	центральный
61. Ооржак Буян Маадыр-оолович	1964 / 34	западный

62. Ооржак Долаана Очур-ооловна	1976 / 21	западный
63. Ооржак Людмила Сергеевна	1977 / 20	западный
64. Ооржак Надежда Борисовна	1977 / 25	западный
65. Очур-оол Анна Даниловна	1772 / 26	западный
66. Оюн Ирина Юрьевна	1976 / 21	западный
67. Саая Ниля Марган-ооловна	1977 / 20	западный
68. Салчак Айланмаа Доржуевна	1976 / 21	юго-восточный
69. Сарыглар Айдысмаа Ашак-ооловна	1976 / 21	центральный
70. Сарыг-оол Буяна Борисовна	1977 / 20	центральный
71. Седип-оол Чечена Владимировна	1973 / 24	центральный
72. Сендажы Чинчи Орелдеевна	1978 / 19	западный
73. Серго Чимис Сергеевна	1978 / 20	центральный
74. Серин Чейнеш Дадар-ооловна	1976 / 21	центральный
75. Сыгыр-оол Алене Залимовна	1978 / 20	центральный
76. Тулуш Чейнеш Хулер-ооловна	1976 / 27	западный
77. Тюлюш Светлана Алдын-ооловна	1969 / 29	западный
78. Хертек Айланмаа Мылдыргыновна	1978 / 20	западный
79. Хертек Алимаа Арбай-ооловна	1978 / 20	западный
80. Хертек Чимис Шожал-Даржааевна	1977 / 20	центральный
81. Ховалыг Алена Алексеевна	1976 / 21	западный
82. Хомушку Анай-Хаак Васильевна	1977 / 20	центральный
83. Хомушку Алена Демир-ооловна	1977 / 20	западный
84. Чамзырын Людмила Опай-ооловна	1978 / 25	центральный
85. Ондар Чодураа Савыковна (И1)	1968 / 34	центральный
86. Кечил-оол Саида Владимировна (И2)	1975 / 22	центральный
87. Монгуш Алдынай Владимировна (И3)	1976 / 25	центральный
88. Сотпа Аяна Васильевна (И4)	1973 / 22	центральный
89. Дамбыра Ирина Даш-ооловна (И5)	1978 / 24	каа-хемский г.
90. Сагаан Нонна Яковлевна (И6)	1972 / 24	центральный
91. Барыс-Хоо Валентина Сувановна (И7)	1978 / 25	центральный
92. Салчак Аэлиита Яковлевна (И10)	1974 / 28	центральный

Приложение 2

СОКРАЩЕНИЯ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Языки и диалекты

алт. — алтайский язык;
др.уйг. — уйгурский язык;
кирг. — киргизский язык;
тел. — телеутский диалект;
тоф. — тофский язык;
тув. — тувинский язык;
хак. — хакасский язык;
чул. — чулымский язык;
шор. — шорский язык.

Грамматические символы

T_v — основа глагола
 $T_v-n / -a / -гаиш$ — деепричастная форма
 V — вспомогательный глагол
 $V_{(бытия)}$ — вспомогательный глагол бытия

Сокращения, используемые в таблицах

ближ. — ближайшее будущее время;
буд. — будущее время;
вневр. — вневременность;
возм. — значение возможности;
всп. — вспомогательный;
дееприч. — деепричастие;
длит. — длительность;
док. — документация;
жел. — желательное наклонение;
категор. буд. — категорическое будущее время;
книж. — книжный стиль;
МРВ — миратив;
наст. — настоящее время;
наст.-буд. вр. — настоящее-будущее время;
наст. расш. — настоящее расширенное время;
науч. — научная литература;
офиц. — официально-деловая речь и документация;
побуд. — значение побуждения;
ПР — прямая речь;

ПРЗ — пересказывательность;
ПФ — перфект;
предпол. — предположительное время;
прош. — прошедшее время;
прям. — прямая эвиденциальность;
публ. — публицистика;
разг. — разговорная речь;
фольк. — фольклорные тексты;
худ. — художественная литература.

Обозначение источников

- А — Анкетные данные
АА — Аксагалдай ашак. Тыва хуулгаазын тоолдар. 1 том. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1992.
АС — *Тока С.* Аратгың сөзү. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1967.
АТ — *Сарыг-оол С.* Чогаалдар чыындызы. 1 том. Аңгыр-ооддун тоожузу. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1988.
ББ — *Кенин-Лопсан М.* Буян-Бадыргы. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 2000.
ВМ2 — *Монгуш В.* Кадай-кыска хаан-на мен. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1999.
ДБ — *Бегзи Д.* Өннүктөр дугайында тоожу. Кызыл, 1995.
ДЗ — Дамырак-3 (сборник). Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1989.
ЕБМ — *Бады-Монге Е.* Кым улугул? Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1990.
И — Информант.
ИБ — *Бадра И.* Арзылаң Күдерек. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1996.
КН — *Сюрюн-оол С.* Кижиниң намдары. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1983.
КО — *Сюрюн-оол С.* Кымның оглул? Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1977.
М — Матпаадыр. Кызыл, 1991.
ОТ — *Туң-оол О.* Буруулугну бурган билир. Кызыл, 2001.
Сүр1 — *Сюрюн-оол С.* Чогаалдар чыындызы. Т. 1. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1991.

- Сүр2 — *Сюрюн-оол С.* Чогаалдар чыындызы. Т. 2. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1992.
- ТК — *Сюрюн-оол С.* Тывалаар кускун. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1994.
- УХ4 92 — Улуг-Хем (альманах). № 4. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1992.
- УХ2 94 — Улуг-Хем (альманах). № 4. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1994.
- УХ4 94 — Улуг-Хем (альманах). № 4. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1994.
- ХМ — *Ховалыг М.* Чечен чугаалар. Кызыл, 1998.
- ХЫ — *Сарыг-оол С.* Хүннүн ыраажылары. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1977.
- ЧК — *Даржай А.* Чурттаарын күзезинзе. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1984.
- ЧХ — Часкы хөөннер. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1994.
- ЭД — *Донгак Э.* Кулузун-Шынаазы чурттуг оолдар. Кызыл, 2006.

Обозначение электронных источников

- ЭКТЯ — Электронный корпус тувинского языка (www.tuvancorpus.ru)
- ЗБ ЭКТЯ — *Байсалова З.* Сурас. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1997. (www.tuvancorpus.ru)
- ККМ ЭКТЯ — *Кудажы К.* Уйгу чок Улуг-Хем. Мөнгүн том. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1989. (www.tuvancorpus.ru)
- НО ЭКТЯ — *Сюрюн-оол С.* Ногаан ортулук. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1986. (www.tuvancorpus.ru)
- Т ЭКТЯ — *Танова Е.* Акым дугайында тоожу. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 1976. (www.tuvancorpus.ru)
- Х ЭКТЯ — *Хомушку В.* Черим арны. Тываның ном үндүрер чери. Кызыл, 2000. (www.tuvancorpus.ru)

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ грамматических значений в глоссах

- ABL — исходный падеж
ACC — винительный падеж
CAUS — понудительный залог
COND — условное наклонение
CV₁ — деепричастие на -а
CV₂ — деепричастие на -п
CV₃ — деепричастие на -гаиш
CV₄ — деепричастие на -гала
CV₅ — деепричастие на -бышаан
DAT — дательный падеж
FREQ — многократный вид
FUT1 — форма будущего времени на -ар
FUT2 — форма будущего времени на -галак
GEN — родительный падеж
IMP — повелительное наклонение
INSTR — инструментальный (творительный) падеж
LAT — направительный падеж на -че
LOC — местный падеж
M — мультипликатив
NEG — отрицательная форма
NEG/CV — отрицательное деепричастие
NEG/PF — отрицательная форма причастия будущего времени на -ар
NEG/PP — отрицательная форма причастия прошедшего времени на -ган
NOM — основной падеж
NOMLZ — транспонирующий суффикс (глагол →имя)
PASS — страдательный залог
PAST₁ — форма прошедшего времени на -ды
PAST₂ — форма прошедшего времени на -ган
PAST₃ — форма прошедшего времени на -чык
PAST₄ — форма прошедшего времени на -бышаан
PAST₅ — форма прошедшего времени на -п-тыр
PFV — законченный вид
PL, Pl — множественное число
POSS — посессивность
POSSV — форма обладания
PF₁ — причастие будущего времени на -ар
PF₂ — причастие будущего времени на -галак

- PF₃ — причастие будущего времени на *-гы дег*
PP — причастие прошедшего времени на *-ган*
PR₁ — форма настоящего времени *T_v-n V-Ø*
PR₂ — форма настоящего времени на *T_v-n V-ар*
PR₃ — форма настоящего времени на *-а-дыр*
PTCL — частица
Q — вопросительная частица
REC — совместно-взаимный залог
RFL — возвратный залог
Sg — единственное число
VRBLZ — транспонирующий суффикс (имя→глагол)

Научное издание

Байлак Чаи-ооловна Ооржак

ВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

Корректор О. Круподер
Оригинал-макет подготовлен Б. Ч. Ооржак
Художественное оформление переплета И. Богатыревой

Подписано в печать 01.12.2014. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 11,5. Тираж 300. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры»
№ государственной регистрации 1037739118449.
Phone: 8 (495) 624-36-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4

